

Однажды увиденное не может
быть возвращено в хаос никогда.
В.Набоков «Другие берега»

...сообщая факты, так и тянет
их исказить. Беспристрастных исто-
риков нет: одни говорят поло-
вину правды, другие – чистую
ложь.

Г.К.Честертон

Конченковъ

В разное время фамилия наша звучала по-разному: Петр Гаврилович, мой дед, говорил, что он – Кónченков, а его отца, моего прадеда Гаврила Ивановича Конченкова, в Екатеринославке (район им. Лазо, Хабаровского края), куда он переехал из европейской России в 1940 году, называли Кончѣнков (или Кончóнковъ, что более соответствует традиции дореформенной русской орфографии).

Косвенно этой фонетикой определяется изначальное начертание фамилии: **Конченковъ**, в корне именно буква «есть», не «ять» – не Кончѣнковъ, а также её несомненно великорусское происхождение – ведь в форме *Конченковъ*, при желании, нетрудно увидеть присутствующий в большинстве украинских фамилий суффикс *-енк*, с последующим обрусением с добавлением русского суффикса *-ов*.

Начиная с моего отца, устоялась та форма, которой мы теперь и пользуемся – **Конченкóв**.

Фамилия Конченков сравнительно редкая, хотя мне доводилось встречать своих однофамильцев: в 1989 году в Александровск-Сахалинской автошколе ДОСААФ со мною учился Олег Кónченков из Охи. Как только я ни заходил к нему с вопросами, но никаких общих родственников не нашел.

Отец мне писал, что у них в школе работал преподавателем истории и черчения Лев Дмитриевич Конченко: «он был хорошим знакомым моей матери – работали раньше вместе в пединституте, – но он не родственник».

По словам отца, фамилия **Конченковъ** представляет собой обозначение места жительства – Конченковы жили на конце села.

В этимологическом словаре русских фамилий о Конченковых ничего не сказано, зато есть фамилия Кончаловский – с тем же самым, слово в слово, определением: «живущий на конце села».

В основе фамилии **Конченковъ** лежат два святорусских корня **КЪН** и **ЧЪН** – «конец» и «начало» (буква **Ъ** («ерь») в древнерусском языке произносилась примерно как современная русская «О»¹), что соответствует греческому выражению «**Α** и **Ω**» (Альфа и Омега), «начало и конец», т.е. «всё сущее, универсум». К слову, библейское выражение «познать добро и зло» (*tov*

¹ В родственном русскому болгарском языке буква эта – «ер голям» – «большой ер» – существует до сих пор.

ve ra), означает не собственно «добро» и собственно «зло», а является синонимом «А и Ω», – читай **КЪН** и **ЧЪН**!

Таким образом, мы констатируем, что путём сложного семантического анализа автором было непреложно установлено восхождение фамилии **Конченковъ** непосредственно к Адаму и Еве.

Шутка. Но ведь красиво, согласитесь, Анна Евгеньевна?

Происходит наша фамилия (род) из села Казёнчик, Наровчатского уезда, Пензенской губернии. Моя прабабка, Беспалова (документов сейчас, конечно, уже не найти, но в традиции дореформенной русской орфографии правильнее в приставке фамилии писать букву «з» – *Беспалова* (в приставке пишется «е», не «ѣ»)) Агафья Ильинична, принадлежала к 4-му поколению жителей этого села. Она родилась в 1891 году. Можно примерно посчитать: поколение – это промежуток времени в 25 лет, итого получается 1816 год – первая четверть XIX столетия.

По нашим дальневосточным меркам и семь вёрст не крюк, и Владивосток от Хабаровска недалеко отстоит, каких-то 700 километров, а Казёнчик в сотне вёрст от Москвы был глушью. Растянувшиеся на 3 – 4 версты, вплотную стоящие в линию друг к другу, не пройти между, дома, – всё крыто соломой; воды своей не было, ближайшая река – Мокша находилась верстах в 15 – 20 от села. Вдоль него узкой полосой тянулся хутор – выселки.

Церковь в Казёнчике, по словам Ивана Гавриловича Конченкова, была богатая. После революции её не разрушили, устроили в ней хранилище для зерна, а к службам ходили в соседнюю деревню Вопиловку.

Половина села носила 3 фамилии: Кончёнковы, Беспаловы и Ильины, и все, так или иначе, приходились друг другу роднёй. Из остальных Иван Гаврилович вспомнил Рыжовых, Расстригиных, Пяткиных, Шероновых, Ватолиных, Якунчиковых, Вяткиных и Мельниковых.

Крепостными наши с тобой предки никогда не были, их помещиком являлся сам царь, император Российской империи: они были государственными крестьянами. Это значит, что никто и никогда не продавал их, как скот, не проигрывал в карты, не выменивал целыми деревнями на охотничьих собак, – всего полтора столетия тому назад, до царского манифеста 19 февраля 1861 года, в России официально существовало рабство – крепостное право. Помещик был волен поступать со своим имуществом – крепостными крестьянами – как ему вздумается, обращаться совершенно как с неодушевлёнными предметами¹.

Прабабушка Агафья Ильинична, отец вспоминал, рассказывала о помещике и помещице, к которым ходили наниматься на работу, но они были в другом селе.

О самом старшем из известных мне Конченковых, моём прапрадеде Иване, знаю только, что было у него 7 или 8 детей. Вот сохранившиеся имена, по старшинству: Степан (у него был сын Яков, в 1920-30-х годах он будет

¹ Хотя и нельзя не отметить, что освобождение крепостных в 1861 году касалось только 34% населения страны.

работать в милиции, дослужится до звания полковника. В другой раз отец говорил, что Яков – брат Гаврила Ивановича), Гавриил, Фёдор, Алексей (служил лесным объездчиком) и младший – Сергей. Была дочь Домна, монахиня, – следы её, как и сотен тысяч таких же русских людей, потерялись в кровавой круговерти революции. Она исчезла.

Про Сергея мне Анастасия Гавриловна рассказала. Он умер от голода. В 1935 году пришёл откуда-то домой, у него сил войти даже не нашлось, присел во дворе «на дровосеке». В доме никого в тот момент не было, «мы в поле были, работали, приехали, а он – готов».

Ещё знаю, что умер мой прапрадед Иван Конченков, когда его дети были ещё маленькие.

Когда этот мой опус существовал ещё только в виде рабочего варианта, Анатолий Конченков захватил его с собой в поездку во Владивосток и привёз мне обратно, в подарок от дедовой сестры Анастасии Гавриловны Конченковой, студийную фотографию Гаврила Ивановича в мундире лейб-гвардии Преображенского полка вместе со своим офицером. Часть изображения с головой офицера кем-то – намеренно – оторвана: в послереволюционной России было просто опасно хранить такие вещи. Прадед на карточке ещё без крестов. Оригинальная фотография почти столетней давности, снято, видимо, никак не позже 1915 года! Просто царский подарок.

Павильонная фотография, к слову, была недешёвым удовольствием: в 1905 году она стоила целых пять полновесных золотых русских рублей. Со временем цена понизилась, но к 1914 году всё равно она никак не могла быть менее одного рубля.

И вот Толя, передавая мне фотографию, поделился своими впечатлениями о Якове, с его слов – *двоюродном брате* Гаврила Ивановича¹: огромная фигура, большой с залысынами лоб, роговые очки – *у такого во всём признаешься!*

У Якова Конченкова был сын (погиб на войне) и дочь.

Спросил как-то Анастасию Гавриловну, почему окружающие называют её Наталья Гавриловна, может, я чего-то не знаю? И вот она пишет: «Женя, пусть не смущает тебя моё имя. Я привыкла и к тому, и к другому. В жизни моей и то, и другое имя звучало очень часто и это в настоящей жизни не имеет никакого значения и не играет никакой роли.

Когда я родилась, отца не было дома, как мама говорила, был голодный год и отец уехал на заработки на реку Свирь. А когда приехал, то мне было уже 2 месяца, он меня окрестил и записал имя по святцам. Имя Наталья ему не понравилось, как он говорил позднее мне: «Зайди в дом к любому попу и у каждого или дочь, или жена Наталья. А я хоть и крещёный и крещусь перед каждым приёмом пищи и после, но имя Наталья поповское, а Анастасия царское (вот интересно, прадед мой ведь не польский шляхтич, а, слава Богу, русский человек, – и откуда бы такая фамильная спесь?! – Шутка. – Е.К.)».

¹В интернете на странице об истории кисловодской милиции упоминается кавалер ордена Красной Звезды Я.К. Конченков.

Так что в 16 лет (а это, на минуточку, $1935+16 = 1951$ год – не всё так просто. – Е.К.) он мне не дал добро на смену имени. Сказал, что имя выбрано по святцам, менять его нельзя, грех. Так и повелось. В школу меня записывала моя сестра Татьяна, она сама там работала, а когда я получила аттестат, то на второй день пошла в школу и мне в нём сделали запись: «Исправленному верить», а перед этим документы никто не спрашивал.

Называй меня без смущения Анастасия Гавриловна, как твой папа Игорь Петрович»¹.

Отца моей прабабки Агафьи Ильиничны звали Илья Ефимович Беспалов, маму – Мария. Когда мы с отцом были в гостях у Ивана Гавриловича Конченкова, их внука и родного брата моего деда, мне рассказывали, что бабушку Марию в семье по имени и не называли, а только – «старая мать», Агафью Ильиничну же, соответственно, «молодая мать».

Умерли они – бабушка Мария и Илья Ефимович на родине в Казёнчике в 1948 году.

Итак, мой прадед Гаврил Иванович (6 апреля 1889 – 28 января 1978) и прабабка Агафья Ильинична (28 февраля 1891 – 28 января 1969) Конченковы.

Росту Гаврил Иванович был небольшого, но характером задирист – во время Великой Отечественной войны уже чуть не поплатился – сцепился с председателем колхоза: я, мол, георгиевский кавалер, а ты кто такой есть?

– Ах, ты георгиевский кавалер!.. Ну, ладно!..

При тогдашних лихих порядках легко мог на Колыму поехать – сказать такое председателю колхоза, то есть представителю Советской власти! – в НКВД такие речи запросто классифицировали как «подготовка теракта, через намерение». И видимо, дело обстояло достаточно серьёзно. Спасло его только то, что все в деревне знали – у него сын на фронте, офицер. Председатель так и сказал: «Если бы не Петя ...».

А в молодости, в родном селе, Гаврил Иванович был, что называется, «первым парнем на деревне». Любил ходить «драться на кулачки». По свидетельству дочери Аграфены даже прозвище в деревне было у него соответствующее – «Боёк». На Крещение, Анастасия Гавриловна рассказывает, купался в ручье: вырубал себе полынью и ложился – ручей мелкий – как в ванну. «Купался по-топорному», по выражению Анастасии Гавриловны.

Видишь, как интересно, мой отец, внук его, на Крещение, даром, что неверующий, обязательно в Волге купается, и куда бы и когда не приезжал, форма приветствия новой местности у него – искупаться в местном водоёме: в Чёрном море, в Балтийском, в Охотском, в Японском, в Амуре, Уссури, Даугаве, Волге. Меня вот тоже никто не тащит на Крещение в иордань на Уссури при $-24-26^{\circ}\text{C}$ да с ветерком. А мы с отцом вдвоём купались в море во Владивостоке прямо в Спортивной гавани 22 и 23 ноября, правда, всего при -13°C , но, опять же, ветерок был злой. Так мы даже без полотенца, я его дома забыл: вылезли, оделись и дальше пошли гулять по городу. Про деда не знаю, но он фронтовик, и этим уже всё сказано: их 78-я бригада в январе-феврале

¹ Письмо от 19 декабря 2015

1943-го наступала на немцев и форсировала реку Ловать – так не по льду, льда на ней не было, его артиллерия весь разнесла!

Кровь, кровь! Смотри как – на четыре известных нам поколения Конченковы как по линейке выстроились. Так что, девушка, всё идёт к тому, что выхода у тебя нет: судьба твоя такая!..

Образования у Гаврила Ивановича было всего 4 класса церковно-приходской школы. На жизнь он зарабатывал портняжничаньем – шил брюки, рубахи, пиджаки, зипуны, поддёвки, шубы, шапки – не модельные, понятно – на деревенский уровень.

Он рано остался без отца, и какой-то их родственник взял сироту к себе на воспитание, дал профессию и по окончании обучения подарил швейную машинку Singer. А это дорогой подарок, во многих смыслах. Во-первых, машинка сама по себе стоила немало, а во-вторых, с машинкой с голоду уже не умрёшь и на кусок хлеба себе и семье всегда можно заработать.

Тем не менее, одно кустарное ремесло больших доходов не приносило, и приходилось на посев, уборку урожая наниматься в батраки, – бедно жил мой прадед, в общем.

Агафья Ильинична Беспалова происходила, напротив, из зажиточной семьи, и отец её, Илья Ефимович, наотрез отказывался отдавать дочь замуж за бедняка Гаврила Конченкова. Того, впрочем, это обстоятельство не особо и задело – он просто выкрал свою невесту из отцовского дома – она, понятно, была вовсе не против!

Дело было достаточно опасным – на хуторе Беспаловых только взрослых 22 человека жили, и поймай его братья невесты или отец – убить бы, конечно, не убили, но ноги переломать вполне могли бы, с нашим удовольствием. Но Гаврил Иванович часто бывал на беспаловском хуторе, ходил к ним работать, поэтому и собаки его знали, прикормил их, поэтому и не залаяли, когда он пришёл ночью красть невесту, а невеста была уже готова. Прыгнули в лёгкую коляску, и Весельчак, призовой рысак, унёс их с места преступления! Домчали до соседней деревни, договорились со священником, да и обвенчались «самокруткой»: свадьба «уходом» это называлось, потому что без родительского благословения. Отец Агафьи Ильиничны нашёл их на второй день, но было уже поздно, уже родственники. Пошумел тесть, но простил.

У них было 8 детей: Матрёна (1912 – 1983-84), Аграфена (ок.1918 – 28-29 октября 1997), Татьяна (1922), Пётр (мой дед; 5 октября 1919 – 2 февраля 1977 года), Анна (3 августа 1924 – 6 сентября 1989), Иван (25 августа 1929 – 18 декабря 2008), Александр (октябрь 1931), Анастасия (4 октября 1935).

Посмотри на общую фотографию Конченковых 1932 года, она одна. Слева направо: Татьяна, Агафья Ильинична с сыном Сашей на руках, Пётр, Гаврил Иванович и Иван. Отец предположил, что фотографировались, по всей видимости, в г. Наровчат.

Срочную военную службу Гаврил Иванович проходил матросом на реке Амударье. Амударья не русская река, протекает она по территории современных среднеазиатских государств Таджикистана, Узбекистана и Туркме-

нистана, но полтора столетия назад ситуация была иной – в 1868 году Бухарский эмират потерпел военное поражение, попал в вассальную зависимость к Российской империи и получил статус её протектората. Сейчас Амударья представляет собою, скорее, ручей, её воды не доходят до Аральского моря, разбираются по пути на орошение узбекских хлопковых полей, тогда же, видишь, по ней ходили даже военные суда Российской империи.

Гаврил Иванович любил рассказывать, как бурлачил на Волге: пароходов тогда было немного, и баржи вверх по течению по всей великой Волге-матушке, основной транспортной артерии европейской части Российской империи, тянули бурлаки. Артель бурлаков – полтора-два десятка человек, впрягались грудью в ляжки и шли по берегу, волоча на канате за собой по воде баржу, сотни вёрст. В 1913 году за один такой перегон от Астрахани до Нижнего Новгорода заработал Гаврил Иванович 10 рублей¹.

А в Нижнем на знаменитой нижегородской ярмарке вербовщики ходят, расписывают сладкую жизнь на Дальнем Востоке, в Хабаровске, на строительстве моста через Амур. Того самого, первого железнодорожного моста через Амур у Хабаровска. Деньги там платили «бешеные» – 1 рубль в день! И поехал Гаврил Иванович в наши края, на Дальний Восток. Народу охочего до таких заработков набралось много, даже какой-то «профсоюз» организовался, и поскольку рабочих рук был избыток, то работать всех ставили в очередь через день. Столько бездельничать прадед не захотел и в свободные от работы на мосту дни устроился укладывать брусчатку на улицах Хабаровска. Отец мне показывал – по улице Истомина в Хабаровске, вниз от центрального гастронома, тогдашнего «Кунста и Альберса», под асфальтом лежит его кладка – кирпичи не плашмя, а торцами вверх, – в советское время асфальт укладывали прямо поверх старой брусчатки.

Здесь и застало его 1 августа 1914 года – война. Та, что позже будет оболгана большевиками и названа империалистической, война, которую мы сейчас знаем как I мировую. Тогда же в Европе она звалась *Великая война*, а в России – *Вторая Отечественная*. Украденная русская победа.

Мост через Амур будет завершён только в 1917 году, и поэтому эшелоны с мобилизованными направлялись из Хабаровска во Владивосток, а далее по КВЖД (Китайская Восточная железная дорога) через территорию Маньчжурии шли в Россию. Гаврил Иванович часто рассказывал о случае во время пути через Китай: по слухам среди солдат, в Харбине – столице КВЖД – можно было за 1 рубль купить бутылку коньяку. Стоянка в Харбине была минутная, прадед приготовил свой рубль, на ходу ещё спрыгнул из теплушки, тут же рядом попался ему, как он говорил, «китаец с косой» (маньчжуры носили длинные, до земли, волосы, заплетённые в косу), быстро обменял свой целковый на коньяк и бегом к вагону. Состав тронулся, открыли бутылку, разлили по кружкам, а там – превосходный китайский чай.

О, тэмпора... о, морэс... Как видишь, даже и в те, казалось бы, патриархальные времена, у людей уже не было ничего святого...

¹ Расстояние между Нижним Новгородом и Астраханью по автомобильной трассе составляет 1425 км.

Всю войну, от начала до конца честно прошел мой прадед. К концу войны он был уже старшим унтер-офицером, героем-разведчиком, полным Георгиевским кавалером: имел полный бант – 4 солдатских Георгиевских креста!

Много он рассказывал о той войне – сражался с немцами под Ригой, там шли жесточайшие бои, участвовал в знаменитом Брусиловском прорыве, вошедшем во все военные учебники мира: летом 1916 года русский Юго-Западный фронт под командованием генерала А.А. Брусилова взломал на огромном протяжении оборону австрийцев и захватил значительную территорию. Австро-венгерская армия потеряла тогда около полутора миллионов человек. Это поставило Австро-Венгрию на грань разгрома и выхода из войны.

Рассказывал, как награждали крестами: от старой русской армии оставался обычай: нижние чины – солдаты – тянули жребий или сами выбирали из своих рядов достойных Георгия. Четыре прадедовых креста не означают автоматически, что унтер-офицер Конченков четыре раза представлялся к награде. Отец говорит, он, может, двадцать раз был представлен к Георгию, но *жребий ему выпал 4 раза!* А бывало, что приходил приказ «13 крестов вернуть» – лишних вроде как прислали, и тогда солдаты опять тянули жребий – и приходилось снимать награду с груди и отдавать. Солдатский Георгий был особо ценим и офицерами – офицеров тоже могли награждать им, – и именно за то, что давался *по ходатайству всей роты* за личную отвагу в рукопашном бою. Любопытная деталь, правда? В русском народе никогда не было европейского индивидуализма.

Рассказывал, как, бывало, не хватало винтовок, и в атаки на немецкие окопы они ходили с палками наперевес, а вместо пулемётов использовались «трещотки» – металлические ящики с ручкой в виде вóрота, – крутили эту ручку и раздавались резкие щелчки, имитировавшие звук пулемётных очередей.

Отец с Толей Конченковым (это мой дядя, он член Союза художников России, «холодный доцент» (древний университетский сленг, «холодный» – т.е. без защиты учёной степени, по праву членства в Союзе художников) ДВГГУ, преподаёт на кафедре декоративно-прикладного искусства и дизайна, и по совместительству «свободный художник»: занимается эмалью, смальтой, художественной ковкой) рассказывали, как дед «экзаменовал» их: «Какие самолёты были у нас?» И когда ответ был правильным – «Илья Муромец»¹ и «Фарман», довольно ворчал: «Знаешь! Учат вас в школе, чертей!»

Отец пишет: «Летом 1917 года в Петроград прибыл сводный полк Георгиевских кавалеров», в его личном составе был и полный Георгиевский кавалер, лейб-гвардии Преображенского полка² старший унтер-офицер Гавриил

¹«Ильей Муромцем» назывался созданный Игорем Сикорским в 1913 году русский военный 4-х моторный самолёт-биплан, самый большой в мире. В 1921 – 1922 годах переоборудованные самолёты «Илья Муромец» использовались на авиалинии Москва - Харьков.

² Это были два полка знаменитой Петровской бригады: Преображенский и Семёновский. Преображенский полк был первым полком русской армии, его основал 6 августа 1706 года император Пётр I, а последним

Иванович Конченков! Кто направил этот полк в Питер, зачем, откуда вообще взялся такой формат военной части – состоящей из полных кавалеров высшей солдатской награды – не могу сказать.

Если я всё правильно понимаю, то Георгиевское формирование шло на Петроград по приказу Главнокомандующего Русской армией генерала Л.Г.Корнилова с целью разогнать Временное правительство, Советы и навести порядок в столице воюющей страны. Насмерть перепуганный Керенский назвал это Корниловским мятежом, отстранил Корнилова от командования и открыл петроградские арсеналы для вооружения рабочих отрядов большевистской Красной гвардии. И октябрь 1917 года с этой минуты стал неизбежен.

Отец пишет: «В «Тихом Доне» у Шолохова есть строчки: «Полк Георгиевских кавалеров следовал поездом на Питер», и его остановили, чуть ли не разоружили. (Я, читая «Тихий Дон», такого места не нашёл; Шолохов упоминает Георгиевский батальон, несший наружную охрану здания женской гимназии в Быхове, где содержались заключённые офицеры, арестованные Временным правительством по делу Корнилова. –Е.К.) Но дед Гаврила Иванович говорил, что он в Питере был и участвовал во многих митингах. Когда по телевизору шли фильмы про революцию – он пальцем показывал и говорил, что всё так и было, как на экране. В своей части он был член полкового солдатского комитета».

Распропагандировали в Петрограде их «в лоск»! Гаврил Иванович, в порыве патриотических чувств, на митинге с Керенским, снял с груди два золотых Георгия и отдал их в фонд обороны Отечества. Хвастал потом: «Керенскому подарил!»

Таким образом, до меня дошли только те два серебряных прадедовых креста св. Георгия: 3 степени № 219 920 и 4 степени №631 838.

У А.И. Солженицына в «Красном колесе» упоминается батальон Георгиевских кавалеров во главе с генералом Пожарским, находившийся в охране Ставки Верховного Главнокомандующего Русской Армией Государя Императора Николая Александровича в Могилёве¹ и Сводная морская диви-

его шефом был последний русский император Николай II. Будучи ещё наследником престола Николай был командиром 1-го батальона Преображенского полка. Вторая рота запасного батальона Преображенского полка замарала себя участием в Февральской революции, хотя это были новобранцы, ни разу не видевшие фронта, сам же боевой лейб-гвардии Преображенский полк, герой Галицийской битвы, Варшавско-Ивангородской операции, Мазурского сражения, Виленской операции, Брусиловского прорыва был одной из очень немногих частей, сохранившей боеспособность в условиях активной антивоенной большевистской агитации. К слову сказать, последний командир преображенцев (27 апреля 1917 года он сменил на этом посту флигель-адъютанта свиты Его Величества генерал-майора А.А. фон Дрентельна), полковник Александр Павлович Кутепов, находившийся в конце февраля 1917-го в краткосрочном отпуске в Петрограде, оказался единственным старшим офицером во всей столице Российской империи, попытавшимся организовать действенное вооружённое сопротивление восставшему сброду. Впоследствии А.П. Кутепов герой легендарного «Ледяного похода», а в эмиграции - председатель Русского общевоинского союза.

¹ Батальон этот, численностью в 800 человек, даже был назначен в экспедицию на мятежный Петроград в составе войск генерала Н.И. Иванова в самых последних числах февраля 1917 года, их эшелон дошёл до Царского Села, но нигде я не нашёл упоминаний, что войска эти вошли в Петроград, также «вне подозрений» и единственный в русской армии реально сформированный полк Георгиевских кавалеров – Юго-Западного фронта, он в Петрограде точно не был, а вскоре и вовсе «украинизировался», Преображенский полк в то время находился там же, у Брусилова на Юго-Западном, и тоже в Петрограде не был.

зия, состоящая из Георгиевских кавалеров и готовившаяся к запланированной командующим Черноморским флотом вице-адмиралом А.И. Колчаком на весну 1917 года Босфорской десантной операции¹.

Интересно, из Википедии: георгиевские отличия в форме одежды – светло-коричневые погоны с ленточкой посередине и кокарду с крестом, – имели и такие подразделения, сформированные в ходе войны, как *отряды увечных воинов* или *добровольцев-инвалидов*. К 16 августа 1917 года было сформировано 2 таких отряда и, как отмечалось в телеграмме на имя Главковерха: «1-ый отряд был использован для оздоровления настроений в Петрограде, после чего отправлен на Западный фронт, 2-ой принимал участие в подавлении вооружённого восстания в июле, ныне готов выступить на позиции, 3-ий отряд и полк формируются».

А вот что говорит Леонид Млечин в фильме «Троцкий против Сталина» про самый пиковый момент Октябрьской революции, о минутах непосредственно предшествующих штурму революционными отрядами Зимнего дворца с находящимся там Временным Правительством 25 октября 1917 года: «В Зимний дворец стянули всех, кто откликнулся на призыв защитить Временное Правительство: школы прапорщиков из Ораниенбаума и Петергофа, Константиновское артиллерийское училище, появились казаки, *инвалиды-Георгиевские кавалеры*, ударная рота женского батальона смерти. Начальник инженерной школы прапорщиков полковник Ананьев, назначенный ответственным за оборону Зимнего дворца, разработал план действий, но план тут же начал рушиться: артиллеристы раздумали защищать Временное Правительство, покинули дворец и увели свои орудия. За ними ушли казаки». До конца перед Зимним дворцом оставались только часть юнкеров и рота женского батальона смерти. Очевидно, инвалиды-Георгиевские кавалеры также не пожелали защищать министров-капиталистов во главе с господином Керенским.

Выходит, старший унтер-офицер Гавриил Конченков мог наблюдать события революции 1917 года в Петрограде либо, с большей долей вероятности, прибыв с одним из формирований добровольцев-инвалидов летом 1917-го (в этом случае он даже лично присутствовал при штурме Зимнего!), либо,

¹ Сейчас даже невозможно себе представить, как развивалась бы история России, да и вся мировая история, если б Корнилову удалось войти в Петроград. У него были обстрелянные боевые войска против разношерстного Петроградского гарнизона, тыловых войск, которые и революцию-то затеяли и всемерно поддерживали только ради сохранения своей шкуры, только чтоб не идти в окопы, на фронт – и революционный Совет Рабочих и Солдатских депутатов специально гарантировал частям Петроградского гарнизона *неотправку* их на фронт – защитники революции! Пусть другие за Родину воюют!

Войди Корнилов тогда в Петроград, перевешай несколько тысяч этой большевистской и вообще - социалистической сволочи и всё: русские войска вошли бы в Берлин не в 1945, а в 1918 году! И Сводная Морская дивизия Георгиевских кавалеров взяла бы турецкий Стамбул – Константинополь византийских василевсов – Царьград русских летописей, - и черноморские проливы, и Константинополь – мечта поколений русских царей, стали бы навсегда – русскими. И Чёрное море стало бы внутренним русским морем. И минареты на Святой Софии – самом большом христианском (православном!) храме древнего мира, захваченном турками в 1453 году, осквернённом и превращённом ими в мечеть Айя-София, были бы снесены, и в небо над Святой Софией опять вознесся бы православный крест!

что менее вероятно, изначально находясь в запасном батальоне своего Преображенского полка, который дислоцировался в Петрограде и сам принимал участие в событиях февраля-октября 1917 года.

В Гражданскую войну Гаврил Иванович не воевал на фронте, служил инструктором военного обучения при военкомате в г. Наровчат. По словам отца, он нечасто вспоминал об этом периоде жизни, но говорил, что участвовал в карательных отрядах, – они так открыто и назывались. Тогда, во времена «военного коммунизма», было много крестьянских, или, по советской терминологии – «кулацких», восстаний – против продотрядов, подчистую выгребавших хлеб у крестьян, и обрекавших их семьи на голод и смерть. Вот и понятно, хвалиться ему было нечем – «воевал» со своим народом, с такими же русскими мужиками – крестьянами, каким был и сам.

А как это выглядело, достаточно вспомнить будущего маршала Советского Союза М.Н. Тухачевского, расстрелянного в 1937 году: при подавлении мятежа в Тамбовской губернии он не задумался применить боевые отравляющие вещества. На русской земле, против русского народа.

В одном из писем отец пишет: «Несколько раз <дед> рассказывал, что приходилось участвовать в подавлении и разгоне контрреволюционных восстаний в Пензенской губернии. Один раз с отрядом подошли к взбунтовавшейся, будто бы, татарской, деревне (они поубивали членов сельсовета, комбеды (членов *комитета бедноты*. – Е.К.) и ещё кого-то). Вооружённые вилами, косами, очень мало винтовок, вырыли окопы вокруг села – засели в обороне. В отряде красных была пушка – всего один раз из неё стрельнули – убили там сколько-то человек, остальные тут же испугались и разбежались. Не приходилось воевать (!)».

Закончилась Гражданская война, и прадед вернулся домой, к своему привычному крестьянскому труду. У семьи был надел, огород 35 соток; пшеница в их местах плохо родила, прадед сеял рожь, просо, гречиху, Иван Гаврилович рассказывал, с отцом сеяли; горох – не как на Дальнем Востоке – детям для баловства, а по 2 гектара засевали! Держали 20 овец, 3-х коров, два коня было.

Тяжеловоза Мильтона мерина, Гаврил Иванович очень любил, холил его, никогда не запрягал в соху. В колхоз его под таким именем отказались записывать¹, переименовали в Резец. А как отобрали его, в колхоз, там сразу пахать на нём начали, Гаврил Иванович рассказывал – зашёл в колхозную конюшню – Милтон его стоит, неухоженный, грязный, спина сбита, в коросте. Поднёс хлеба ему на ладони, а у коня – *слёзы потекли*, «...и у меня тоже». Как объяснить коню, который, в отличие от людей, предавать не умеет, *за что* хозяин с ним так?

Рысака Весельчака Гаврил Иванович запрягал только для прогулок, для выездов на ярмарку. Его ещё до войны выкупили в царские конюшни – за 36 рублей! Корова, для справки, до революции стоила 6 рублей.

¹ «Милтон» (жаргон) - презрительное наименование сотрудника милиции.

Интересная картинка выходит: человеком Гаврил Иванович был отнюдь не богатым, но призового рысака – совершенно бесполезного для крестьянской работы – держал! И использовал-то его только для выезда на ярмарку!

В колхоз Гаврил Иванович не вступал до последнего, упирался, только когда в 1935-ом пришли корову отбирать, его зять, председатель сельсовета Иван Чевордаев, ему сказал: «Молчи, не лезь, пусть забирают, а то и самого арестуют, и семья из-за тебя пропадёт. И в колхоз вступай...»

В 1940 году, после 3-х лет неурожая, Гаврил Иванович со всей семьёй переехал на Дальний Восток, в село Екатеринославка, района имени Лазо, Хабаровского края. Это в 4-х км от Переяславки, железнодорожная станция Верино. Там ещё через речку Кию военный городок Переяславка-2.

Иван Гаврилович рассказывал, как это было: по дворам ходил вербовщик и расписывал райскую жизнь на Дальнем Востоке, мол, рыбы там – заходи в речку и прямо ведром черпай её! Шесть семей собрались уезжать. В апреле 1940 года погрузились в поезд – на них как раз пришёлся один вагон, и поехали. Ехали медленно, дорога заняла 20 дней, но в пути их кормили, снабжали, на станциях выдавали продукты по списочному составу, хотя всё равно тяжёлый переезд получился, обовшивели все, сыпной тиф появился – в Хабаровске на станции месяц простояли в карантине. Но к концу мая добрались до станции Верино, там их вагон и отцепили от состава.

Обрати внимание на фотографию, где Гаврил Иванович, Агафья Ильинична и Валера Конченков (мой дядя) на кукурузном поле – это как раз в Екатеринославке. На заднем плане стоит их дом. Фотография, правда, послевоенная, 1959-го года. Охотились мы с отцом осенью 2009 года в тех местах, специально зашли в село – отец даже место, где стоял дом с трудом нашёл, по яме от погребка. Но сосед из дома напротив чётко вспомнил отца и узнал!

Из письма отца: «А вот мы были на сенокосе. Сено я сам не косил (а вот мне на Сахалине, к слову, приходилось! – Е.К.), мы с братом Валерой, двоюродными братьями Генкой, Шуркой Богуном и дедом сгребали, сушили, ворошили и стоговали сено, которое дед косил с моим отцом, дядей Ваней, дядей Шурой, приезжал дядя Коля Тимофеев, муж тёти Ани, приезжали их друзья. Закупался спирт, закуска вся была своя. Вот они утром, часов в пять, 10 – 11 человек, вместе с дедушкой, уходили косить. Часов в 11 возвращались, немного поспят, а потом начиналась гулянка.

У нас, ребяташек, были свои аттракционы в деревне у дедушки, – это с утра окучивание картошки (огород был сначала 50 соток, потом обрезали до 30 соток), потом несколько раз в день купались в речке Кия, рыбалка – ловилась мелочь. Старшие ребята с улицы по ночам ставили перемёт – ловили крупную рыбу. Бреднем мужики ловили щук и краснопёрку, линей, сазаны редко попадали».

А Анастасия Гавриловна, когда мы с отцом были у неё во Владивостоке, описала такую жанровую сценку из жизни своего отца Гаврила Ивановича Конченкова. К нему в Екатеринославку приезжал в гости старый друг – не

друг, товарищ – тоже, вроде, не скажешь, не знаю, как точно назвать, но не суть. Они познакомились во время войны, в Райчихинском трудовом фронте, Гаврил Иванович был там «при конях», как Анастасия Гавриловна сказала, а этот его будущий гость был там управляющим шахтой. Как, на какой почве эти два таких разных человека нашли друг друга не знаю.

Он был крупным каким-то хозяйственным чиновником, и в послевоенных 1950-х годах его появление в деревне на персональной «Победе» с личным шофёром производило впечатление. Не застав дома Гаврила Ивановича, он оставлял на крыльце бутылку водки с запиской – эдакой транскрипцией загнутого уголка великосветской визитной карточки: «Дед, я был, но не застал, приеду ещё»!

Вот она рассказывает: «Я возвращаюсь с поля, подхожу к дому, рядом с воротами «Победа» стоит, во дворе гулянка, стол накрыт, втроём сидят: отец, начальник-шахтёр этот и его водитель. Пьяные уже! Отец стоит, держит в руке на отлёте шапку, а тот стреляет в неё из своего пистолета. Я ему кричу: «Ты хоть не в правой руке её держи, в левой!..»»

А вот это кураж так кураж! Завидую!

В 1960-х прадед с прабабушкой переехали в Хабаровск, жили в небольшом домике на Базе КАФ. Отец водил меня, маленького, в гости к Гаврилу Ивановичу. Я даже смутно вспомнил его после отцова рассказа: мы очень долго ехали на автобусе в тот день и я всё спрашивал, мол, ну, когда, когда же наша остановка, а он мне на пальцах обеих рук показывал, сколько ещё осталось. Потом – огромные вишнёвые кусты и сидящего под ними на табуретке дедушку, белого-белого.

Похоронены мои прадед и прабабушка рядом, на старом, закрытом уже кладбище Базы КАФ. Они умерли, как в русской сказке, в один день – 28 января. Только с разницей в 9 лет.

Я был там у них с отцом и Иваном Гавриловичем: огромные старые деревья на косогоре, два земляных холмика, два скромных памятника, обнесённые высокой, в человеческий рост, как принято было в старину, оградой.

Мой дед и твой прадед – Конченков Пётр Гаврилович (5 октября¹ 1919 – 2 февраля 1977). Родился в селе Казёнчик, там же в 1929 году окончил 4-х классную школу. Особыми успехами не отличался: по всем предметам в аттестате получил «уд.» (в то время в школах оценка выражалась не цифрой – 1, 2, 3, 4, 5, а – «уд.» («удовлетворительно»), «хор.» (хорошо) и «оч. хор.»). Тем не менее, он поехал учиться дальше, в уездный город Наровчат, в 7-классную школу сельской молодёжи. По её окончании, в 1936 году поступил в Пензенский техникум пчеловодства и садоводства (отец привёз его в Пензу, дал 8 рублей: «Это тебе на ботинки», и всё – дальше сам, помогать было нечем, в колхозе первые два года неплохо давали по трудодням, а в следующие два года – неурожай, трудно было). В 1939 году дед успешно закончил его и

¹ 5 октября (22 сентября ст.ст.) день памяти прав. Петра, бывшего мытаря (VI в.). По святцам имя выбрано – семья верующая. Толя Конченков и в 1960-х видел на груди Гаврила Конченкова, работающего в поле, натальный крест.

получил диплом агронома. После он отправился на 3-х месячные курсы по виноградарству, куда-то на Северный Кавказ. Один год проработал в семеноводческом совхозе – разводил клубнику, арбузы, виноград...

После начала Зимней войны с Финляндией деда призвали в армию, их часть даже успела прибыть в район боевых действий, но 12 марта 1940 года война уже закончилась. К счастью. Потому, что после «генеральной чистки» Сталиным Красной Армии в 1938-ом, она была практически небоеспособна.

«...вплоть до начала Великой Отечественной войны репрессированы оказались трое из пяти маршалов, носивших это высокое звание в 1937 году, оба армейских комиссара 1-го ранга, все 5 командармов 1-го ранга и все 12 командармов 2-го ранга, равно как все 6 флагманов флота 1-го ранга и 2 флагмана флота 2-го ранга, а также все 15 армейских комиссаров 2-го ранга. Почти полностью были уничтожены и комкоры, комдивы и комбриги: из 67 комкоров пострадало 60, из 28 корпусных комиссаров - 25, из 199 комдивов – 136, из 97 дивизионных комиссаров – 79, из 397 комбригов – 221 и из 36 бригадных комиссаров – 34. Репрессировали также почти половину командиров полков»¹.

Кому было воевать? Как бы низко ни оценивать профессиональные качества среднего и высшего состава Красной Армии, этих кавалеристов – героев Гражданской войны, где даже будущий «маршал Победы» Г.К. Жуков не имел высшего военного образования (ровно за 10 лет до того ГПУ успешно реализовало операцию «Весна», в ходе которой бывшие царские офицеры, т.е. имевшие первоклассное военное профессиональное образование военспецы Красной Армии, были уволены из армии, многие репрессированы), но когда вчерашний лейтенант командует полком – это ещё хуже. Через полтора года начнётся война с Германией, и эти лейтенанты-полковники не смогут эффективно противостоять немецкой армии, все офицеры которой, начиная с батальонного звена, имели академическое военное образование.

И удивительно ли теперь, что, боевые потери финнов исчисляются 25 тысячами человек, а советские, это по официальным данным – 126 тысячами? И это не всё, я нашел цифру, которую назвал Н.С. Хрущёв уже в конце 1970-х: за 105 дней Зимней кампании 1939 – 1940 годов общие потери Красной Армии – убитыми, пропавшими без вести, пленными и ранеными составили порядка одного миллиона человек. Цифра жуткая и нереальная, если не знать, что советские партийные и государственные деятели никогда не были замечены в раздувании числа жертв их бездарного руководства.

Обратно в совхоз дед уже не вернулся. Подал документы в лётное военное училище – не прошёл по конкурсу, тогда в 1940 году он поступает в Буйнакское военное горно-кавалерийское училище в Дагестане.

В 1976-ом, мне 4 года было, мы с мамой и Лёшкой приезжали в Ригу к отцу, и помню, как дед учил меня вкладывать шашку в ножны одним движением – кто-то подарил мне игрушечный красный пластмассовый меч. А отец

¹ Б.В. Соколов. Тухачевский.

мне приговаривал, когда я апеллировал к нему, мол, я же маленький, вот у меня и не получается: «Учись! У тебя дед старый кавалерист!»

В мае 1941-ого Пётр Гаврилович окончил училище, по ускоренной программе – мир на всех парах нёсся к войне, – получил лейтенантские кубики в петлицы (правда, почему-то пехотные, а не кавалерийские), новенький ТТ и немедленно был направлен па Украину – не пройдёт и месяца, как там начнётся самая мясорубка.

Война застала его в 50 км от границы, мне Толя Конченков рассказал эту сцену со слов самого Петра Гавриловича: конец июня, благодатное украинское лето, три товарища, три новоиспечённых лейтенанта в новенькой, с иголочки синей кавалерийской форме, только выпустились – полные карманы денег, добираются к своим частям. Засиделись за полночь в привокзальном ресторане, на какой-то небольшой станции – когда ещё приведётся свидеться, все прекрасно понимают, что в самом ближайшем будущем – война, а парни молодые, здоровые, кровь играет и повоевать хочется, как учили и как готовили – «малой кровью и на чужой земле». Сидят, выпивают, разговаривают, смеются... Вот уже и утро скоро, подошло время расставаться, разъезжаться по новым местам службы, подозвали официантку, попросили счет, расплатились, и – последний мирный миг в жизни деда, крупным планом – руки официантки, отсчитывающие сдачу. В следующий момент откуда-то появился тонкий-тонкий пронзительный нарастающий свист и – огромные сводчатые вокзальные окна, вздрогнув, вдруг потеряв резкость очертаний и, зависнув на миг в воздухе, с рёвом и грохотом обрушились. Сверкающий вал битого стекла затопил ресторан! А девушка – тоже застывшая на миг, как в замедленной съёмке с силой швырнула под ноги, на пол деньги, которые за секунду до того отсчитывала, – всё! В это единое мгновение они обесценились, превратились в ничто! Дед с товарищами выскочили на перрон – и разрыв следующей же бомбы смёл его друзей. Он остался один – среди взрывов, вихря осколков и жирного чёрного, до небес, дыма горящих железнодорожных цистерн, ничего ещё не понимающий. А всего несколько секунд назад – секунды эти как бусины порвавшегося ожерелья катятся-прыгают по ступеням – ещё можно по пальцам сосчитать: раз, два, три..., ещё не было 1418 дней, счёт *ещё* идёт на секунды, их так немного, этих секунд, что кажется, возможно схватить рукой, связать разорвавшееся, что-то неправильное происходит, чего не может, не должно быть... Несколько секунд назад три товарища смеялись, говорили наперебой, сидя за столом ресторана, хорошее вино (они же только что с училища, из Дагестана!), красивые девушки-официантки засматриваются на симпатичных, затянутых в рюмочку лейтенантов, их собственная молодость, новенькая командирская форма, непривычно оружие в кобурах – пацаны, они ещё не наигрались им, только получить успели! И вот он стоит, а они – дружки его, товарищи, почему-то лежат на раскуроченном перроне. Ещё несколько секунд назад всё было ясно и понятно, всё было очень осмысленно и правильно, они родились и выросли в самой лучшей стране на свете, всё вокруг было для них, впереди brezжило

прекраснейшее справедливое мироустройство, невиданное никогда и нигде до них, а им повезло, они увидят его своими глазами, это сказочное счастливое будущее – коммунизм, где будет *каждому по потребностям, а от каждого – по способностям*... Ведь будет, будет, не может не быть!.. Но сейчас, с каждым щелчком секундной стрелки всё неотвратимее пригибает к земле понимание новой, совершенно непонятной, – и нельзя, невозможно ни понять её, ни принять, – реальности, вчера ещё бывшей даже глупо, по мальчишескому хулиганскому желанию подраться, желанной: ВОЙНА.

Готовый кадр для кино.

Первое его ранение: ещё не битый войной, не обстрелянный, зелёный лейтенант, под миномётным обстрелом, выскочил из траншеи с докладом прибывшему начальству. Вытянулся по стойке «смирно» – форма новенькая, эмаль кубиков в петлицах потускнеть не успела – блестит, портупея скрипит, – руку к козырьку: «Га-арищ комбриг ... докладывает лейтенант Конченков...», – тут ему и прилетело миномётным осколком в щёку... Этот шрам виден на любой фотографии. Кроме той, госпитальной, 1943 года: при реставрации этой фотографии я заретушировал шрам, посчитав его дефектом бумаги, и только потом от отца узнал, что «шрам виден на любой фотографии»!

Как у командира комендантского взвода, в его распоряжении была машина – «полуторка», фронтовой трудяга ГАЗ–АА, с водителем. И в первые же дни войны, у речной переправы, прямым попаданием немецкой бомбы эта машина была уничтожена. Дед отошел от неё буквально за несколько секунд до взрыва, водитель остался в кабине – убит наповал. Вот потому-то у меня и нет никаких довоенных документов, фотографий, – всё сгорело вместе с чемоданом в той машине, на Украине, в июле 1941-ого.

Тогда немецкая авиация безраздельно господствовала в воздухе, уничтожив все наши приграничные аэродромы и большую часть самолётов утром 22 июня 1941 года. Поэтому Junkers'ы и Messerschmitt'ы летали, как дома, и с бреющего полёта расстреливали на выбор, не торопясь, как на полигоне.

Уже под Белой Церковью. Немцы выбросили парашютный десант на штаб полка. «В ружьё» подняли всех, кто мог носить оружие: ездовых, писарей, поваров, даже легкораненых, и под командой деда бросили прочёсывать лес.

Лейтенант Пётр Конченков идёт в цепи. Вдруг, из-за куста, метров с 30, по нему выстрел из пистолета – немецкий офицер-десантник, – промах. Дед стрелять умел здорово, потом на фронте не раз призы брал: они в затишье развлекались с офицерами – пистолетный патрон воткнут в склон оврага или в расщеп ветки и пуляют по очереди, если попадёшь точно в донце патрона – раздаётся выстрел. Из ТТ с 10 метров он в донце патрона уверенно попадал! А тут не патрон, человеческая фигура – он навскидку стреляет в этого немца – промазал, – не в тире... Ещё! Выстрела нет...

Здесь надо сказать несколько слов о пистолете ТТ (Тульский Токарева), образца 1930 года¹. Хороший пистолет, мощный (пробивает современный полицейский бронежилет, в отличие от стоящего на вооружении ПМ – пистолета Макарова), бьёт точно. Но у него есть несколько недостатков – часто отказывал на морозе, дед говорил, что зимой его вынуждены были носить не в кобуре, а за пазухой; перенапряжённая боевая пружина и подвижный ствол. У ПМ ствол неподвижен, а у ТТ с каждым выбрасыванием отстрелянной гильзы, задний конец ствола уходит вниз и поэтому иногда случается утыкание пули досланного патрона в край не успевшего встать на место ствола.

Так у него и случилось. В военном училище поведение в таких случаях, понятно, не проходили. Пётр Гаврилович стоял перед этим немцем, как на расстреле – с бесполезным куском железа в руках: и этот фриц сразу всё понял.

И тут деду вспомнился Лермонтов из школьной программы, как кто-то на дуэли встал боком к противнику, закрывая пистолетом и рукой сердце. Выбирать было не из чего, да и некогда: немец стрелял по нему с 30 метров как в тире. Попал! В руку, закрывающую сердце – пуля раздробила кость. От боли он аж присел и завертелся по земле волчком. Спас его ординарец, подошёл вовремя – штыком приколол фрица.

Немец этот давно сгнил в украинской земле, но и деду досталось – простреленная рука срослась, но несколько неправильно, в кавалерийские части лейтенант Конченков более был не годен.

После госпиталя он получил краткосрочный отпуск, съездил на родину – в Пензу, в Наровчат, в Казёнчик.

По возвращении в действующую армию дед попал на Волховский фронт, во 2-ю ударную армию генерал-лейтенанта Власова. Два раза довелось Петру Гавриловичу ездить по легендарной «дороге жизни» – дороге, проложенной по льду Ладожского озера в блокадный Ленинград. Это была единственная ниточка, связывавшая обложенный со всех сторон немцами город со страной. По этой дороге, ночами, в непогоду, под непрерывными бомбёжками и артобстрелом везли в Ленинград продовольствие, боеприпасы, эвакуировали на «Большую землю», спасали от голода, детей, стариков, раненых. Дед сопровождал в Ленинград пополнение.

На Волховском фронте пополнили роту взводом моряков-балтийцев. «Братки», народец тёртый, на дисциплину у «красы и гордости русской революции» (по выражению известного палача, у которого руки не по локоть – по плечи в крови русского народа, Лейбы Бронштейна (товарища Троцкого), всегда были свои взгляды, и сейчас молва пошла – погоди, мол, старлей, до первого боя, пули – они по-разному летают... Офицер на фронте в одиночку

¹ Сколько лет уже прошло, а всё не могу себе простить: в бытность мою в музыкальном училище на Сахалине, в 1991 году, мой товарищ из Комсомольска-на-Амуре предлагал мне, по-приятельски, привезти ТТ – в перестройку вода в стране была достаточно мутная, и его предложение было вполне реально, - как он говорил «новый, в смазке, с милицейских складов», 200 рублей цена вопроса. Всего! Да у нас стипендию в училище с февраля повысили до 142 рублей! А я денег пожалел, подумал – да потом как-нибудь возьму себе, попозже... А вот тебе, простофиля, русская народная мудрость: не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня.

не ходит, всегда в сопровождении ординарца, двух сержантов – услышали. Тут же с особистом весь взвод по одному повывёргивали на душевный разговор, нашли двух зачинщиков. Как с ними поступили – не знаю. Может – тут же перед строем и расстреляли, по закону военного времени – в 41-ом не церемонились.

В декабре 1941 года, под Тихвином, рота старшего лейтенанта Конченкова попала в засаду.

Пётр Гаврилович много рассказывал про психологию людей на войне: впереди и по сторонам колонны, на определённом расстоянии, должно идти боевое охранение. Но каждый боится за свою жизнь, и выделенные в охранение бойцы жмутся к основной массе. Вот так и проглядели засаду – и попали все: рота втянулась в ложбинку меж двух холмов, немцы накрыли их пулемётным и миномётным огнём. Бойцы рассыпались по краям дороги, залегли, начали окапываться. Ротный пулемёт «Максим» дал короткую очередь и замолк. Дед рассказывал: «Подползаю к пулемётчику: «Почему не стреляешь, ...? Тот в ответ: «Боюсь»». Без пулемёта – сверху, из укрытий, из-за камней – немцы всех положат. А начинает работать пулемёт – немцы весь огонь сосредотачивают на нём: пулемётчику на войне – первая смерть. «Оттолкнул его, сам лёг, взялся за ручки, начал стрелять. Страшно! Пули в щиток лупят, утыкаются!..» Но продолжал стрелять до последнего, пока миной не накрыло.

Пётр Гаврилович говорил, что на фронте, в госпиталях, встречал сослуживцев из мест, где довелось бывать, но никогда, ни одного человека не повстречалось из 2-ой ударной армии.

В июне 1942-го 2-я ударная армия попала в окружение и была разбита. Командующий армией генерал-лейтенант А.А. Власов бросил свой штаб и пришёл в занятую немцами деревню Пятницу. Член Военного Совета армии застрелился. Начальник связи армии, с боями, вывел из окружения 16 тысяч человек – всё, что осталось от армии. А бывший командующий – пошёл в немецкий плен, более того, пошёл на службу Гитлеру – он формировал из советских военнопленных части для «освобождения России от ига большевиков», так называемую РОА (Русскую Освободительную Армию). К большевикам можно относиться как угодно, но только в то время как немецкие танки стояли на Волге, у Москвы, на окраинах Ленинграда, когда речь шла даже не о существовании русского государства, но о физическом существовании русского народа, это называлось просто – предательство¹. В плен «власовцев», как правило, не брали, они и не сдавались – дрались жестко, до послед-

¹ Фронтовик В.О. Богомолов, автор таких замечательных военных произведений как «Иван», «Зося», «Момент истины» в статье «Срам имут и мёртвые, и живые, и Россия» пишет: «Я был в 1945 году «на чужой территории» - в Германии и должен засвидетельствовать, что если немцев, в том числе и эсэсовцев, определяемых по вытатуированной под мышкой группе крови, как правило, брали в плен (количество пленных было показателем боевой деятельности частей и соединений), то власовцев, если их не успевали защитить как носителей информации, чаще всего подвергали «внесудебной расправе». Трагической оказывалась судьба даже тех, кого всего лишь принимали за военнослужащих РОА». И это при том, что первое и оно же последнее прямое боестолкновение частей 600-й дивизии РОА с подразделениями Красной Армии в районе Фюрстенвальде имело место 13 апреля 1945 года, в самом конце войны.

него, прекрасно понимая, что ни прощения, ни пощады им не будет. И меня регулярно, каждый год на День Победы 9 мая срывает в штопор, когда я вижу рядом с честными боевыми красными знамёнами «триколор» – государственный флаг демократической России – он же официальный флаг этой немецкой подстилки – РОА.

Измена Власова в июне 1942-ого, конечно, не являлась изменой армии, до последнего сражавшейся под деревней Спасская Поляна. 6 тысяч бойцов 2-ой ударной армии погибли, 8 тысяч – пропали без вести.

Погибшую 2-ую ударную Сталин запретил даже хоронить. В середине 1990-х была передача по ТВ, я смотрел – их белые кости лежали на земле, лежали полвека на земле, непогребённые.

После того ранения деда вывезли в тыл, лежал в госпитале где-то между Уфой и Казанью. «Парабеллум» свой в санбате не отдал, оставил себе.

После того случая под Белой Церковью ТТ дед больше не носил, какого только оружия у него не было: Walther P.38 – 9-мм армейская модель, с голым стволом, «парабелл» – 9-мм Parabellum, P.08 (название от латинской поговорки *Si vis pacem – para bellum*: «хочешь мира – готовься к войне»), – знаменитое изделие фирмы «Worchardt-Luger»: в частности, из-за низкой посадки ствола его не подбрасывало при отдаче, и он был мировым эталоном точного боя среди пистолетов; некоторые специалисты называют Parabellum самостоятельным классом пистолетов наряду с револьверами и автоматическими пистолетами) и даже совсем уж экзотический автоматический Colt совсем недетского калибра – 11,47 мм (всего на 1 мм меньше калибра ПТР – противотанкового ружья!), только патроны к нему трудно найти было – пришлось сменить его у старшины на Parabellum. Сейчас я умный и знаю, что дед мой был счастливым обладателем знаменитого Кольта М1911 Джона Мозеса Браунинга, калибра 45 АСР (11,43)!

В вагоне санитарного поезда, по пути к госпиталю, санитар не постеснялся забрать у него, тяжелораненого, командирский ремень: «Тебе он уже не нужен – всё равно загноётся» – тут и пригодился не сданный пистолет – дед вытащил его из-под подушки – он окопный, боевой офицер и терять ему нечего, – шмальнул этому герою над головой. Санитар, бедняга, как стоял, спиной, так и сел на пол. Оружие после этого, конечно, отобрали, но отношение, дед говорил, впредь «было самое предупредительное».

Мародёрство в отношении раненых вообще отдельная тема. После очередного – и последнего – ранения (их у деда было 8) бабушка Валентина Петровна, она тогда служила старшей медсестрой в медсанбате, отвозила Петра Гавриловича в госпиталь и там у него украли все вещи и документы. Санитары посчитали, что он не выживет – ранение было страшное: немец снизу, из траншеи, всадил из своего МР-40 весь рожок – 30 пуль – ему в правое лёгкое. Некоторые документы Валентина Петровна потом нашла, их в уборную выбросили: комсомольский билет, карточка кандидата в члены ВКП (б) и офицерское удостоверение, остальных не было. Документы пришлось

долго отмывать и сушить: офицер, попадающий в госпиталь без документов, ставился на учёт как рядовой.

Взгляни на фотографию Петра Гавриловича в военной форме, она одна, – это он фотографировался на документы как раз в том госпитале. У него погоны капитана-танкиста – взял у соседа по палате, – своя-то форма была прострелена, а когда в медсанбате её снимали, ещё и разрезали.

Выписали его из госпиталя в марте 1942-го и направили на Высшие стрелковые курсы (курсы ВЫСТРЕЛ). Там готовили офицеров для экспериментальных частей, специализации были такие: «командир роты автоматчиков» и «командир роты пулемётчиков».

Отец пишет: «Отец... рассказывал, что отрабатывали упражнение «батальон в обороне». Батальон замаскировался на холме, под холмом проходит дорога (примерно, как их немцы поймали, когда он ранен был под Тихвином), он командовал учебным батальоном.

Как древние спартанцы (это он сам отмечал, про спартанцев), закидали себя землёй, ветками. И наступавший батальон прошляпил засаду. Начали в спину стрелять холостыми. Засчитали им чистую победу. Противная сторона была очень недовольна. Лезли в драку с кулаками, заявляли, что неправильно устроили засаду, в современной войне так не делают. Отец рассказал, как он сам в такую засаду попал, которую ему устроили немцы».

На курсах «ВЫСТРЕЛ» их обучали обращению с артиллерийскими орудиями, показали все виды оружия немцев – войну как раз и начинали с тем, что не знали вооружения противника, не умели пользоваться, и новое советское оружие пробовали. Из пушки-сорокапятки стреляли и используя прицел (панораму), и через ствол наводя – «прямой наводкой» – каждый учился стрелять. Причём если с 2 – 3 раз курсант не попадал, то, как писал отец, «как всегда в нашей армии «разборка» была за каждый промах с обещанием вычета с зарплаты»!

Первоначально дед проходил обучение по программе «командир роты пулемётчиков», но вышел с курсов «командиром роты автоматчиков». Дело было в том, что он несколько раз опаздывал к построению, и его таким образом наказали, «понижили», с «пулемётчиков» в «автоматчики». Но он не долго переживал по этому поводу, справедливо рассудив, что пулемётчику на войне – первая смерть.

Голодно было, война, даже армию продовольствием снабжали с трудом. Постоянно хотелось есть. И если случалось свободное от занятий время, то дед ходил через лес на расположенную в нескольких километрах железнодорожную станцию, в столовую. Столовая эта предназначалась для постоянно проходивших из Сибири в сторону фронта эшелонов с красноармейцами. Состав останавливался на станции, все выгружались из вагонов, на приём пищи давалось всего что-то около минут 20, и через 30 минут эшелон уже продолжал свой путь к фронту. Через полчаса прибывал новый эшелон и всё повторялось. Вот Петру Гавриловичу иногда удавалось таким образом даже

дважды пообедать. А знаешь, из чего состоял этот обед? Миска бульона, в котором плавала половинка куриного яйца.

Закончил дед курсы в июне 1942 года. Офицер он был опытный, обстрелянный, и ему предложили должность командира роты автоматчиков в находящейся на формировании Красноярской отдельной Сталинской стрелковой бригаде добровольцев-сибиряков. В книге В.В. Бешанова «Год 1942 – «учебный»» я нашёл упоминание об этом соединении: 78-ая Красноярская бригада вместе с 74-ой Алтайской, 75-ой Омской, 91-ой стрелковой бригадами и 150-ой Новосибирской дивизией входили в 6-ой Сибирский добровольческий стрелковый корпус генерала С.И. Поветкина.

Формировалась бригада в месте Зелёная Роща на окраине Красноярска. Вооружение состояло поначалу из старых японских карабинов, захваченных Красной Армией в 1938 – 1939 годах в боях на Хасане и Халхин-Голе. Были экзотические противотанковые *ампуломёты*: железная труба, стреляющая стеклянными ампулами с зажигательной смесью, но они не прижились в войсках – очень опасная штука для самого стреляющего оказалась.

«Отбор в бригаду проводился очень тщательно. Из 28 тысяч заявлений, поданных добровольцами на включение в состав подразделения, выбрали 5965 человек. Возглавили бригаду полковник Иван Максимович Сивоконь, комиссар Александр Михайлович Корсаков, начальник штаба – майор Фёдор Бойко.

Прежде чем отправиться на фронт, новобранцы добровольцы прошли обучение. Тренировочный лагерь бригады располагался в Зелёной Роще. Бойцы учились окапываться и владеть сапёрной лопаткой, метать противотанковые гранаты, стрелять из винтовок и ружей, обращаться с рацией, перевязывать раненых.

Утром 6 сентября 1942 года на плацу в Зелёной Роще выстроили уже обученный личный состав 78-ой бригады. Добровольцам вручили знамя крайкома партии и крайисполкома. Также в этот день бригада получила Наказ от жителей Красноярского края. «Клянёмся землякам, покуда сердце бьётся, пощады нет врагам!»

16 сентября 1942 года 78-ю добровольческую бригаду подняли по тревоге, и все подразделения двинулись к железнодорожному вокзалу. Батальоны грузились в эшелоны и отправлялись на фронт несколько дней. Вместе с другими сибирскими подразделениями 78-я добровольческая бригада вошла в состав Особого сибирского корпуса, который прибыл в Москву и остался в резерве Ставки Верховного главнокомандующего¹.

78-я добровольческая бригада базировалась в Очакове. Там продолжалась напряжённая работа по её подготовке. Подразделение довооружалось и пополнялось. В начале октября 1942 года бойцов бригады выгрузили на

¹ «По пути на фронт 6-й Сибирский стрелковый корпус, в состав которого входила красноярская бригада, дополнили такие же добровольческие подразделения, сформированные в основном из «спецдобровольцев» - заключённых лагерей и трудколоний НКВД Кемеровской, Новосибирской, Омской и Томской областей и Алтайского края». Иван Петров «Армия прорыва». «Наш Красноярский край»: краевая государственная газета. №55/939, 28 июля 2017г., С.14.

станции Селижарово. Отсюда походным маршем солдаты двинулись в район сосредоточения.

В ночь на 28 ноября 1942 года 78-я добровольческая бригада вступила в бой. Это были первые бои сибиряков. Основные события развернулись в районе деревень Лукино, Демехи, Медведково, Мазуры, Княжино, Шипарево, Романово. очевидцы тех кровавых событий вспоминают, что сражение было настолько ожесточённым, что клочья земли поднимались в небо.

Воинам-сибирякам противостояли отборные дивизии СС «Великая Германия», «Мёртвая голова», отдельный полк СС, четыре пехотных дивизии, 2-я авиаполевая дивизия, 12-я танковая дивизия, артиллерийские и сапёрные части¹.

В тяжёлом 22-дневном сражении под городом Белый 78-я Сталинская бригада потеряла 75 процентов состава. Солдаты, оставшиеся в живых, называют боевое крещение под Белым «кровавой баней».

16 апреля 1943 года приказом Верховного главнокомандующего из оставшихся в живых солдат 75-й Омской и 78-й Красноярской добровольческих бригад была сформирована 65-я гвардейская стрелковая дивизия.

Из 5975 красноярцев, ушедших на фронт в 1942 году в составе 78-й добровольческой бригады, вернулись только около 300». ²

«Этот день (День Победы 9 мая 2015. – Е.К.) всколыхнул много воспоминаний. Действительно, со слезами на глазах. Особенно у старшего поколения. А я из нашей родни последняя, что застала войну. Помню, как т. Саша (А.П. Владыко. – Е.К.) слушала сводки с фронта. А радио было – тарелка. Плохо слышно. Она на нас шикала, а мы, ребятня, не понимали почему. Осознание пришло уже у взрослых.

Гвардейский парк, где формировалась 78-я дивизия (описка, правильно, конечно же, «бригада». – Е.К.), отремонтировали. Стал прекрасен. Единственно, о чём я жалею, что убрали земляные завалинки к палаткам. В 1958 году Валя (моя бабушка В.П. Владыко. – Е.К.) с ребятами приезжала в Красноярск. И мы с ней сходили туда. Тогда это было заброшенное место. Но надо было видеть эмоции Вали. Я их никогда не забуду». ³

В октябре 1942-го сформированная бригада эшелонами отправилась на фронт. Ехали через Москву, но посмотреть на столицу не получилось, выходить из вагонов им было запрещено. Зато побывали на Бородинском поле. Поехали дальше и, разгрузившись под Великими Луками, сменили на переднем крае державшую там оборону гвардейскую часть.

Утром 25 ноября 1942 года, несмотря на метель и малопригодную для наступления местность ударная группа 41-ой армии генерал-майора Ф.Г. Тарасова – это как раз 6-ой Сибирский корпус (в его бригадах насчитывалось по 6 тыс. человек, в дивизии – 13 754 человека) и 1-ый механизированный

¹ Кроме того – так называемый «Восточный батальон», сформированный немцами из советских военнопленных.

² ««Кровавая баня» под Белым». «Городские новости»: муниципальная газета Красноярска, № 66 (3169), пятница, 8 мая 2015 года. С. 4.

³ Из письма Г.В. Журавлёвой ко мне, от 11 мая 2015.

корпус прорвали оборону противника и начали обход города Белого, стремясь перерезать шоссе на Духовщину: это одновременно с операцией «Уран» под Сталинградом на Московском направлении разворачивалась операция «Марс». То было продолжение Ржевско – Сычёвской операции, которая вновь должна была проводиться силами советских фронтов – Западного (командующий генерал И.С. Конев) и Калининского (командующий генерал-лейтенант М.А. Пуркаев), с той же целью: окружение и уничтожение 9-ой немецкой армии в районе Ржевского выступа.

«Наступление Западного и Калининского фронтов провалилось... Успехи двух фронтов были столь мизерны, а потери значительны (общие потери двух советских фронтов в повторной Ржевско – Сычевской операции косвенно оцениваются в 250 тыс. человек и около 800 танков), что её попросту вычеркнули из «анналов»»¹.

Действительно, в толстенном томе «Великой Отечественной войны Советского Союза 1941 – 1945 годов»² я не нашёл никаких упоминаний об этой операции, только Московская битва, Сталинградская и сразу Харьковская 1943-го года. Ни карты, ни схемы. «А между тем, – продолжает В.В. Бешанов, – в 90-е годы ряд западных историков высказали предположение, что операция «Марс» в планах советского командования имела стратегическое значение, едва ли не большее, чем операция «Уран». В случае успеха подо Ржевом должна была последовать операция «Юпитер», превосходящая по масштабу Сталинградское контрнаступление... В перспективе войска Западного и Калининского фронтов должны были разгромить всю группу армий «Центр», а затем прорваться к Балтийскому морю»³.

Примерно в это время Пётр Гаврилович познакомился со своей будущей женой Валентиной Петровной Владыко – старшим лейтенантом медицинской службы, командиром медицинского взвода гвардейского истребительного противотанкового артиллерийского дивизиона.

Бабушка с гордостью говорила: «Мы – противотанкисты!..». Специальные нашивки у них были: две скрещённые пушки в чёрном ромбе с красным кантом. Заметь – с гордостью! Им завидовали и сочувствовали одновременно: «Ствол длинный – жизнь короткая», «Двойной оклад – тройная смерть», «Прощай, Родина!» – все эти фронтовые пословицы про них, истребительно-противотанковую артиллерию (ИПТА) Красной Армии. Они говорят об очень высоких потерях в этих частях. ИПТ дивизион, где служила бабушка за всю войну уничтожил 55 немецких танков. И за это время полностью сменилось 5 составов оружейной прислуги. Понимаешь теперь в чём дело? Они своей кровью платили за уничтожение каждого немецкого танка»⁴.

¹ В.В. Бешанов. Год 1942 – «учебный». М.: Аст, Минск: Харвест, 2006. С.597.

² Великая Отечественная война Советского Союза 1941 – 1945. Краткая история. Издание второе, исправленное и дополненное. М.: Ордена Трудового Красного Знамени Военное издательство Министерства обороны СССР, 1970.

³ В.В. Бешанов. Год 1942 – «учебный». М.: Аст, Минск: Харвест, 2006. С.597 – 598.

⁴ Евгений Монюшко, артиллерист-«противотанкист» по опыту боёв пришел к такому выводу относительно «антитигриных» возможностей ЗИС-3: «Пушка отличная, но к 1944 году она стала уже слабовата для борьбы с новой немецкой бронетехникой. Танк Т-VI («Тигр») её бронебойный снаряд не брал «в лоб»

Всё было: и повышенные в полтора-два раза оклады для состоящих в штате подразделений ИПТА, и длина стволов их ЗиС-3, и необычайно высокая смертность среди артиллеристов этих частей, позиции которых часто располагались прямо в пехотных боевых порядках, а то и перед ними: это орудие при всех своих превосходных качествах имело очень небольшую дальность прямого выстрела – на 600 метрах попасть в танк было весьма не просто, поэтому стрелять им приходилось с дистанций начиная с 500 метров. То есть, стоя перед катящимися на них «Тиграми» и «Пантерами» как на расстреле.

Но было и другое: на долю частей ИПТА Красной Армии приходится 70% уничтоженных немецких танков.

Их 76-мм пушка ЗиС-3 (Завод имени Сталина) образца 1942 года, детище выдающегося советского инженера-конструктора Василия Грабина, специалистами признаётся одним из лучших орудий Великой Отечественной войны. И по свидетельству бабушки – их орудия пробивали броню любых немецких танков.

«Шедевр проектирования артиллерийских систем» – так отозвался о ней скупой на похвалы Сталин. Отдавали должное и враги. «Пушка ЗиС-3 является самой гениальной конструкцией в истории ствольной артиллерии» – отметил именно это орудие профессор Вольф, консультант Гитлера по артиллерии.

Пушка ЗиС-3 стала одним из символов мощи советского оружия в одном ряду с такими именами нашей Победы как танк Т-34, реактивный миномёт БМ-13 «Катюша» (немцами не без чёрного юмора прозванный *Stalinorgel* – «орган Сталина»), штурмовик Ил-2 (в немецком «переосмыслении» *Schwarzer Tod* – «чёрная смерть»).

У ЗиС-3 тоже было немецкое прозвище – «ратш-бум». Это два звука, сопровождающие стрельбу пушки. Первый — шелест сверхзвукового (начальная скорость свыше 600 м/с) снаряда, пролетающего рядом с наблюдателем. Второй — собственно, звук выстрела, докатывавшийся

даже почти в упор. Здесь мог помочь лишь дефицитный подкалиберный снаряд... Оставалось надеяться, что «Тигров» будет меньше, чем основных немецких машин Т-IV». И далее так описывает бои на Сандомирском плацдарме в августе-сентябре 1944-го: «После коротких, но мощных артиллерийских налётов немцы атаковали танками. Тяжелые машины, «Тигры»... выходили на высоты в глубине немецких позиций и останавливались на расстоянии одного - полутора километров от наших позиций. Более лёгкие и манёвренные Т-IV продолжали движение вместе с немногочисленной пехотой. Для нас вести огонь по стоящим сзади машинам было бессмысленно. Даже в случае прямого попадания снаряд не мог нанести серьёзного повреждения на таком расстоянии. И немецкие танкисты выжидали, пока наша противотанковая оборона будет вынуждена открыть огонь по идущим вперёд танкам. Орудие, начавшее стрельбу, обнаружившее себя, немедленно становилось жертвой точного выстрела с неподвижных тяжёлых машин. Надо заметить, что на «Тиграх» были очень точные прицелы и очень точного боя 88-мм пушки. Этим и объяснялся полученный мною совет не стрелять до последнего момента. Открыв огонь на «пистолетной дистанции», можно рассчитывать на попадание первым или, в крайнем случае, вторым снарядом, и тогда, даже если орудие будет разбито, все равно получается невыгодный для немцев «размен фигур» - танк на лёгкое орудие. Если же показать свою позицию преждевременно, то, вероятнее всего, орудие будет потеряно напрасно».

https://vpk-news.ru/articles/46996?utm_source=warfiles.ru

позднее. Образно говоря, фашист сначала получал гранату и только потом слышал звук выстрела. Если оставалось, кому слышать.

До передовой Валентина Петровна была старшей медицинской сестрой и секретарём комсомольской организации эвакогоспиталя № 1515. Главным врачом-хирургом госпиталя, а также консультантом всех госпиталей Красноярского края с октября 1941 года был В.Ф. Войно-Ясенецкий (1877 – 1961). Он был не только хирургом с мировым именем, но и священнослужителем в сане епископа, прославленным Русской церковью в лике святых.¹

Забегая вперёд, скажу, что войну Валентина Петровна закончила в Латвии. Её часть освобождала от немцев Прибалтику – давили Курляндскую группировку немцев². Меня только смущало странное для латвийского города название, которым помечены её фотографии июля – августа 1945 года – Эстонская Валга. Но я нашёл его на карте, там интересный случай: на самой границе Латвии и Эстонии примыкают друг к другу два города – *Валга* с эстонской стороны и *Валка* с латвийской.

Но возвращаюсь к деду. Великие Луки – Калининский фронт, затем 2-ой Прибалтийский фронт, командующий И.Х. Баграмян – это я со слов отца пишу. Заглянул в книгу: генерал Баграмян командовал 1-м Прибалтийским фронтом – идёт время, многое забывается.

Видишь, в чём дело, всё, что я знаю – знаю только по рассказам отца. Это была моя любимая забава в 5 лет: на кухне залезть на табуретку за столом, устроиться поудобнее и допытывать отца: «Папа, расскажи, как дедушка воевал!»

¹ В 1921 году во время допроса по процессу инакомыслящих профессору кафедры оперативной хирургии и топографической анатомии Валентину Феликсовичу Войно-Ясенецкому был задан вопрос:

- Как это Вы верите в Бога, поп и профессор Войно-Ясенецкий? Вы его видели, своего Бога?

- Бога я действительно не видел, гражданин общественный обвинитель. Но я много оперировал на мозге и, открывая черепную коробку, никогда не видел там также ума, и совести там тоже не находил.

Архиепископ Лука (в миру Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий, 27 апреля/ 9 мая 1887, Керчь – 11 июня 1964, Симферополь) – епископ Русской православной церкви, с апреля 1946 – архиепископ Симферопольский и Крымский, российский и советский хирург, учёный, автор трудов по анестезиологии, доктор медицинских наук, профессор; духовный писатель, доктор богословия (1959). Лауреат Сталинской премии первой степени (1944).

Архиепископ Лука стал жертвой политических репрессий и провёл в ссылке в общей сложности 11 лет. Реабилитирован в апреле 2000 года.

Постановлением Синода Украинской Православной Церкви от 22 ноября 1995 года он был причислен к лику местночтимых святых. Определением Юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви в августе 2000 года канонизирован в сонме новомучеников и исповедников Российских, установлено всероссийское почитание. Память – 29 мая/ 11 июня.

² Курляндский «котёл» сформировался из остатков группы армий «Север» осенью 1944 года в западной части Латвии. Первоначально в составе окружённой группировки было около 30 дивизий неполного состава общей численностью примерно в 400 тысяч человек. К моменту капитуляции Германии группировка насчитывала от 150 до 200 тысяч военнослужащих. И все эти 30 дивизий обороняли фронт очень небольшой протяжённости – около 200 км, то есть плотность немецких войск на фронте была беспрецедентной, 6,5 км на дивизию, как во время битвы за Берлин на Зееловских высотах, этим и объясняется кровопролитность боёв по ликвидации Курляндского котла. И несмотря на объявленную безоговорочную капитуляцию Германии 8 мая 1945 года, группа «Курляндия» продолжала оказывать сопротивление советской армии вплоть до 15 мая 1945 года. Последний крупный отряд эсэсовцев, порядка 300 человек, пытавшийся прорваться на территорию Германии, был уничтожен частями Красной Армии спустя две недели после Победы - 22 мая 1945 года.

Но это давно было, информацию приходится собирать по крупицам из писем. Да вот отец приезжал в Хабаровск в ноябре 2000-го (до того последний раз я его видел осенью 1979-го, он приезжал к нам на Сахалин, в Ясное) – целый день, не сходя с места, я записывал его рассказы. И всё равно сведения мои обрывочные, сухие и конспективные.

Был у Петра Гавриловича на фронте друг – Симкин. «Симкин – был «Смерша»!», – говорил дед. То есть, сотрудник военной контрразведки Красной Армии «Смерш» (СМЕРть Шпионам), созданной в апреле 1943-го. В 1998 году отец с бабушкой Валентиной Петровной ездили в Красноярск, заходили в Совет ветеранов, встречались с однополчанами, есть там и фотография Симкина. С ним бы встретиться – он бы, наверное, многое мог рассказать.

Гвардии старшина Костя Кульнев – дивизионный артиллерийский разведчик и снайпер – 73 немца было на его личном счету. Валентина Петровна даже раз напросилась пойти с ним 2-м номером. Немного странно, правда, артиллерийский разведчик и снайпер одновременно? Как такое может быть? Дело в том, что снайперскую винтовку он получил в качестве приза. Как-то командование решило устроить соревнования по стрельбе с пришедшим пополнением из школы снайперов, от каждого взвода командировали лучшего стрелка. Цель – собака на нейтральной полосе, расстояние, по-моему, около километра, у всех по три патрона. *Все* промазали, а Костя попал! Вручили винтовку с оптическим прицелом: будешь снайпером! Он в отказ – да я же артиллерийский разведчик, а ему: ничего, будешь и снайпером тоже!

И вот он ходит в свободное от основной своей работы время на передок, развлекается, на офицеров немецких охотится. А потом, вернувшись в своё расположение, рассказывает, сегодня, мол, там-то и там-то двух фрицев снял! А ребята подначивают его: «да не может того быть, да ты, Костя, врешь!» Тот обижается, в крик: «Кто врёт?! Я вру? Пошли со мной!»

Вот Валентина Петровна и воспользовалась случаем, напросилась с ним идти вторым номером, хотя офицерам и запрещено было в такие «экспедиции» на нейтралку ходить.

Собрались, дошли до боевых порядков пехоты, сразу к взводному: «Вам звонили?» – «Да, звонили» – «Позови сапёра». Пока сапёр идёт, Костя с командиром взвода начинает «завязывать хорошие отношения»: «Казбеком» его угощает, развлекает светским разговором: снайперов пехота не любит, где работает снайпер – там пехоте покоя от немцев не будет. Пришёл сапёр: «Покажи, как пройти», тот рассказывает: здесь мины, здесь вешка стоит, здесь строго по направлению правее куста... Условились со взводным о пароле и отзыве.

Пошли.

Вернее, поползли, по-пластунски. Впрочем, ползти им было недалеко – метров через двадцать начинался овражек, местами в нём можно было в рост идти. Пулемётные трассеры над самой головой свистят, волосы шевелятся! Шли, шли, стоп – тут надо ещё метров двадцать на брюхе ползти до

заранее выкопанного Костей окопчика. От окопа до немецкой траншеи не больше ста метров. Стало светать. Слышно, как разговаривают немцы, и видно – выглядывают из траншеи – как на ладони, тем более в оптику: Валентина Петровна в бинокль их разглядывает, Костя в оптический прицел винтовки. Шепчет ей: «Видишь, погоны блестят – два офицера рядом стоят? Вот я сначала того, что слева сниму, и следом второго. Смотри!» Прицелился – хлоп, левого офицера прямо в лоб, тут же передёргивает затвор, хлоп – и второй рядом с первым лицом в бруствер ткнулся. Тут Костя повернулся к напарнице, и уже не стесняясь, в голос, кричит: «А вот теперь, Валюша, делаем отсюда ноги!» И оба, никаким не ползком, а в наглуую в полный рост рванули к оврагу! Только-только и успели – немцы не ожидали такой наглости.

По оврагу тоже бегом, и от оврага до траншеи нашего боевого охранения – в полный рост – бегом! Рисковали очень, но каждая секунда шла на вес не золота – жизни. Фрицы быстро собрались и отреагировали: огневой налёт был нешуточный – снайпером убиты два офицера! – молотили по всему нашему переднему нашему краю из всего, что стреляет.

Артиллерийский разведчик, снайпер, гвардии старшина Константин Кульнев был кавалером Ордена Боевого Красного Знамени и, по его выражению, самой главной награды – своего лица в зеркале каждый день.

Ещё такой случай был. Наша передовая линия шла по ржаному полю. Бойцы отдыхают, затишье, никто – ни наши, ни немцы не стреляет, чуть ли не жаворонки поют. Винтовки «в козлах» стоят – их так пирамидой, шалашиком ставили, чтоб на землю не класть. Жара стоит, – кто спит в тени, кто письмо пишет. А тем временем изо ржи появилась немецкая разведгруппа, профессионально-тихо захватила нашего часового и утащила к себе. И тишина – никто ничего не заметил... Часовой оказался мастером спорта по вольной борьбе – голыми руками, без единого звука, передушил всю разведгруппу и через 15 минут приполз обратно!

Работал дед и со снайперами, обучал их. Экспериментировали вовсю – даже залпами стреляли! Там дело так было: в бинокль видят немца с термосом за спиной, расстояние 1,5 км. Снайперы-стажёры дают залп – немец упал, но живой, рукой своим машет. Видно, как к нему ползут на помощь, – снайперы дают второй залп – уже лучше, фрицы ткнулись лицами в землю. Но третьего нашего залпа они ждать не стали, накрыли расположение миномётами: миномёт лучшее оружие против снайперов.

Ставили оптические прицелы на ПТР (противотанковое ружьё, калибр 12,7 мм) – стало возможным издали разбивать триплексы на немецких танках, делая их практически слепыми, заклинивать башни, попадая точно между ней и корпусом – танковая башня переставала вращаться, с безопасного расстояния подавлять пулемётные точки противника.

Запомнилось ему, что рядом с ними на 2-ом (или 1-ом?) Прибалтийском фронте стояла наша 22 дивизия латышских стрелков, а против них дрались 22 латышская дивизия СС¹.

Как немецкая разведка вырезала транспорт с нашими ранеными. Несколько подвод с ранеными, без единого выстрела, в ножи. У убитых девушек-санитарок юбки задраны – все были изнасилованы. Дед быстро собрал человек десять, пошли искать гадов, по следам – подморозило, но снега ещё не было. Догнали уже в лесу, нескольких убили, но всех уничтожить не удалось – немцы ушли в лес. При преследовании ещё человек 5 наших бойцов легло. И с ППШ, автоматами, как назло, отказ за отказом – смазка летняя ещё, наверное, была².

На Калининском фронте довелось повоевать с 250-ой испанской «Голубой дивизией» (División Azul) – в самые русские снега засунул Гитлер своих союзников. Дрались испанцы, со слов деда, жёстко, упорнее немцев, стреляли до последнего. «Голубая дивизия» комплектовалась только добровольцами, причём на одну должность в дивизии претендовали 3 – 4 человека, вооружена дивизия была практически полностью немецким, т.е. первоклассным оружием. И дрались они, действительно, «до последнего» – в результате боёв одного только февраля 1943-го соединение потеряло до 75% своей численности.

Интересные вещи выявляются при попытке проанализировать статистику потерь: 78-я Красноярская бригада, где служили Пётр Гаврилович и Валентина Петровна, за 22 дня боёв теряет 75% людей – и продолжает сра-

¹ Конечно, время беспощадно к человеческой памяти: 22-й латышской дивизии ваффен СС не существовало, была составленная в январе 1944-го из различных эстонских формирований СС и полиции, частей вермахта 20-я эстонская добровольческая дивизия СС (с мая 1944-го – 20-я гренадерская дивизия войск СС – эстонская №1). Именно эта 20-я эстонская немецкая подстилка 21 сентября 1944 года в ходе Таллинской наступательной операции во встречном бою была в труху разнесена 8-м эстонским стрелковым корпусом РККА (командир генерал-майор Лембит Пэрн). 20-я эстонская дивизия СС перестала существовать. Цифра «22 эстонская дивизия» применительно к частям советского эстонского корпуса прицепилась, видимо, я думаю, из-за того факта, что при их формировании использовались кадры расформированного в сентябре 1941 года 22-го территориального эстонского стрелкового корпуса, который, в свою очередь, включал в себя войсковые части и учреждения, входившие в состав эстонской армии до присоединения Эстонии к СССР.

² «Во время Великой Отечественной войны в рядах Красной армии сражалось более 800 тысяч женщин. Немцы приравнивали советских медсестёр, разведчиц, снайперов к партизанам и не считали их военнослужащими. Поэтому германское командование не распространяло на них даже те немногие международные правила обращения с военнопленными, которые действовали в отношении советских солдат-мужчин. В материалах Нюрнбергского процесса сохранился приказ, действовавший на протяжении войны: расстрелять всех «комиссаров, которых можно узнать по советской звезде на рукаве и русских женщин в форме». Расстрел чаще всего завершал череду издевательств: женщин избивали, жестоко насиловали, на их телах вырезали ругательства. Тела нередко раздевали и бросали, даже не задумываясь о погребении. В книге Арона Шнеера приведено свидетельство немецкого солдата Ганса Рудгофа, который в 1942 году увидел мёртвых советских санитарок: «Их расстреляли и бросили на дорогу. Они лежали обнажённые». Светлана Алексиевич в книге «У войны не женское лицо» цитирует воспоминания одной из женщин военнослужащих. По её словам, они всегда держали для себя два патрона, чтобы застрелиться, а не попасть в плен. Второй патрон – на случай осечки. Эта же участница войны вспоминала, что произошло с пленной девятнадцатилетней медсестрой. Когда её нашли, у неё была отрезана грудь и выколоты глаза: «Её посадили на кол... Мороз, и она белая-белая, и волосы все седые». В рюкзаке у погибшей девушки были письма из дома и детская игрушка.

Известный своей жестокостью обергруппенфюрер СС Фридрих Еккельн приравнивал женщин к комиссарам и евреям. Всех их, согласно его распоряжению, полагалось допрашивать с пристрастием и затем расстреливать». Блог проекта Культурология.Ру. Автор: kulturologia <http://www.kulturologia.ru/blogs/090817/35565/>

жаться, до мая 1945-го, испанцы в феврале 1943-го теряют 75% личного состава – и воюют, немцы в тех же боях зимы 1942 – 1943-го теряли и до 95% – и провоевали ещё два с половиной года, цифры месячных безвозвратных потерь Красной Армии в тот период в некоторых боевых частях доходили до диких 104% – Красная Армия продолжала сражаться и победила в войне, даже – даже – американцы во Вьетнаме воевали при потерях в подразделениях в районе 40 – 50%. А вот польская армия в сентябре 1939-го при потерях убитыми около 6% прекратила сопротивление и в полном, практически, составе пошла в плен. При численности польской армии в миллион с лишним человек потеря 60 тысяч бойцов была сочтена чрезмерной ценой, при которой родину защищать становится «нерентабельным». Это мне о Катыни мысль в голову пришла, даже если, подчёркиваю – даже – если расстреляли польских военнопленных не немцы, а НКВД, то расстрелянные были – по простому русскому счёту – изменниками своей родины. Мои деды и бабки заботе о сохранении в целостности и сохранности своей драгоценной шкуры предпочли защиту своей Родины на фронте.

Когда мы с отцом и мамой ездили в Ригу к бабушке с дедом в 1975-ом – мне 3,5 года было, но я многое помню, – разговоры взрослых, когда мы гуляли в каком-то парке, там были широкие пешеходные дорожки и ещё более широкие зелёные клумбы с невысокой зелёной травой. Бабушка с дедом, ведя меня за руки, разговаривали, и я фразу до сих пор помню: «здесь кругом люди лежат, один на одном, в несколько слоёв, мы прямо по ним идём». Почему запомнил, да потому, что меня, трёх-с-половинойлетнего встревожил смысл – получается, я прямо по убитым людям хожу, прямо на них наступаю? Я спрашивал, пристально вглядываясь в трещины асфальта под ногами, чахлую короткую траву длинных клумб, вдоль которых мы шли: «Как, прямо везде-везде? Мы по ним ходим? Почему я их не вижу?» и требовал, чтоб мне показывали, куда можно поставить ногу, чтоб я ни на кого не наступил. Бабушка отвечала в том смысле, что они, конечно, похоронены, но тем не менее, здесь нет такого места, куда бы я мог поставить свою ногу, и там бы не лежал убитый наш, советский солдат. Было очень непонятно и страшно.

На Калининском фронте не было сплошной передовой линии, только узлы обороны, пространство между ними простреливалось пулемётами.

Свела фронтовая судьба и с немецкими штрафниками – новый командир их 78-й бригады подполковник Михаил Кучерявченко, сменивший тяжело раненного полковника Сивоконя, в воспоминаниях упоминает о том, что против них немцы выставили, в частности, штрафной офицерский батальон – они упорно шли на наши пулемёты – и дошли, ворвались в нашу траншею, дед уже и диски автоматные все расстрелял, до ножей, до рукопашной дело дошло – из пистолета буквально в нескольких шагах от себя двух фашистов положил, самых настырных.

В другой раз случай был, специфически-русская, надо сказать, сцена: сапёр обезвреживал немецкую spring-мину (противопехотная прыгающая «мина-лягушка», начинённая 365 стальными шариками), а 10 советских офи-

церов, по хроническому недостатку острых ощущений, с интересом наблюдали за этим процессом, собравшись в кружок. Любопытное, наверное, было зрелище. А мина оказалась с «сюрпризом» – в результате 11 трупов. «Русская рулетка» просто детский сад. Пётр Гаврилович с Валентиной Петровной в это время находились совсем рядом – но в ложбинке, – сидели в лодке.

Или такая сценка: лето, фронт стабилизировался, ничего из ряда вон не происходит – позиционная война, и поэтому из тыла до фронта дотащилась-таки военторговская кинопередвижка, и показывает кино – прямо под открытым небом, между деревьями натянули простыню и экран готов. В небе, очень высоко, лениво кружит «рама» (так на фронте называли двухфюзеляжный немецкий самолёт-разведчик «Focke-Wulf-189»), он безобидный, и на него никто внимания не обращает, он же не штурмовик. Вдруг – по земле фонтанчики пыли от пулемётной очереди, взрыв бомбы – это «рама» напомнила о своём существовании, сбросила бомбу – не прицельно, а так, «чтоб не забывались». И Валентина Петровна вдруг с удивлением обнаружила, что сидит она одна, а кавалер, галантно пригласивший её в кино, уже «рассредоточился» – лежит на земле, закрыв голову руками, невдалеке! Дед же на фронте с июня 1941-го, тогда любой самолёт в воздухе однозначно был немецким – не успел залечь, пару секунд замешкался – и домой на тебя «похоронка» пришла. На «автопилоте» дедушка действовал! Долго потом Валентина Петровна подначивала его с «рассредоточением»!

Интересное наблюдение, её личное, профессиональное, можно сказать, жанровая зарисовка о «Катюшах» – гвардейских реактивных миномётах, БМ-13. Она рассказывала, что к концу войны, в 1944-ом, когда их стали использовать массово, концентрируя в полосе наступления, то немцы, которым почудилось выжить после массированного применения нами «Катюш», сходили с ума. После артподготовки горело всё, сама земля горела и сопротивления никакого наступающим нашим войскам не было – его просто некому было оказывать, а из единиц уцелевших немецких солдат кто счастливо смеялся, кто, воя, катался по земле...

Чего стоит рассказ о том, как целый месяц строили гать через болота, тыловые службы отстали: *месяц* еды не подвозили, питались затирухой из воды и муки, даже соли не было, а надо было валить деревья, таскать на руках брёвна. Люди умирали на ходу от тяжёлой работы и голода.

Это в январе-феврале 1943-го немного отдышавшаяся 78-я Красноярская бригада, понёсшая в декабре страшные потери, «продолжала вести наступление в районе города Локня, – пишет историк В. Чернышов. – Сражаться приходилось в полосе труднопроходимых болот и лесов. Только через реку Ловать было налажено 7 переправ».

Боя немцы не принимали, их постоянно обходили с флангов, и они непрерывно отступали, сжигая за собой всё, что могло гореть. Ровная низменность, ни одного моста, ни одной деревни, топографические названия применить некуда, ни одного ориентира, местного населения нет – пустыня,

всё сожжено. Эта картинка – гостья, видимо, из весны-лета 1943-го, Калининский или Волховский фронт.

Стрелковую бригаду, где служил Пётр Гаврилович, тем временем развернули в дивизию, она стала называться 65-ой гвардейской стрелковой дивизией 10-ой гвардейской армии. Валентина Петровна вспоминала, что рота автоматчиков под командованием Петра Гавриловича считалась в бригаде её ударной силой, часто слышала разговор, что, мол, Конченков опять ушёл чёрт-те куда вперёд за немцами, а нам догоняй его теперь!

Ходил дед всегда впереди, во главе роты, сразу за боевым охранением, с шиком ходил: без шинели до ноября месяца (её старшина в обозе вёз), шерстяная гимнастёрочка, синие галифе, хромовые, в гармошку, сапоги, трофейные кожаные перчатки, на голове – кубаночка. Красавец, в общем, был душа!

Увлёкся однажды преследованием – заскочили с несколькими бойцами на высотку, а роту немцы пулемётами отсекали. Сутки просидели среди немецких позиций, пока удалось вырваться.

В 1943-ем Петру Гавриловичу присвоили звание капитана. Должность его была заместитель командира учебного батальона по строевой части. Подполковничья должность, отец говорит. Учебный батальон обучал сержантов всех специальностей: разведчиков, стрелков, связистов, миномётчиков, артиллеристов. Как пишет отец, «их старались в бой не бросать. Когда уж совсем не в состоянии. А не в состоянии часто было. Отец всё время участвовал в группе управления боем – надо быть на передовой только что не в первой цепи»¹.

В конце 1943-го года к ним в часть, на фронт приезжали шефы – из Красноярска, привезли подарки, настоящие сибирские пельмени (пельмени на фронт отправляли, – а надо знать, Анята, как приходилось людям в ту войну, бабуся во время войны жила как раз в тех местах, неподалёку, в Канске – и капустные листья, было дело, собирали, что овцы на заготпункте не съели; жить-то надо как-то, детей чем-то кормить).

А однажды во время немецкого артобстрела деда завалило в блиндаже, в 5 накатов: слой брёвен, слой земли, слой брёвен, слой земли, – и так 5 раз. Больше часа его бойцы разбирали завал, но откопали своего капитана, живого! Контужило его только здорово.

Осенью 2013 года отец приезжал ко мне в Хабаровск и передал мне семейный архив с фотографиями, документами, рукописью воспоминаний моей бабушки, и мне ещё только предстоит серьёзный труд по их расшифровке: у Валентины Петровны на редкость неразборчивый почерк, из её писем в детстве я понимал в самом лучшем случае не более 15 процентов смысла текста.

В числе прочих документов находится автобиография моего деда, автограф, между прочим! – и его личный листок по учёту кадров, тоже заполненный собственноручно. Слишком много накопилось неточностей в пересказах, а это речь из первых уст.

¹ Письмо от 27 января 2012

«Я, Конченков Пётр Гаврилович, родился в 1919 году 5 окт. в с. Казёнчик Наровчатского р-на Пензенской области в семье крестьянина-бедняка. В 1932 году окончил начальную школу в с. Казёнчик и в этом же году поступил в Неполную среднюю школу с.Наровчат, по окончании которой в 1935 году поступил в Пензенский Плодоводческий техникум. Получив специальность мл. агронома в 1939 году получил назначение агрономом-интенсивником в Дубовскую МТС Ставропольского края, где работать пришлось по 25 декабря в связи с призывом в РККА. С 28 декабря 1939 года по 14 мая (1941 года. – Е.К.) учился в Военно-пехотном училище г. Буйнакск по окончании которого получив звание лейтенанта был направлен в Одесский военный округ комендантом 206 штадива. С 14 мая по 15 II – 45 года находился на службе в Советской Армии в должностях командира роты, зам. командира отдельного учебного б-на 65 гв. стрелковой дивизии. В связи с ранениями на фронтах Отечественной войны ушёл в отставку в звании гвардии капитана.

В феврале 1945 года Крайвоенкоматом направлен работать на завод №5 нач. спец. части на ст. Хор Хабаровского края, по личной просьбе был переведён в Хабаровское краевое управление трудовых резервов инспектором военной подготовки. В июне 1947 года Хабаровским Крайкомом партии был направлен работать агрономом в Краевую контору Сортсеровощ, проработав там до 10 июня 1950 года ушёл учиться в Хабаровский институт инженеров ж.д. транспорта, который окончил в 1955 году.

По направлению института с 1 августа 1955 года работал в Дальгипротрансе в должностях инженера, старшего инженера, нач. изыск. партии. В 1966 году Крайкомом КПСС был направлен работать директором Хабаровского отделения Гипроавтотранса. В 1969 году указанное отделение реорганизуется в Хабаровский филиал ГипродорНИИ, потребовался директор с учёной степенью, по этой причине я был оставлен работать зам. директора с исполнением обязанностей директора в вышеуказанном филиале, где работал до 19 декабря 1972 года.

В 1937 году вступил в чл. ВЛКСМ. В январе 1943 года был принят кандидатом в чл. КПСС.

В 1948 году был принят в чл. КПСС.

Конченков»

Вот его фронтовой послужной список (с автографа!):

28 XII – 39 14 V – 41 Курсант Буйнакского военного училища, Дагестанская АССР

18 V – 12 VII – 41 года Комендант штадива 206 стрелковой дивизии Киевский воен. окр.

12 VII – 10 XI – 41 года Эвакогоспиталь №3317 г. Абдулино

10 XI – 41 г. 14 I - 42 г. Зам. ком роты 57 ударной брига. Волховский фронт

14 I – 41 г. 25 VI (так в оригинале. – Е.К.) – 42 г. Эв. госпиталь №1780 г. Новосибирск

25 IV (так в оригинале. – Е.К.) - 42 г. 20 VI – 42 г. Слушатель Курсов Выстрел при СибВО г. Новосибирск
 20 VI – 42 г. 10 XI – 42 г. Командир роты автоматчиков 18 ОСБр добровольцев Красноярцев Сибиряков Калининский фронт
 10 XI – 42 27 I – 43 г. Зам. комбата отдельного 2-го батальона по строевой части 78 ОСБр Калининский фронт
 27 I – 43 18 II – 43 г. Эвакогоспиталь №1427 Калининский фронт
 18 II – 43 15 V – 43 Пом. нач. опер. отдела Штабрига 78 ОСБр Калининский фронт
 15 V – 43 29 XI – 43 Зам. комбата учебного б-на 65 гв. дивизии Центральный фронт
 29 XI – 43 30 VII – 44 Эвакогоспиталь №2556 г. Пермь
 30 VII – 44 18 II – 45 Отпуск по ранению г. Хабаровск
 18 II – 45 30 I 46 Нач. спец. Части завода №5 г.Хабаровск (ст. Хор)

Вот так воевал мой дед, капитан Красной Армии Пётр Конченков.

Толя Конченков недавно описал мне, вспомнил, как «дядя Петя» рассказывал им, пацанам, о танковых засадах. Это было уже в 1943 году, когда у немцев появились новые танки, типа «Пантера», «Королевский тигр», САУ «Фердинанд», с такой лобовой бронёй, от которой снаряды наших противотанковых 45-мм орудий – «сорокапятки» – отскакивали, как горох. Немецкие танкисты начинали стрелять издалека из своих превосходных 88-мм орудий (на «Тиграх» стояла лучшая танковая пушка II мировой войны), оставаясь в безопасности, технично подавляли советские орудийные расчёты и затем спокойно проходили через их позиции.

Мысль дедова заключалась в следующем: надо снять с пушек щиты! Казалось бы, в этом случае орудийный расчёт оказывался посреди чистого поля как на расстреле, лишённый даже такой призрачной защиты, какой является низкий противоосколочный щит «сорокапятки». Как на палубе «Варяга», у его орудий тоже не было никаких щитов, и комендоров русского крейсера защищали от залпов главного калибра шести японских крейсеров, все артиллеристы которых были укрыты или щитами, или броневыми башнями, только тельняшки на груди. Но нет: закопанная в полнопрофильный окоп «сорокапятка» со снятым щитом становилась невидимой для немецких танкистов! Ведь с фронта она представляла теперь только чёрный дульный значок диаметром меньше 10 см. Теперь стало возможно подпустить немецкий танк вплотную к своей позиции, и в упор, прямой наводкой, то есть, наводя орудие смотря прямо через ствол, влупить бронебойным снарядом ему в гусеницу. А уже разутый, обездвиженный, крутящийся на одной гусенице, подставляющий борта «Тигр» сбоку, где у него более слабая броня, на выбор расстреливали из засад другие «сорокапятки».

Дед рассказывал, что один раз таким образом им удалось подбить сразу 7 немецких танков! Но, конечно, те орудийные расчёты, которые должны были первыми открывать огонь и останавливать «Тигров», были смертника-

ми, так на них и смотрели, и они сами это знали: «невидимками» они были только до первого своего выстрела, а затем сразу получали на себя огонь всех танков.

Вот так воевали наши деды, не числом, а умением. Конечно, великими реками русской крови оплачена наша победа, но всё-таки несправедливо, обидно для русского народа слышать, что мы, дескать, немцев трупами завалили. Чан Кайши в это же самое время не завалил ведь японцев 35 миллионами китайских трупов? А вот Красная Армия вскоре раздавила ту же самую полуторамиллионную Квантунскую армию вместе со всеми японскими группировками в Маньчжурии, на Курилах и Южном Сахалине *всего за 12 дней активных боевых действий* и потеряв убитыми при этом 12 тыс. человек, против 84 тыс. убитых и 600 тысяч взятых в плен японцев. По-честному, русской силой и русским умом¹.

Что же касается собственно немецких армейских потерь, то, по свидетельству дважды Героя Советского Союза, маршала Советского Союза, командующего особо отличившейся в Сталинграде 62-й армией В.И. Чуйкова, за все 58 дней попыток взять один-единственный «дом сержанта Павлова» в Сталинграде – ничем не замечательный, обычный городской жилой дом, – немцы «положили вокруг этого дома своих трупов больше, чем при взятии французской столицы Парижа».

Маршал Советского Союза И.Х. Баграмян, которого, по очевидным причинам, едва ли можно заподозрить в великорусском шовинизме, в своих воспоминаниях писал, что во время войны часть, в которой русских насчитывалось менее 40% личного состава, командованием *считалась небоеспособной*.

Любопытная мысль в наше непростое политкорректное время! Нация, национальность вообще выпадают из области идей неолиберальной цивилизации. Национальность перестали указывать в свидетельствах о рождении, графа есть, но в ней – прочерки: какая разница, какая национальность? Но вот пол (точно такой же, не зависящий от воли человека *биологический признак!*) тем не менее почему-то, не упраздняется! Частная собственность и её неприкосновенность, неприкосновенность жилища, право на свободу высказываний, включая сюда право на оскорбление исторической религии подавляющего большинства населения страны под названием Россия являются одними из основополагающих принципов современной нам постиндустриальной, постмодернистской, информационной – кому как нравится – цивилизации, а вот понятия «родная земля» нет, невыводимо оно из существующего набора идей. А ведь земля, по которой мы ходим, на два метра

¹ «Ведь нельзя игнорировать тот факт, что около двух третей всех мировых новаций XX века имели своим происхождением или были реализованы с использованием фундаментальных открытий Академии Наук СССР». – Из книги академика, члена Президиума РАН, Председателя Совета Союза Верховного Совета СССР (1989 – 1990), руководителя Центральной службы разведки СССР (1991), директора Службы внешней разведки России (1991 – 1996), министра иностранных дел РФ (1996 – 1998), председателя правительства Российской Федерации (1998 – 1999) Е.М. Примакова «Мир без России? К чему ведёт политическая близорукость» (2009).

вглубь пропитана не чьей-то, а именно русской кровью. Веками напитывалась.

Одно из определений территории звучит так: территория есть *форма существования нации*. То есть, социология не отрицает глубинной связи народа с землёй, на которой тот живёт на протяжении своей истории, её отрицает политический режим, существующий на территории моей Родины.

Во время последней (2002 год) переписи населения России 85% респондентов назвали себя русскими: так мы не многонациональная, *мы мононациональная страна*.

Ну и в заключение нашей интерлюдии выступит бывший подданный Российской Империи, капитан вермахта, служивший офицером связи и переводчиком при командующем РОА Андрее Андреевиче Власове, Вильфрид Штрик-Штрикфельдт, пенять которому на его великорусский шовинизм оснований ещё меньше, нежели подозревать в последнем Ивана Христофоровича Баграмяна.

В специальной записке для Верховного командования сухопутных войск под названием «Русский человек» он отметил: «Испытание интеллигентности среди русских военнопленных показало очень интересную картину. Как и у большинства народов, так и у них эта картина приблизительно одинакова, т.е. 50% среднего уровня, 25% – ниже среднего и 25% – выше среднего.

Хотя средний и ниже среднего уровня оказались значительно ниже германского уровня, зато 25% высшего уровня *обнаружили выдающиеся знания и одарённость, превосходящие западноевропейский уровень*¹.

И вот – последний бой Петра Гавриловича. Батальон под его командованием бросили в ничем не обеспеченную атаку, неожиданно, без артподготовки; комбату по телефону приказ: «Вперёд!» – и батальон пошёл – на немецкие пулемёты. И дошёл. Ворвались в траншею, схватились врукопашную, тут всё шло в ход: ножи, саперные лопатки, приклады автоматов, кулаки, зубы – мат, кровь, сочные красно-сизые ошмётки мяса, предсмертный хрип, пульсирующие мозги на земляных откосах траншеи, и тут же человеческий кал – бьют, режут, рубят, разбивают головы, выдавливают глаза, душат, стреляют... И тут-то немецкий солдат снизу, из траншеи, вогнал русскому капитану из своего автомата весь рожок очередью – 30 пуль – в правое лёгкое.

Сам характер ранения уже говорит за себя: комбат гвардии капитан Пётр Конченков, посылая людей в бой, на смерть, не прятался в блиндаже, не «осуществлял общее руководство» со своего НП, а шёл на пулемёты в одной цепи со своим батальоном.

Так и закончилась для деда эта война. Под Смоленском, на древней русской земле. Не дошёл капитан Конченков ни до Берлина, ни до Праги, Вены, Будапешта, Кёнигсберга, но – начал он войну 22 июня 1941-го, на

¹ Цитирую по: Б.В. Соколов. Оккупация. М., Аст-Пресс книга, 2003. С.212

Украине. Фронтовики говорили (а их почти всех повыбило, солдат 1941-го года): «Кто не воевал в 1941-ом, тот войны не видел».

Трудно подобрать слова, чтоб сказать, *какой* это был год. В воздухе только немцы, нет танков, нет артиллерии, почти нет автоматов, огромный дефицит патронов, снарядов – всё осталось на приграничных складах, потерянных в первые дни войны. Но муторнее всего другое: ошеломительный успех немецких войск – они уже под Москвой, на Украине, потеряна вся Прибалтика, блокирован Ленинград. Миллионы наших солдат в первые месяцы войны попали в плен. А самая мощная в мире армия, готовившаяся воевать не иначе, как «малой кровью и на чужой земле», неся ужасающие потери, беспорядочно отступает вглубь страны. Страшное время. Поэтому участие в боях в 1941-ом уже само по себе означает принадлежность к особому ордену.

Тогда, в 1941-ом награждали очень скупой, удостоенных ордена или тем более звания Героя можно было пересчитать по пальцам, весь полк собирался, из соседних частей приходили люди – просто посмотреть на такого человека. Дошедшие до конца войны могут похвастаться – «вся грудь в крестах», а тогда, в 1941-ом, тогда-то и погибали неизвестные солдаты. Это они, *неизвестные* русские солдаты, с одними винтовочками, родимыми «образца 1891/30 года», сломали немецкую военную машину, великий *Vehrmacht* – лучшую армию мира, перед которой оказались беспомощны все европейские армии, это они совершили то, что потом за границей назовут «русским чудом». Пока наши союзники отсиживались на своих островах, наблюдая, чем закончится схватка, на них, на этих русских солдат 1941 года, катилась вся Европа на танках – на немецких, французских, чехословацких, итальянских, польских.

Вся промышленность Европы работала на Гитлера: Франция в лице «Рено», «Ситроена», «Шнайдера», «Крезо» всю войну бесперебойно снабжала вермахт боевыми самолётами, авиационными моторами, автомобилями, не отставала от них и вторая в Европе после Германии чехословацкая военная промышленность – стрелковое оружие, боеприпасы, автомобили, самолёты, вся линейка бронетехники. Последний танк Т-IV сошёл с конвейера «Шкоды» 5 мая 1945 года, образно говоря, пока советские солдаты сами не пришли на завод и не убедили этих чешских «трудоголиков» разойтись по домам.

Не за страх работали на Гитлера наши европейские «партнёры». На совесть.

Вместе с немцами пришла финская армия, 673-хтысячная армия Румынии, 84-хтысячная армия Венгрии, 45-тысячная словацкая армейская группа, 62-хтысячный итальянский экспедиционный корпус, 19-тысячная *Division Azul* – испанская «Голубая дивизия», бельгийские, хорватские соединения, добровольцы из скандинавских стран в составе моторизованной дивизии СС

«Викинг», французский «легион Триколор», прибывший в ноябре 1941-го под Москву¹...

Один только этот перечень вызывает уважение к тем неизвестным русским солдатам, вставшим на пути этой армады.

А вот и немецкое свидетельство, составлено не позднее ноября 1941-го: «Русские солдаты и младшие командиры очень храбры в бою. Даже отдельная маленькая часть *всегда принимает атаку* (курсив мой. – Е.К.). В связи с этим нельзя допускать человеческого отношения к пленным. Уничтожение противника огнём или холодным оружием должно продолжаться до тех пор, пока противник не станет безопасным...Фанатизм и презрение к смерти делает русских противниками, уничтожение которых обязательно».²

У деда всего две медали: «За отвагу» и «За победу над Германией». Документов на награды не сохранилось – или та бомба в июле 1941-го, или санитар в госпитале, – в общем, ничего нет. Есть сама медаль, самая уважаемая солдатская медаль – «За отвагу», № 187 698, она вручалась только за личное мужество, проявленное в боях. Причём медаль эта дедова была не простая – не на обычной серо-голубой пятигранной колодке, с какими мы привыкли видеть советские медали, а на прямоугольной красной (как у звезды Героя Советского Союза) – такими награждали в Финскую кампанию и в начале Великой Отечественной.

В электронном банке документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне» на сайте podvignaroda.ru я нашёл наградной лист деда с представлением к медали «За отвагу» от 31 декабря 1942 года и приказ войскам 41-й армии Калининского фронта (по личному составу) о награждении от 30 января 1943 года. Последний – с грифом «Секретно».

В наградном листе³ в разделе «Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг» говорится: «В бою в районе д. Плоская с 10.12.42 г. по 13.12.42 г. тов. Конченков командовал группой бойцов и командиров, посланных на прорыв укрепленного участка противника, будучи контужен, не оставил боевой пост до конца боя, в результате, укрепленный участок противника был прорван и бойцы продвинулись вперед.

За проявленное мужество и отвагу, ст. лейтенанта Конченкова П.Г. ХОДАТАЙСТВУЮ О НАГРАЖДЕНИИ медалью «ЗА ОТВАГУ»».

¹ Созданный в конце лета 1941 года «Легион французских добровольцев против большевизма», в немецких документах – 638-ой пехотный полк вермахта. Единственное иностранное военное соединение, кому немцы доверили участвовать в наступлении на Москву. Наступало оно недолго, в декабре «Французский легион» был полностью разбит в районе Смоленска, остатки его морально разложились и были убраны с Восточного фронта в Белоруссию – «для борьбы с партизанами». <http://rusvesna.su/news/1548450989>

² Из приказа за №166/41 по 60-й немецкой дивизии. Захвачен частями Красной Армии при отступлении немецких фашистов из района Селижарово на Калининском фронте в конце ноября 1941 года. В книге: «Нюрнбергский процесс. Сборник материалов». Т.1. Государственное издательство юридической литературы, Москва, 1952.

³ В наградном листе есть небольшие фактологические несоответствия, так, в п.7 говорится, что ст. лейтенант Конченков П.Г. является участником Отечественной войны с 5.10.42 г., а в п.10 «каким РВК призван» представлено – «С курсов «ВЫСТРЕЛ»». В действительности на курсы ВЫСТРЕЛ дед попал уже после фронта, двух ранений и госпиталя. А 5.10.42 г. это дата прибытия части – 78-й Сталинской добровольческой стрелковой бригады в Действующую армию. Обычная канцелярская неразбериха.

Сдержанно сказано. Вот что мне отец написал в письме от 27 января 2012, тоже довольно сдержанно, впрочем. Но в его словах – он всё это слышал непосредственно от отца, моего деда, – есть одна непростая фраза, я её специально выделил курсивом.

«Рассказывал отец про высоту, в 1942 г. брали её долго и много раз атаковали. На пулемёты ходили без артподготовки. Снарядов было по 5 на каждое орудие. Разрешали выстрелить 3 раза. Очень большие потери у наших были. А там ещё (у немцев. – Е.К.) был противотанковый ров. Имелись проходы для немцев, напротив проходов (шириной около 5 – 6 метров) стояли пулемёты, они стреляли вперёд и в стороны. Ров глубиной местами 5 – 6 метров.

На курсах «ВЫСТРЕЛ» разбирали способы преодоления препятствий: двое бойцов втыкают штыки винтовок в склон рва, на винтовки прыгают двое других бойцов – тоже втыкают винтовки в склон и три яруса воткнутых винтовок. Во время очередной атаки *отвлекали пулемётчиков (часть бойцов бежала на пулемёты – вызывали огонь на себя)*, а основная масса прыгала в ров и по выстроенной пирамиде вылазила на другой склон, маскировались, окапывались. По команде (у нас это ракеты, у немцев по рации) пошли в атаку, сбили немцев, заняли траншеи и высоту. Отец часто про этот бой рассказывал и что он предложил так атаковать.

Наверное, за этот бой ему дали «За отвагу»».

Рядовой, шофёр 78-й бригады, Е. Астраханцев вспоминал: «Немцы занимали самые выгодные огневые рубежи, в их распоряжении были все высоты, четыре-пять рядов траншей-окопов, сооружённых по всем правилам инженерно-технических работ, большие противотанковые сооружения, рвы. Металлические ежи, проволочные заграждения, минные поля, доты, дзоты... немцы бросили против нас всё, что имели»¹. Да мороз, превративший немецкие земляные укрепления в железобетон безо всякого цемента! Я вот думал: а почему он, раненый, контуженный, предпочёл оставаться командовать боем до конца, не пошёл в санбат, в госпиталь? Слово тому же И. Петрову из еженедельника «Наш Красноярский край»: «В битве под Москвой, удерживая врага до подхода кадровых и новых, лихорадочно формируемых частей, уже полегли тысячи и тысячи конторских работников, вагоновожатых, аспирантов, участковых милиционеров, лаборантов, таксистов, официантов, водопроводчиков – одним словом, людей, получивших первые боевые навыки незадолго до гибели. Они знали, наверное, что уже не вернуться, тем не менее устраивали давки у призывных пунктов. То же самое было и у нас, в Сибири... То есть на фронт ехали в подавляющем большинстве сугубо штатские люди (боевой опыт имело не более 10 процентов личного состава бригады,

¹ Иван Петров «Армия прорыва». «Наш Красноярский край»: краевая государственная газета. №55/939, 28 июля 2017г., С.14.

судя по всему, в основном офицеры), поскольку взять других было неоткуда»¹.

По линии моей бабушки, кроме неё, в Великой Отечественной участвовали два её родных брата – Иннокентий и Константин.

Иннокентий Петрович Владыко, старший брат, пропал без вести под Ельней в 1941 году. Призывался он в танковые части, но по документам впоследствии оказался, почему-то, сапёром. После войны посылали запросы о нём, но впустую, только в 1978-ом пришла справка, что он умер в плену в 1944 году. У меня есть две его фотографии.

В сентябре 2010 года я получил большой конверт из Красноярска. Это уже сама «История России» работает на себя! Тётя Галя Журавлёва сделала запрос в Подольск, в Центральный архив МО РФ и 28 апреля 2010 года пришёл ответ: «По документам учёта безвозвратных потерь сержантов и солдат Советской Армии установлено, что стрелок 35 стр. бат. (так в документе) рядовой Владыко Иннокентий Петрович, 1912 года рождения, уроженец Читинской обл., призван в июле 1941 г. Центральным РВК г. Новосибирска, умер в немецком плену 16 апреля 1944 года г., шталаг VIII С, Заган (Жагань, Польша).

Жена – Владыко Мария Андреев. (так в документе) проживала: Новосибирск, ул. Кирова, 1 – 4.

Основание:

ЦА МО, дон. 63016с – 1946г. (ф.58 оп. 18004 д. 312, л.30 об.)
2817с – 1948г. (ф.58, оп. 977521, д.1810, л.36)».

Запрос в Красный Крест не добавил ничего, его сотрудники ссылаются на те же самые документы из подольского ЦАМО.

Но сравнение документов дало мне весьма любопытную, хотя и неприятную пищу для размышлений: практически все данные о советском солдате Владыко И.П., «призванном Центральным РВК г. Новосибирска в июле 1941-го и т.д. и т.д.» взяты из одного документа – второго в списке – *Персональной учётной карточки военнопленного Владыко И.П., личный номер 80 869, Stalag VIII С, (регистрационный лагерь IV В Mühlberg, личный номер 143 075).*

Лихо?!

Согласно одной из двух *советских* учётных карточек Владыко Иннокентий Петрович пропал без вести в ноябре 1941, по утверждению другой – в марте 1942-го! В немецком же документе указана точная дата пленения – 09.10.1941, место пленения – Вязьма, и стоит штамп о получении каких-то прививок в лагере – 7 ноября 1941 года.

Ещё интереснее дело обстоит с воинской частью, где он проходил службу. Центральный Архив Министерства Обороны *не обладает* этой информацией! И опять же даёт ответ по немецкой лагерной учётной карте: 35

¹ Иван Петров «Армия прорыва». «Наш Красноярский край»: краевая государственная газета. №55/939, 28 июля 2017г., С.14.

стр. бат, никак не комментируя, что это за часть, в составе какого соединения числилась, даже что скрывается за сокращением *стр*: стрелковый или строительный? А между тем русские литеры 35 *стр. бат* в немецком документе появились только в 1946 году, когда разбирались захваченные немецкие архивы, они проставлены рукой советского переводчика. Немецкий писарь, заполняя формуляр, указал: 35 Bau Batl.

И ещё одно, персонально моё открытие. Это обстоятельство не отражено ни в документах ЦАМО РФ, мимо него прошли и сотрудники сайта obd-memorial.ru, давая свою расшифровку лагерной учётной карте. Моё внимание привлекла закорючка в графе «Religion» – «Вероисповедание». Сначала я не обратил на неё внимания, посчитав за пометку или часть сведений из вышележащей графы, не вместившихся в строчку – там наклеплено что-то не очень вразумительное, немецкая транскрипция советского места жительства военнопленного. Но, присмотревшись при большом увеличении к этой закорючке, я понял, что это 4 буквы: *orth* – сокращение немецкого *orthodoxe* – *православный*.

Читаю свидетельство очевидца порядков в соседнем Stalag 308 VIII E Neuhammer (Свентошув, Польша). 22 июня 1942-го этот лагерь перешёл в подчинение к Stalag VIII C в Загане (Жагани), где и находился мой дед Иннокентий Петрович Владыко. Советский военнопленный М.С.Лузин (№308 – 41 086) пишет: «(из лагеря Хелм) в октябре 1941 года...пригнали в лагерь № 308. Пленных было очень много, и каждое утро на фургонах вывозили по 200 человек мертвецов. Ужасные условия: питание один раз в сутки – суп из брюквы и шпината (чуть ниже М.С. Лузин в рассказе о том, как он находился в рабочей команде на железной дороге, упоминает ещё и о 150 граммах хлеба. – Е.К.). Ночью холод, днём снова дубинки и стрельба из автоматов по живым мишеням. Вшей было столько, что казалось земля дышит. Я заболел тифом. Превратился в живой скелет».

Посмотри на фотографию в лагерной карте. Исхудалое, измождённое лицо, на котором написано полное понимание ситуации – позорный плен, для немцев он не человек – неполноценный славянин, скот, в отношении его не действуют ни человеческие, ни божеские законы, никакие женеvские, никакие гаагские конвенции; дома, на Родине, в России ты предатель, ты служишь врагу! И тем явственнее – он не раздавленный человек, в его чертах выражено какое-то непонятное – в таких условиях – *достоинство*. Опрятно застёгнутая на все пуговицы солдатская шинель, аккуратно расправлен воротник, спина прямая и шея не гнётся, он не прячет взгляда. Он всё понимает – *кто он сейчас есть*, и он находит в себе силы *держат* эту ситуацию. Простой русский солдат, честный русский солдат, его плен под Вязьмой – не его вина, этот позор надо целиком и полностью отнести на счёт командующих фронтами, великих полководцев И.С. Конева и С.М. Будённого.¹ Он честно

¹Вяземская катастрофа 1941 года стала одной из самых страшных трагедий Великой Отечественной, по своим масштабам сравнимой лишь с разгромом Западного фронта в первые дни войны и Киевским котлом. В октябре 1941-го, нанеся мощный удар на вяземском направлении, немцам удалось прорвать наш фронт - в окружение под Вязьмой попали 4 армейских управления, 37 дивизий, 9 танковых бригад, 31 артиллерийский полк РКК; только без-

нёс свой крест, два с половиной года в нечеловеческих условиях немецкого плена¹, и честно умер, не пошёл ради спасения своей шкуры ни в полицаи, ни к Власову. Не опаскудил себя.

Константин Петрович Владыко воевал механиком-водителем на Т-34. Смеющийся, в пилотке, гимнастёрке и с немецким солдатским ремнём – это он стоит на фотографии 1943-го года. Четыре наградных колодки, не могу разобрать, каким медалям соответствуют: отец говорил, что видел у него на портрете, послевоенном, понятно, пять орденов и медали «За освобождение Праги», «За взятие Вены», «За победу над Германией», «За победу над Японией». Справа четыре нашивки за ранения: две красных (лёгкие) и две жёлтые (тяжёлые ранения).

В электронном банке документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне» на сайте podvignaroda.ru размещены 4 наградных листа старшего сержанта К.П. Владыко и 4 приказа по 118 отдельной танковой Двинской бригаде о награждении, от 12 июля, 20 августа, 5 октября и 5 ноября 1944 года. Наградной лист от 12 июля 1944 года сообщает скупно: «Вступая в бой 11.07.1944 года тов. Владыко действительно совмещал свою учебу с боевой деятельностью. Он бесстрашно и умело вел свой танк на огневые точки противника, искусственно (так в тексте. – Е.К.) лавируя по полю боя, что дало возможность всему экипажу метко и бесстрашно бить врага.

Экипаж уничтожил противотанковую пушку, рассеял и уничтожил до взвода пехоты противника.

Неожиданно вражеская пушка из засады на время преостановила боевые подвиги тов. Владыко – его танк в горячем бою был сожжен.

Достоен правительственной награды ордена «Красная Звезда»».

Да он был поэтом, тот безвестный писарь, заполнявший наградные листы!

Наградной лист от 20 августа 1944 года тоже говорит сам за себя: «Механик-водитель танка Т-34 тов. Владыко в бою в районе дер. <нрзб> и за овладение Розони проявил доблесть, мужество и отвагу. Действуя смело и решительно, он быстро вел свой танк вперед, мастерски используя складки местности и умело маневрируя. Занимая выгодные рубежи давал возможность командиру танка вести точный прицельный огонь по противнику. Он первый со своим танком ворвался в дер. Розони и раздавил гусеницами 8 гитлеровцев. В этом бою тов. Владыко отличился как мастер вождения танка. Экипаж, членом которого он является, отразил две ожесточенные контратаки гитлеровцев, уничтожил 1 пушку, 1 тягач, 5 повозок, 2 станковых и 3 ручных

возвратные потери Красной Армии превысили 380 тысяч человек. После Вяземской катастрофы судьба Москвы буквально висела на волоске. Лишь ценой колоссального напряжения сил и огромных жертв удалось восстановить фронт и не допустить падения столицы.

В советские времена об этой трагедии не принято было вспоминать – замалчивались и масштабы разгрома, и цифры потерь, и грубые просчеты командования. (Из аннотации к замечательному исследованию Вяземской катастрофы Л.Н. Лопуховского. Лопуховский Л.Н. 1941. Вяземская катастрофа. /2-е изд., перераб. и испр. – М.: Яуза, Эксмо, 2008.

¹ Смертность английских и американских военнослужащих в немецком плену составляла 4%. Советских военнослужащих – 57,8%. Немцев в советском плену умерло 15% от общего количества военнопленных. Какие ещё комментарии нужны?

пулемета, до 60 гитлеровцев и вместе с двумя другими танками взвода удержал деревню до подхода нашей пехоты.

Достоин правительственной награды – ордена «Красная Звезда»». Наградной лист от 30 августа 1944 года: «...Во время боев по отражению контратак противника с 23 по 27 августа тов. Владыко находился на подбитом танке в нескольких метрах от противника и когда гитлеровцы подбирались близко к танку, тов. Владыко огнем из автомата и гранатами уничтожал их. Всего за 4 дня тов. Владыко *лично* (курсив мой. – Е.К.) уничтожил до 30 гитлеровцев, а экипаж, в составе которого он находился, уничтожил 1 танк «Тигр»¹, пушку, 5 пулеметных точек и до 100 гитлеровцев. В бою 27 августа, когда противник уже окружил подбитый танк и в танке кончились боеприпасы, тов. Владыко гранатами проложил себе дорогу и вырвался из окружения, вывел из-под огня танк, экипаж которого вышел из строя, собрал 15 раненых бойцов и офицеров и эвакуировал с поля боя, будучи сам контужен.

Достоин правительственной награды – ордена «Отечественная война II степени»».

А вот это уже как-то не вполне просто: четверо суток в подбитом танке в нескольких метрах от немецкой траншеи, четверо суток без сна, еды, ежеминутно ожидая броска гранаты, рывка немецкой группы захвата – взять русских танкистов живьем, да ведь экипаж за это время ещё и сумел отремонтировать танк – в нескольких метрах от немецкой траншеи! "Будучи контужен"... Четверо суток в глухой стальной коробке танка, по которой лупят пули и осколки снарядов... Так ведь они ещё и ушли, с боем ушли! Экипаж танка – 4 человека! – уничтожил круглым счётом немецкую пехотную роту с вооружением и – внимание! – уничтожил танк "Тигр", который смертельно опасен и для целой-невредимой "тридцатьчетвёрки". Но и ушли они не просто так, не бежали как собаки, поджав хвост, как немцы – немецкие танковые экипажи, как правило, отмечено всеми, в случае попадания снаряда или гранаты в их танк, моментально покидали его. А наши, все раненые, возвращаясь на искалеченном, но живом танке к своим, под немецким огнём собрали на поле боя и вытащили под защитой своей брони пятнадцать человек наших раненых. В пятнадцать семей России почтальоны не принесли "похоронки", пятнадцать семей в России дождались своих солдат домой. И мир изменился, изменилась история. И после войны у тех пятнадцати родились дети, внуки, правнуки... Герои они, экипаж этой "тридцатьчетвёрки"? Что-то есть в этом слове – "герои" пафосное, искусственное. Да нет – просто – *русские люди*.

¹ Танк Т-34, на котором воевал ст.сержант Константин Владыко, относился к классу средних танков, немецкий же «Тигр», Panzerkampfwagen VI «Tiger I» - танк тяжёлый, своей массой он превосходил средний Т-34 почти вдвое. На момент своего создания и как минимум до ноября 1943-го, немецкий «Тигр» являлся сильнейшим по вооружению и бронированию **среди всех танков мира**. Старший сержант Владыко не мог знать этого любопытного книжного факта, но он знал другое - ему, чтобы сжечь того «Тигра», от 102 мм лобовой брони которого противотанковые снаряды просто отскакивали, надо было подойти на своём Т-34-76 к нему сзади или сбоку на расстояние 500 метров. В то же время мощная 88-мм пушка «Тигра» способна была прицельно расстреливать советские «тридцатьчетвёрки» (лобовая броня 45 мм) с расстояния 2 км, находясь вне досягаемости их орудий.

Наградной лист от 23 сентября 1944 года сообщает, что «...в бою в районе Силавас (или Вилавас? – в документе неразборчиво. – Е.К.) 18 и 19 сентября тов. Владыко раздавил гусеницами 4 противотанковых ружья с расчетами и до 20-и гитлеровцев, а весь экипаж уничтожил минометную батарею, взвод противотанковых ружей и свыше 50 гитлеровцев.

Когда танк сгорел, тов. Владыко, уже раненый уничтожил из автомата 4-х гитлеровцев и пробился в расположение своих частей.

Достоин правительственной награды – ордена «Красная Звезда»».

Интересна стилистика этих представлений к наградам: в тексте всякий раз смакуется, отдельно выделяется: "раздавил гусеницами 4 противотанковых ружья с расчетами и до 20-и гитлеровцев", "раздавил гусеницами 8 гитлеровцев», специально, как мне показалось, с *удовлетворением*, акцентируется внимание на том – *как именно* были уничтожены эти фашисты. Те – убиты огнём из автомата, а вот эти – раздавлены гусеницами танка. Уже по одному этому можно представить себе накал ненависти советских людей к незванным немецким гостям.

Под вермахт безропотно легла вся Европа, а старший сержант Владыко их гусеницами давит, они порскают от его танка во все стороны как куры, а он догоняет – и давит. В его глазах гитлеровцы – не люди. Он не людей живых, военнотружущих другого государства убивал таким жестоким способом, он свою землю чистил от нежити, чистил способом не лучше и не хуже других.

Тётя Галя Журавлёва из Красноярска рассказала мне, как «дядя Костя» приехал к ним в отпуск и она, девчонка, как-то сказала, что боится покойников. Она запомнила реакцию Константина Петровича. Он улыбнулся, и сказал: «Ты что... У нас на фронте передний край как-то раз проходил прямо по кладбищу, и мы рыли себе окопы... И когда натыкались в земле на гроб – ты знаешь, как *мы любили в них сидеть?*...» Портрет войны.

Ещё она вспомнила забавную жанровую картинку из рассказов «дяди Кости»: их часть шла в наступление по болотистой местности, там сапёры настелили гати из брёвен, чтобы танки не тонули. И вот танк Константина Петровича немцы подожгли почти у самых своих позиций, и старший сержант Владыко, выбравшись из горящей машины, с такой скоростью рванул назад, к своим, что по пути потерял сапоги – утонули в болоте! У него потом по этому поводу были неприятности с его старшиной – во-первых, казённую вещь – сапоги – потерял, а они числятся, во-вторых, нога у Константина Петровича была широкая, и старшина не мог найти ему других сапог.

Вот несколько строчек из письма его племянницы и моей тётки Галины Васильевны Журавлёвой ко мне от 23 января 2012: «Когда наши войска перешли границу, в каждом письме Валя (Валентина Петровна Владыко, моя бабушка. – Е.К.) и д. Костя присылали нам, мне, Гене и Нине, открытки. У нас в СССР вообще не выпускались они. Помню открытку с цыплятами, рождественские открытки (мальчишки на мотоциклах) с серебряным покрытием. Мы их ставили для украшения на комод. Помню, д. Костя прислал по-

ловину аккордеона (клавиатура), обмотанного материалом розовым и голубым. Тёте Саше достался розовый креп, маме – голубой. Они сшили мне и себе платья. Это по тем временам был шик. Потом ночью приехал д. Костя. Его часть перебрасывали на войну с Японией. Ехали товарняком. Д. Костя сел в пассажирский и приехал на несколько дней раньше. В это время вторую половину аккордеона у него украли».

Война для Константина Владыко, как и для многих фронтовиков, осталась на всю жизнь её центральным событием, переживанием подлинности и полноты своего существования, несчастным в обычной, обыденной жизни. Послевоенная судьба его печальна, если не трагична. И опять тётя Галя:

«Попробую через компьютер рассказать тебе о д. Косте.

Он освобождал Вену и его назначили комендантом какого-то городка недалеко от Вены. Там он познакомился с австрийкой и влюбился. Помню, когда он приехал к нам по пути в Японию, рассказывал, что его задержал патруль и отвёл в комендатуру¹. Эта женщина прибежала со слезами и ждала его там. Он, как всегда с улыбкой, вышел к ней навстречу, успокоил. Потом их вернули в СССР. Он говорил маме и т. Саше, что обязательно перейдёт границу, вернётся к ней, т.к. она беременна. Но ничего не получилось. Он женился на Любе (она вроде бы жила в Уфе) и уехал в Ташкент. Там жил дед Пётр Иванович Россинин. Потом ушёл от Любы и женился на Людмиле Дмитриевне. У них родились две дочери Таня и Зоя. Дядя Костя пил, жизнь не сложилась, и он ушёл. Женился на т. Анне. Приехали к нам в Красноярск в 1958 г. Тётя Аня устроилась поварихой в пароходство, а д. Костя (помоему) так и не работал. Потом они уехали в Ташкент. Оттуда где-то в 60-х годах от него было последнее письмо, что т. Аню изнасиловали и убили. Остались два сына. Он хотел приехать опять в Красноярск, но мама ему отказала, т.к. его пьянки и пьянки Кима уже достали её. Больше мы о нём ничего не знаем».

Есть у меня ещё одна фотография, переснятая с документов, младшего брата Валентины Петровны, Кима. В 1942-ом он окончил 10 классов с аттестатом с золотой каёмкой (медалей тогда не давали). В том же 1942 году его призвали в армию и направили в Красноярское военное артиллерийское училище. Вот как мой отец описывает его дальнейшую судьбу: «Какая-то дурь ему в голову ударила – сбежал из училища, заявил, что он не будет служить Сталину, собрался бежать в Монголию, через границу, это в военное время-то, да его бы сразу выдали обратно. Потом он передумал, стал искать воинскую часть, где моя мама находилась, заявил, что согласен пойти добровольцем на фронт. Однако его изловил патруль, и за побег из части в военное время припаяли дезертирство – 10 лет отсидел в лагере».

На том же сайте obd-memorial.ru нашлись материалы и о Киме. В «Списке военнослужащих, осужденных военным трибуналом города Красно-

¹ Тут явное противоречие, и я обратил на него внимание тёти Гали: коменданта (сержанта – не офицера) – патруль – в комендатуру? Она ответила, что не может мне рассказать точнее, но у неё с детства отложилось в памяти, что дядя Костя был комендантом города в Австрии.

ярска к высшей мере наказания и лишению свободы...по состоянию на 10 июня 1943 года». Судили его как курсанта I-го Киевского артучилища, и 19 марта 1943 года он был приговорён к 7 годам ИТЛ¹.

И можно сказать, что повезло парню – та знаменитая статья 58 пункт «Б» УК РСФСР гласила, что «...действия, совершённые в ущерб военной мощи СССР, караются расстрелом» и только в отношении гражданских лиц (пункт 1«А») – 10 годами лишения свободы.

Тётя Галя привела мне несколько иную версию ареста Кима. Она говорит, что училище его располагалось на другом берегу Енисея, и получилось так, что Ким не сумел вовремя попасть из увольнения на утреннее построение, а в военное время это квалифицировалось как дезертирство. Эпизод же с Монголией тётя Галя отнесла к побегу Кима из лагеря (!). Побег не удался, его поймали. Но я думаю, что это вряд ли: за побег из мест лишения свободы ему бы ещё года 3 – 4, а то и все пять добавили бы к сроку, а Ким отсидел ровно свои 10 лет по приговору трибунала и уже перед Новым годом, в декабре 1952-го, как говорит тётя Галя, вернулся домой.

В 1953-ем Ким Петрович поступил в мединститут. Экзамены сдал с одной «четвёркой» по сочинению, все остальные были «пятёрки» – это после 10 лет лагерей. И все 6 лет учебы закрывал сессии только на 5, без единой «четвёрки», несмотря на то, что параллельно с учёбой в институте приходилось зарабатывать на жизнь. Закончил институт с красным дипломом – «с отличием». Поступил в аспирантуру, окончил. А дальше, как говорит тётя Галя, сгубила водка. Она переслала мне копию автореферата диссертации Кима Петровича Владыко.²

Отец говорит, что тесть Кима, отец его жены Нины Иустиновны Заславской, в Гражданскую служил в охране Председателя Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкого³.

¹ В «Книге памяти жертв политических репрессий Читинской области» есть строка: «**Владыко Ким Петрович**. Родился в 1924 г., г. Чита; русский; военнотрудовой. Проживал: г. Красноярск. Арестован 11 января 1943 г. Приговорен: военным трибуналом Красноярского гарнизона 19 марта 1943 г., обв.: по ст. 58 – 10 УК РСФСР. Приговор: к 7 годам лишения свободы. Реабилитирован 15 октября 1957 г. Военным трибуналом ЗабВО».

² На обложке значится так: Томский Государственный медицинский институт
К.П. Владыко
ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ г. КАНСКА
(Красноярский край)
(Материалы к медико-статистическому изучению СССР)
АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата медицинских наук
МОСКВА - 1964

³ Революционный военный совет (реввоенсовет, РВС, Р.В.С.) – высший коллегиальный орган военной власти и политического руководства армий, фронтов, флотов Вооружённых Сил РСФСР и СССР в 1918-1934 годах. Создан на основании постановления ВЦИК от 2 сентября 1918 года о превращении Советской республики в военный лагерь. Этим документом учреждался Революционный военный совет как высший коллегиальный орган руководства обороной страны. Первым Председателем Реввоенсовета Республики был назначен Лев Давидович Троцкий, который руководил деятельностью РВСР с 6 сентября 1918 года по 26 января 1925 года. Во всех частях Красной армии были учреждены РВС, имевшие в своём составе не менее 3 членов (командующий и 2 военно-политических работника). Возникновение института военных комиссаров – политических работников – это результат политических мероприятий данного периода истории.

Самый старший брат в семье – Пётр пропал без вести (отец сказал: «сгинул») в 1933 – 1935 годах. Есть две фотографии: мальчик в матроске и бескозырке «Моряк» рядом с дружкой-«горцем» и очень низкого качества пересъёмка с документов.

Их сестра Александра – только и знаю, работала главным бухгалтером авиаотряда охраны лесов.

По линии деда в Великую Отечественную воевали Иван Никитович Чевордаев (муж сестры Петра Гавриловича Матрёны), Фёдор Садовский (муж сестры Аграфены) и Семён Фёдорович Богун.

Иван Никитович Чевордаев служил артиллеристом-зенитчиком в армии Н.Э. Берзарина – первого советского коменданта Берлина. Отец говорил, что истории про войну он рассказывал – слушать их можно было круглые сутки, и от многократных повторов рассказы эти становились только интереснее, «приобретали художественный вид».

В электронном банке документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне» на сайте podvignaroda.ru есть Приказ по 186-му гвардейскому артиллерийскому полку 84 гвардейской Карачевской стрелковой дивизии 11 гвардейской армии 1-го Прибалтийского фронта от 28 декабря 1943 года: «От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР НАГРАЖДАЮ: МЕДАЛЬЮ «ЗА ОТВАГУ» ... 17. Номера орудийного 5-й батареи, гвардии красноармейца ЧЕВОРДАЕВА Ивана Никитовича, ранее награжденного медалью «За боевые заслуги» за то, что 13.12.43 г. во время прорыва линии обороны противника, находясь на прямой наводке, под сильным артобстрелом противника, не покидая орудия продолжал умело и ловко заряжать орудие, в результате чего было уничтожено 2 пулемета в районе д. Латыжи (Латыши? – Е.К.) кроме того огнем орудия была подавлена и частично уничтожена минометная батарея противника в районе д. Свиридово; 15.12.43 г. огнем своего орудия, благодаря быстрому заряжанию, был уничтожен пулемет с расчетом противника в районе д. Пыльки. 1906 г. рождения, русский, член ВКП(б), рабочий, призван в РККА РВК гор. Электросталь Московской области». В описании подвига ключевая фраза «находясь на прямой наводке».

Иван Никитович Чевордаев был не просто артиллеристом, а зенитчиком, зенитные орудия длинноствольные, с настильной траекторией полёта снарядов, и потому по наземным целям из-за укрытия, с закрытой позиции работать невозможно, только на прямой наводке. А это значит, надо вылезть из укрытия под пулемётный огонь, опустить ствол зенитки к земле, открыть замок, и наводить орудие, пока не увидишь сквозь дуло работающий лично по тебе, – немцы-то тоже жить хотят, видят, что ты собираешься расстрелять их позицию, – пулемёт. Тут надо что-то за душой иметь.

Отец со слов самого Ивана Никитовича рассказал мне о разведке боем. Разведка боем – это когда среди бела дня взвод, рота, батальон поднимают и бросают в атаку, имитируя наступление. Немцы, естественно, начинают лупить по ним изо всех стволов, а наши наблюдатели – артиллерийские разведчики – аккуратно наносят на карты позиции работающих вражеских пулемё-

тов, миномётов, орудий. От подразделения, поднявшегося в эту атаку, конечно, мало что остаётся, но вскрытая ими немецкая система огня перед последующей «настоящей» атакой подавляется нашей артиллерией, и наступающие войска, уже не несущие таких тяжёлых потерь, продвигаются вперёд. Так вот пришёл приказ провести разведку боем, а для усиления пехоте придали одно орудие – это был как раз расчёт Ивана Никитовича.

Он утверждал, что перед ними были не немцы, а «власовцы». Я очень удивился, немцы ведь до 1945 года не использовали «власовцев» на своём Восточном фронте, максимум в тылу против советских партизан, но отец определённо утверждал, что были именно «власовцы». Тем более, что дело там дошло до рукопашной – а тут уж ошибка исключена.

Русского человека в рукопашной схватке не спутаешь ни с кем другим в мире: не *merde, scheiße, fuck, porca madonna* – скудоумное европейское сквернословие, не гнусное европейское же богохульство¹, не блатная феня, а яростный русский мат, который древнее самого русского языка², как бы из ниоткуда проявляясь в русском человеке в моменты смертельной опасности, безошибочно расставляет все точки над «ё» – кто *свой, наш*, а кто чужой, враг, вся остальная «пся крев».

Очевидно, в этом бою наши столкнулись с одним из подразделений РОНА Бронислава Каминского, ещё одной немецкой подстилки, наряду с Власовым. РОНА – «Русская Освободительная Народная Армия» – это вооружённые силы марионеточной «Локотской республики», образованной немцами на оккупированной территории восьми районов Орловской, Брянской и Курской областей. То были известные звери: всего на территории Брянской и Витебской областей в 1941—1943 годах бригада РОНА уничтожила более 10 тысяч советских граждан – не на поле боя, а в ходе карательных операций, заживо сожгла 203 человека. Было полностью сожжено 24 деревни и 7300 колхозных дворов, разрушено 767 общественных и культурных учреждений.

В августе 1943 года подошедшие части Красной Армии разбили это воинство, оставшиеся в живых ушли с немцами, и из них 1 августа 1944 года была сформирована 29-я гренадерская дивизия СС «РОНА» (так называемая «1-я русская»), которая, в свою очередь, была жестоко потрёпана в боях советскими партизанами и вскоре расформирована. Её бойцы вошли в бригаду «Дирлевангер» и войска РОА. В начале 1945 под тем же № 29 была создана 29-я гренадерская дивизия СС «Италия».

¹ «Иностранные наблюдатели, посетившие Россию в XVI – XVII веках специально отмечают, что богохульство для русских нехарактерно, но вместо этого они (русские) используют матерные выражения». Б. Успенский «Мифологический аспект русской брани». С. 83

² «...матерная брань в ряде случаев оказывается функциональным эквивалентом молитве. Так, для того, чтобы спастись от домового, лешего, чёрта и т.п., предписывается либо прочесть молитву (по крайней мере осенить себя крестным знаменем), либо матерно выругаться – подобно тому, как для противодействия колдовству обращаются либо к священнику, либо к знахарю... с помощью материны могут лечить лихорадку, которая понимается вообще как демоническое существо, разновидность нечистой силы. При этом матерщина может рассматриваться даже как относительно более сильное средство, то есть возможны случаи, когда молитва не помогает, а действенной оказывается только ругань». Б. Успенский «Мифологический аспект русской брани». С. 62

Но, не будем забегать вперёд. Выкатили они орудие вслед за наступающей пехотой и на прямой наводке начали поддерживать её продвижение. Расстреляли всё: а что – всё? Это же разведка, а не настоящий бой, и снарядов на орудие выдали им всего пять штук, пулемёт у них был на оружейном передке – все патроны расстреляли, выгребли подчистую даже те, что в карабинных подсумках были. А «власовцы» пошли в контратаку! Чтобы пушка не досталась в качестве трофея врагу, командир орудия приказал снять замок с орудия и спрятать его.

Началась рукопашная. Наши безоружные – в руках пустые карабины! Иван Никитович запомнил только, что их командир, не пожелавший оставить своё орудие, замахнулся на подбежавшего «власовца» снарядной гильзой – другого оружия у него не осталось – и был убит на месте. Уцелевшие артиллеристы спрятались во ржи на поле, тут подошла помощь, при её появлении «власовцы» отступили и орудия с собой забрать не успели.

Командиру орудия, защищавшему, будучи безоружным, своё орудие, за тот бой дали Героя Советского Союза, посмертно. Выживших, и Ивана Никитовича в том числе, представили к медалям.

Федор Садовский в 1941-ом был бойцом истребительного батальона под Москвой, охраняли объекты в Электростали, там он и провёл всю войну и остался после, работал в милиции.

Семёна Фёдоровича Богуна призвали в армию из Хабаровска, и он сразу попал на Курскую дугу. Провоевать ему пришлось недолго, в одном из первых боёв получил ранение (пуля пробила правое предплечье, после правая кисть – пальцы – плохо работали, – профессиональный интерес отца, такие подробности), всё рассказывал, как из автоматов стреляли по немецким самолётам. Довелось хоть пострелять по немцу.

Брат Петра Гавриловича Иван, 5 лет служил на Тихоокеанском флоте сразу после войны, эсминец «Вкрадчивый» (проекта 30-бис).

Порядок расположения медалей в витрине.

1 ряд – награды Петра Гавриловича Конченкова.

Медаль «За отвагу» № 187 698. Получена в 1943 году с красной лентой на прямоугольной колодке, затем носилась с обычной 5-гранной колодкой с серо-голубой лентой. Отец сам вернул медали первоначальное оформление – 4-угольную красную колодку, но колодка не «родная».

Медаль «За победу над Германией». Сама медаль оригинальная, дедова, но колодку отец купил новую взамен ветхой старой.

Медаль «20 лет Победы в Великой Отечественной войне».

Медаль «В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина». Медалей таких у меня две – дедова и бабушкина, они безномерные, обе в разновидности «За доблестный труд» (ещё бывает «За воинскую доблесть») и отец их не различает.

Медаль «50 лет Вооружённых сил СССР». Номера не имеет.

Значки «XXXX лет 78 Добровольческой бригады» и «Гвардия. Рижская 65сд (стрелковая дивизия. – Е.К.)» Это бабушкины значки, дед мой не дожил

до этой памятной даты, 40-летия их 78-ой Добровольческой бригады – 8 фронтовых ранений у него.

И лежит он сейчас на рижском гарнизонном кладбище, только в 1977 году это был великий Советский Союз, «и всякая пся крев дрожала, завидя наши эскадроны», до эффекта «детской неожиданности» дрожала, а теперь это, видишь, заграница, голубица-Латвия, заклёванная коршуном-Россией, страна НАТО, и рядом с его могилой, могилой русского боевого офицера, гвардии капитана Советской Армии, по Риге проходят марши недобитых им эсэсовцев. Живого они его боялись.

2 ряд – оригинальная дедова планка с ленточками медалей.

3 ряд – в центре два из 4-х Георгиевских креста Гаврила Ивановича Конченкова. Крест 3 степени № 219 920, крест 4 степени № 631 838. Колодка не оригинальная, заменена мной, впрочем, та колодка, с которой награда пришла ко мне, тоже была не оригинальной – обычная советская алюминиевая колодка, только кресты крепились к ней вручную скрученной медной проволокой, ленточка к колодке была пришита вручную, несколько неаккуратно, с лицевой стороны видны большие стежки чёрными нитками и понизу колодки был пришит горизонтальный отрезок ленты – «бант», т.е. указание, что несмотря на наличное количество крестов – всего два – обладатель их полный Георгиевский кавалер, имеющий «полный бант» – 4 креста.

Слева от Георгиев фронтовые награды Валентины Петровны Владыко.

Нагрудный знак «Гвардия». Я с удивлением увидел номер на его гайке. Не знал, что эти знаки были номерными, тогда понятнее становится, почему бабушке предлагали поменяться: её знак «Гвардия» на любой орден. Номер знака 254231.

Орден «Красная звезда» № 173030. Эмаль лучей звезды без единой царапины: отец говорит, это брат его Валерка молотком эмаль отбил, и орден на Монетном дворе в Ленинграде отремонтировали, нанесли новую эмаль на лучи и ещё зачернили серебро центрального изображения бойца с винтовкой. До ремонта, по словам отца, серебро было блестящим, а вернули уже чёрное.

Орден «Отечественная Война» I степени. № 1 741 147. Только, странно, золото не блестит. Я даже думал, памятуя слова отца, что «мама раздавала свои награды в музее боевой славы», что это не её орден, но нет, номера с документами сходятся, и у «Красной звезды», и у «Отечественной войны», и у дедовой «За отвагу». Дело, наверное, в том, что это не боевая, не фронтовая «Отечественная война», а послевоенная, по своей сути юбилейная, поэтому только условно считается золотой.

В 1985 году награждали всех фронтовиков: если были фронтовые награды – давали «Отечественную войну» I степени, если наград не было, но человек хоть один день числился в списках личного состава Красной Армии на момент окончания войны – то II степень.

Справа от Георгиев бабушкина медаль «За победу над Германией». Ленточка обтрепалась – залог аутентичности!

4 ряд – юбилейные медали Валентины Петровны. По порядку: «20 лет победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 г.г.», «50 лет Вооружённых сил СССР», «30 лет победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 г.г.», «60 лет Вооружённых сил СССР», «40 лет победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 г.г.», «70 лет Вооружённых сил СССР», «Ветеран труда. За долголетний добросовестный труд», «50 лет победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 г.г.», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина».

Ордена и медали бабушкины отец привёз мне прямо на её кителе, она ходила в нём на все праздники и парады начиная с 1977 года. Снимая их, чтоб поместить в витрину к дедовым и прадедовым наградам, пришлось потрудиться ножницами – бабушка свои медали к кителю крепила пофронтному: тщательно пришивала за ушки!

5 ряд – награды Ивана Никитовича Чевордаева, мужа старшей сестры моего деда П.Г. Конченкова Матрёны Гавриловны. Медаль «За отвагу» № 761 378. Медаль «За оборону Москвы». Медаль «За победу над Германией». Нагрудный знак «Отличный артиллерист».

Владыко – Драко

Моя бабушка Валентина Петровна Конченкова (Владыко) родилась в первый день Пасхи 1 мая 1921 года в семье железнодорожников, на станции Маньчжурия. Это первая станция на территории Китая, где Транссиб смыкается с Китайской Восточной железной дорогой (КВЖД).

Родители её переехали в Сибирь, в деревню Шарловка Козульского района под Красноярском из Белоруссии в конце XIX века. Переехали примерно в одно и то же время – это была пора массового переселения крестьян в богатую землю Сибирь. Евгения Ивановна, жена Софрона Драко, рассказывала, что из их села сначала в Сибирь отправились ходоки – выбирать землю. Шли пешком, два года – из Белоруссии в Красноярск – пешком! Не корову выбирали – землю, кормилицу. Тут надо собственными ногами всё пройти и собственными руками на ощупь попробовать. Им понравилась Шарловка, обратно возвращались уже по железной дороге, забрали семьи и переехали в Красноярск.

Отцу её, Петру Ивановичу Владыко (мой отец упоминал, будто бы там, на родине, односельчане произносили их фамилию как Бладыки – если во мн. числе), было 13 лет (он 1886 г.р.) на момент как их семья во главе с отцом Иваном Ивановичем и братьями Василием, Павлом, Иваном и сёстрами Ульяной и Федорой выехали из деревни Вилейка¹ Виленской губернии в Сибирь.

¹ Непонятно, почему отец упорно величает Вилейку деревней. Малый энциклопедический словарь 1963 – 1964г.г. говорит, что Вилейка основана в середине XVI века, в 1795 году получила статус города. Население на 1959 год составило 8 тыс. жителей. Так вот, наверное, в чём дело: по нашим дальневосточным меркам восемнадцатитысячный Тымовск – посёлок! А вот на сайте города говорится, что первое упоминание о Вилейке имело место в 1341 году, а уже с 1566 года на неё было распространено Магдебургское право. Цифра «1795 год» – это, очевидно, городской статус Вилейки, признанный за ней после присоединения Екатериной II бывшей территории Великого княжества Литовского к Российской империи.

Городок Вильна – современный Вильнюс – был обычным губернским городом Российской Империи. Родиной своего отца моя бабушка Валентина Петровна называла деревню Григорка.

Её маме – Марфе Никифоровне¹ Дракó к моменту переезда в Сибирь исполнилось 11 лет. Она родилась в 1888 году. Её семья – отец, мать и братья: Софрон, Кондратий, Николай, Иван и Моисей проживала в деревне Козлов берег Минской губернии.

В Сибирь они переехали из-за засухи и голода в 1896 году (оставляю цифру, хотя налицо противоречие с предыдущими двумя абзацами). Поселились тоже в деревне Шарловке, в 100 км от Красноярска.

Встретились и поженились мои прадед с прабабкой в Шарловке. Марфе Никифоровне было о ту пору 16 лет, и значит свадьба имела место действительно, как станет ясно из дальнейшего, около 1904 – 1905 года. Моя бабушка Валентина Петровна писала: «мама рассказывала, что они пришли в семью отца, в которой отец – свёкор – белорус, свекровь – полячка. Все говорили на польском языке».

Отец с Валентиной Петровной регулярно ездили в Красноярск, в гости к бабушкиной сестре Клавдии, и по моей просьбе отец расспрашивал её. Клавдия Петровна рассказала, что её дед Иван Иванович Владыко, появился в тех краях – в Виленской губернии – из Санкт-Петербурга. Как самому младшему в семье, устраиваться в этой жизни ему пришлось самому. «Он много путешествовал, вернее, ездил на заработки по Европе, – пишет внучка его дочери Федоры Эльвира Станиславовна Шитова (Голубович), – потом попал в деревню Вилейка, теперь это районный центр в Белоруссии, а тогда это было в Польше. Встретил нашу прабабушку – Констанцию Францевну Марковскую,² женился. Она вообще по-русски не говорила. Она, оказывается, из рода Адама Мицкевича». И отец говорит, что среди дальней родни, «седьмой воды на киселе», у нас числится Адам Мицкевич! «Через дядю», – уточняет он. Впрочем, отмечает он, «все поляки считают себя родственниками Мицкевича»!

Вот что пишет известный исследователь творчества А.Мицкевича Мария Дерналович: «Травестируя слова Мицкевича о поразительной многогранности таланта великого русского поэта Пушкина, можно сказать, что ни одному народу не дано дать больше, чем одного поэта, творчество которого было бы вершиной и мерилom литературы. Ими были Данте в Италии, Шекспир в Англии, Пушкин в России, а в Польше – Мицкевич»³. Но Мицкевич стал для поляков гораздо большим, чем светилом, солнцем родной литерату-

¹ Вот что сообщила мне Галина Васильевна Журавлёва, моя тётка, внучка Петра Ивановича и Марфы Никифоровны, в своём письме от 2 октября 2008 года: «Бабушку Марфу Никифоровну, когда крестили, назвали Лаврия (она мне сама говорила). Все её звали Лавра, потом Лавра превратилась в Мавру, потом в Марфу. Так Марфой Никифоровной она прожила всю оставшуюся жизнь».

² Интересно, что бабушку правнучки Констанции Францевны Марковской Галины звали Констанция Феликсовна Марковская! Галина Васильевна пишет: «И, как ни странно, они обе были из Виленской губернии. Только по возрасту она (Констанция Феликсовна. – Е.К.) годилась в дочери Констанции Францевне». – Из письма Г.В. Журавлёвой ко мне, от 2 октября 2008 года.

³ М. Дерналович. Адам Мицкевич. Варшава: Интерпресс, 1969. С.111

ры. Зигмунт Красинский на весть о смерти Мицкевича писал: «Он был для людей своего поколения и мёдом, и молоком, и жёлчью, и кровью сердечной, мы все – от него...»¹

Достаточно сказать, что прах Адама Мицкевича покоится в Кракове, в склепе кафедрального собора Вавельского замка, рядом с гробницами польских королей.

Были у Владык в роду и шляхтичи, но мелкие, не знатные. Из польских фамилий родственниками им приходится Стрэжи (шапочно – родная сестра жены Софрона Драко Евгении Ивановны вышла замуж за Стрежа), Мицкевичи, Урбановичи, Марковские.

Вообще интересно получилось – я возвращаюсь к сватовству прапрадеда: появляется некий «варяг», неизвестно кто и неизвестно откуда – то есть мой прапрадед, «самый младший в семье» и «вынужденный сам пробиваться в жизни», но тем не менее «в поисках работы» он колесит по всей Европе – на какие такие средства? – да ещё и между делом женится на дворянке, девушке хоть и из безземельной, но весьма щепетильной в вопросах фамильной чести польской шляхты.²

А вот не менее любопытный пассаж, пишет моя рижская тётка Э.С. Шитова (Голубович) другой моей тётке – красноярской – своей двоюродной сестре Г.В. Журавлёвой (Голубович): «Бабушка (Федора Ивановна Владыко. – Е.К.) была старшая в семье, следующий был твой дед (и мой прадед! – Е.К.) Пётр Иванович. Он встретил твою бабушку, им нужно было срочно пожениться (чего бы так? – Е.К.), а моя бабушка была старшей, поэтому её срочно выдали замуж за моего деда Юлиана Францевича Крамника, без любви конечно. А он приехал в Ачинск совсем больной с японской войны, у него там были какие-то дальние родственники».

Чувствуешь дыхание патриархальной старины? А прошло с тех пор всего-то сто лет! Младшему брату нельзя жениться, пока не пристроена замуж старшая сестра, а ему кровь из носу жениться потребовалось! Коллизия,

¹ М. Дерналович. Адам Мицкевич. Варшава: Интерпресс, 1969. С.105

² Я обратил внимание тёти Гали на эти интересные обстоятельства, вот её ответ: «Теперь об Иване Ивановиче Владыко. То, что он путешествовал по Европе – это громко сказано (по моему мнению). Папина мама всегда говорила: «А вот в Расее...» А по-современному – в Европе. Вот и решай сам. Потом Марфа Никифоровна как-то обмолвилась: «Пришла к свекрови со свёкром, а там в доме грязь. Кто бы убирал». Вот тебе и дворянка. Нищая, безземельная, да и, вероятно, бесприданница. А замуж хочется. Здесь 4 причины замужества:

1. Любовь.

2. Старшие выдали. Ведь Марфу Никифоровну выдал замуж Софрон. Она всегда на него и его жену обижалась.

3. Бесприданница

4. Хочу замуж.

Какую хочешь причину выбирай. Я бы выбрала «бесприданница», потому что папина мама вышла замуж за Филиппа Голубовича по этой причине. Она была сирота, а опекун её приданое промотал.

Теперь о её дворянском гоноре. Марфа Никифоровна как-то оговорилась: «У меня (кто-то) родился, а свекровь пришла и говорит: «Невестка опоросилась». Да и Федора (по рассказам мамы) всегда говорила Петру Ивановичу: «Что ты в ней нашёл, ты мог бы жениться на учительнице». А в то время дед был путейным мастером. И в 1927 году дед бросил бабушку. А в деревне это считалось позором. Мама говорила, что их обзывали брошенками.» – Из письма Г.В. Журавлёвой ко мне от 11 декабря 2008.

однако! И, думаю, понятно, что речь в этом случае не шла о каких-то шекспировских чувствах.

Не хочу, да и не могу говорить плохо о прадеде – я его совсем не знаю, но факты: через 20 лет, в 1927 году он бросит жену с 7 детьми, самому младшему из них – Киму – будет тогда всего три года. И прабабушка Марфа Никифоровна – неграмотная крестьянка – поднимала их сама, как могла.

Но я увлёкся. К теме! Выходит так, что благодаря живому интересу моего прадеда Петра Ивановича Владыко к красивым девушкам, его родная сестра Федора Ивановна Владыко, сама о том не подозревая, стала прабабкой будущего четырнадцатого чемпиона мира по шахматам Владимира Крамника!

Отец говорит, что он (Владимир Крамник) «внук двоюродного брата матери (его мамы, моей бабушки – Валентины Петровны. – Е.К.)». Далее он продолжает: «двоюродный брат – Крамник – жил в Туапсе, а в Риге жили тётя Люба Крамник, дядя Шура Крамник, там похоронены их отец и мать – тётя Федора».

В одном из писем моя красноярская тётка, тётя Галя Журавлёва мимоходом заметила мне: «...Владимир Крамник очень похож на свою двоюродную тётю Элю».

«...а Воланд внимательно поглядел на Маргариту, заметил как бы про себя:

– Да, прав Коровьев! Как причудливо тасуется колода! Кровь!»

Во время русско-японской войны 1904 – 1905 года Пётр Иванович Владыко был мобилизован, записан в сибирские казаки (удивительно, но отец говорил, что какой-то указ царский был, по которому всех сибиряков повёрстали в казачье сословие) и вместе со своим конём (назвался груздем – полезай в кузов!) Кауркой служил пограничником в районе озера Ханка. Странно как-то, Сибирское линейное казачье войско – это северный и восточный Казахстан, а Ханка находится на территории Уссурийского казачьего войска, но – передаю, как услышал от отца. Далее ещё интереснее, танковая часть сына Петра Ивановича Константина Владыко до фронта, до 1943 года, дислоцировалась там же, на Ханке. И Костя даже списался с отцом на эту тему, выяснил у него, где именно он служил, где казармы располагались – оказалось, что они в тех казармах и жили, так Костя мало, что отыскал отцовы нары, так ещё ухитрился занять их сам!

А прадед, возвращаясь к теме, бросив семью с детьми, пустился путешествовать. Первым делом он сменил фамилию – стал Россинин, в честь *России*, как пояснила тётя Галя. В послереволюционное время многие меняли фамилии, это было несложно сделать. Но интересен выбор, правда? Его младший сын – Ким – *Коммунистический Интернационал Молодёжи*, это вполне в духе времени, а вот «Россия» не вписывалась в круг идей великой революции и ассоциации вызывала всё какие-то контрреволюционные: национализм, великодержавный шовинизм, «Союз Михаила Архангела», «чёрная сотня»... Да и не ассоциации вовсе вызывало у коммунистов имя «Россия», а

изжогу! Впрочем, как и сейчас у демократов с либералами. Русских хотят заставить забыть, что они русские¹. А мой прадед не пожелал забыть! Практически, такая смена фамилии выглядит молчаливым политическим вызовом революционной власти.

Он объездил весь Союз, окончательно остановился в Ташкенте. Там женился и где-то в начале 1950-х у него родился сын Геннадий. Жена его была из Мордовии, увезла его к себе на родину, там он и умер.

Тётя Галя Журавлёва прислала мне его фотографию – *единственный оригинал!* Снято в Ташкенте 1 мая 1958 года. Сопроводительная тёти Гали стоит того, чтобы привести её полностью: «В маминых бумагах нашла фото деда Петра Ивановича Россихина (? – так в письме, правильно, очевидно – Россинин; к слову, в списке осуждённых трибуналом напротив фамилии Ки-ма Владыко в графе о близких родственниках значится Рассинин. – Е.К.). Это его последняя жена Фаина и сын Гена. Мама взяла её у дедовой сестры Ульяны. Она жила в Ачинске.

Мне она не нужна. Я в обиде на него за бабушку. Да и мы, внуки, ему были не нужны».

«Лаврия Никифоровна, – пишет в одном из своих писем её внук Борис Иванов, – жила в Красноярске со второй половины 60-х годов и до 1972 или 1973 года. Жила она у Клавдии Петровны. Мы часто были в гостях у Клавдии Петровны, поэтому и бабушку Мавру видели. В моей памяти остался ее глуховатый голос. Меня она называла – Бора. Несмотря на уже преклонный возраст, чувствовался твёрдый характер, она что думала – то и говорила, отчасти поэтому она и не смогла ужиться с Клавдией Петровной. Потом её забрала в Ригу Валентина Петровна. Но вот с нами, тогда детьми, она была совсем дру-гая – добрая, всегда выслушает, что-то подскажет и поговорит с тобой. Такой она у меня осталась в памяти».

Младший брат Петра Ивановича Павел Иванович Владыко закончил Институт красной профессуры² в Москве, был секретарём парткома одного

¹ Что там далеко ходить, в июле демократического 2000 года в хабаровском Дворце бракосочетаний, что на Пушкина, куда я зашёл получить свидетельство о твоём рождении, мне пришлось повоевать за то, чтоб в этом свидетельстве указали национальность твоего отца – «русский» и мамы – «русская». Не хотели! Настойчиво так, прямо уговаривали меня, мол, зачем это вам надо, да какая разница какая национальность, да никто уже не указывает её в документах, давайте тоже прочерки поставим. Не поверишь, мне пришлось спорить, на повышенных тонах требовать: «Есть графа «национальность»? Я желаю её указать, на каком основании вы мне препятствуете в этом?» Хорошо, что паспорта у нас тогда ещё советские были, с графой «национальность». А так оказалась бы ты не русским человеком, а какой-то марсианской «россиянкой».

² Институт Красной Профессуры (ИКП) – организован в 1921 г. в Москве на основании декрета Совета Народных Комиссаров РСФСР от 11/II 1921, подписанного В.И. Лениным. Декретом СНК на ИКП возлагалась задача обеспечить подготовку «красной профессуры» для преподавания в высших школах республики теоретической экономики, исторического материализма, развития общественных форм, новейшей истории и общественного строительства. Среди профессорского состава ИКП были виднейшие партийные и беспартийные учёные страны, руководители ВКП(б) и Коминтерна. Наборы 1921 – 1929 г.г. давали ИКП ежегодно от 75 до 140 человек. Приём происходил в порядке отбора лучших кандидатов на конкурсных экзаменах из состава лиц, допущенных специальным постановлением Мандатной комиссии ЦК ВКП(б). Как правило, требовалось, чтобы кандидат имел образование в объёме университета или соответствующего факультета другой высшей школы. Предварительным условием допуска к устному экзамену было предоставление письменной работы, в которой кандидат должен был показать

крупного завода в Сибири (то ли в Красноярске, то ли в Новосибирске), умер он в 1979 году. Он, к слову, тоже менял свою фамилию: на подчеркнута боготорческую Советскую власть фамилия Владыко¹ действовала как красная тряпка на быка, – он взял девичью фамилию жены – Просужих.

Отец Петра Ивановича, мой прапрадед Иван Иванович Владыко, умер в Сибири. Валентина Петровна с Клавдией Петровной видели его несколько раз в Шарловке. Рассказывали, будто бы он в молодости ездил работать в Санкт-Петербург, на железную дорогу. Бабушка в письме своей сестре Клавдии в сентябре 1997 года пишет: «Дедушка в Шарловке жил со старшим сыном Василием... Пётр пошёл работать на ремонт пути железнодорожным рабочим в 13 лет. Дядя Василий остался в крестьянстве, ... в Шарловке при отце. Там умерли наши деды по отцу и по матери, там и похоронены... У Василия были дети. С одним – Володей я познакомилась на фронте. Он в<нрзб> в Красноярской 78-й добровольческой бригаде был нач.фин.части, т.е. он бухгалтер. Фамилия у него была от жены – Скворцов (это уже третий известный мне случай, когда Владыки – мужчины меняли свою фамилию. Можно представить, насколько неблагозвучна она была в послереволюционной России. – Е.К.). Жив ли он после войны не знаю. Больше я не встречала Володю, вернее <нрзб> после ранения в своей части... Он был старше меня на 4 – 5 лет».

Ничего нет более захватывающего, чем история России, а уж её XX век и вовсе стоит особняком. Одна антропонимика чего стоит!

Моя красноярская тётка, тётя Галя, Галина Васильевна Журавлёва, *как оказалось*, вот уж полвека живёт под чужой фамилией! Отец её мужа, Иван Михайлович Журавлёв, в гражданскую воевал за белых. В 1919 году в Харькове свалился от тифа. Когда очнулся в госпитале – Харьков был уже взят Красной Армией. Кругом раненые красноармейцы, а он – *белый*! Пока не успели разобраться, он забрал документы у лежащего рядом с ним умершего красноармейца и стал Иваном Михайловичем Журавлёвым. Как его настоящее имя – не знает даже его сын, муж тёти Гали, на расспросы он отвечал так: «Зачем тебе? Лучше тебе этого не знать».

По отрывочным сведениям, был он харьковским купцом, сахарозаводчиком и предприятие его имело статус «поставщика двора Его Императорского Величества».

Так и живут с 1919 года и до сего времени Журавлёвыми!

Вот такие чудеса в России происходят.

свою способность и призвание к исследовательской работе. После рассмотрения письменной работы и проведения устных экзаменов экзаменационная комиссия ИКП выносила своё заключение, которое шло в Мандатную комиссию ЦК. Мандатная комиссия докладывала весь мандатный материал Оргбюро ЦК ВКП(б), которое выносило окончательное постановление о принятии кандидатов в ИКП. С этих пор *икапист* (так назывались студенты ИКП) становился номенклатурным работником ЦК ВКП(б) и заносился в картотеку «руководящего актива». В дальнейшем всякие изменения в жизни этого «руководящего активиста» - перевод, командировка, назначение на работу, снятие, арест – могли происходить только с ведома и по постановлению ЦК. (Источник справки: А. Авторханов «Технология власти»)

¹ Владыко (звательный падеж церковнославянского языка) – форма обращения к православному архиерею: «Владыко, благословите», «Преосвященнейший Владыко».

Самым старшим братом моей прабабушки Марфы Никифоровны был Софрон Драко. Его жена Евгения Ивановна (в деревне её называли Авгинья) была 1873 года рождения, Софрон же был старше её. Работал он на железной дороге на станции Косачи в ста километрах от Красноярска. Погиб – был сбит поездом, похоронен там же. Дети его жили тоже в Косачах (тогда это была не ещё станция, а железнодорожный тупик). Их у него было пятеро: дочери Анна, Татьяна, Агафья, Вера и сын Гаврила (после войны он стал Григорием – так в документах написали).

Далее четыре брата Драко вне хронологии: Кондратий, Николай, Иван и Моисей. Николай и Иван жили на станции Шира – это в Хакасии.

Кто-то из них всю жизнь проработал железнодорожным мастером, его поддерживал родной брат – тот был начальником отделения дороги в тех местах, потому-то и в свидетельстве о рождении бабушки Валентины Петровны в графе «место рождения» указано – Китай: КВЖД с полосой отчуждения, проложенная по территории Маньчжурии, в своё время пользовалась правом экстерриториальности и находилась под юрисдикцией Российской Империи.

Детей у Петра Ивановича и Марфы Никифоровны было семеро: Иннокентий, Пётр, Александра (1913), Константин, Клавдия (1918), Валентина (1921) и Ким (1924). Но это ещё не всё! Отец пишет, что «дед женился несколько раз – я знаю ещё двух его детей, а говорят, что ещё 5 у него было» (!). Валентина Петровна отметила, что «старше всех были у мамы ещё двое детей. Возможно, они ... умерли во младенчестве, если я не ошибаюсь, ещё в Шарловке».

Дат их жизни не сохранилось. Петр Иванович прожил около 73-х лет (знаем год рождения – 1886-ой, получаем дату смерти – 1959), Марфа Никифоровна умерла в 91 год (1888 плюс 91 получаем 1979 год).

Никаких сведений о жизни моей бабушки Валентины Петровны до войны у меня нет. Она писала только, что «отец служил на восточной границе у озера Ханка... а после службы... отправился в Забайкалье. Там родились известные нам и тебе Кеша, Саша, Петя, Клавдия, Костя, я и Ким».

Сохранился единственный её довоенный портрет, 1940-го года (хотя, как довоенный? Это фотография зимы 1939 – 1940 года, с началом Финской войны Валентину Петровну мобилизовали, она служила в госпитале в Красноярске, с окончанием войны, через несколько месяцев, демобилизовали): девушка в гимнастёрке с двумя кубиками в петлице – лейтенант Красной Армии.

Попробуй сравнить с её же армейским снимком июля 1945 сделанном в Латвии. Выражение лица! – прошло всего 5 лет, ей на том снимке 24 года всего – разница и будет портретом той войны. Впечатляет? Ей исполнилось 20 лет, как началась война – девчонка совсем. Она работала медсестрой в стационарном военном госпитале, во фронтовом медсанбате, была командиром медицинского взвода в истребительном противотанковом артиллерийском батальоне. Слова самой Валентины Петровны в пересказе тёти Лили – она поинтересовалась, почему Валентина Петровна, имея добротное довоен-

ное среднее медицинское образование, имея такую школу, как работа в военном госпитале, тем более главным врачом которого был хирург с мировым именем В.Ф. Войно-Ясенецкий, имея, наконец, ценнейший фронтовой опыт руководства медвзводом, пошла учиться после войны в педагогический институт, а не, логично, в медицинский? Она ответила: «На фронте я насмотрелась столько крови, грязи, смертей – я больше никогда не хочу даже издали этого видеть».

На левой стороне груди у неё ты видишь знак «Гвардия». Говорят, когда в Красной Армии появились первые гвардейские части, это было настолько почётно, что фронтовики предлагали поменять любую свою медаль на этот значок – «Гвардия»: бабушка рассказывала, списалась на фронте с братом Костей, части не далеко друг от друга стояли, дали ей два дня отпуска, приехала к нему в часть, идёт по их расположению, на рукаве гимнастёрки «противотанкистская» нашивка (по танковой части!), на груди «Гвардия», но, хоть и офицер – девчонка, симпатичная, ребята-танкисты заговаривают, знакомятся, зубоскалят: «Противотанкисты?! Враги наши!» А они все после боёв, в орденах, вот и как раз предлагали ей поменять её «Гвардию» на любой свой орден на выбор.

Далее две красные нашивки за ранения: пулевое ранение в правое плечо и осколочное в голову (когда в начале 2000-ых оформляли документы на инвалидность, на рентгенограмме черепа нашли кусочек железа – осколок немецкой мины), на правой стороне груди – орден Красной Звезды.

Вот её наградной лист – командира санитарного взвода 2-го стрелкового батальона, 259 гвардейского стрелкового полка, 65 гвардейской стрелковой дивизии гвардии военфельдшера Валентины Петровны Владыко от 16 августа 1943 года: «На протяжении боёв с 7 по 15 августа 1943 года в Спас-Деминском районе, Смоленской области, показала себя отличным организатором медицинского (так в документе. – Е.К.) пункта, первой помощи, приложила всю свою энергию делу оказания помощи раненым бойцам и командирам, материнскую любовь к ним, своевременно унося с поля боя. Тов. ВЛАДЫКО находилась в непрерывном действии, и если случалось, что на мед. пункте не было раненых, она шла непосредственно на поле боя и находила их. Все раненые прошедшие через ее мед. пункт, а их было более трехсот человек получили необходимую медицинскую помощь и своевременно без задержки эвакуировались в тыл. Сам пункт был всегда обеспечен повозками. 11 августа 1943 года будучи на передовой линии и оказывая помощь бойцам, она заметила трех немецких автоматчиков, пробиравшихся в наш тыл, немедленно перенесла раненого в укрытие и открыв огонь из автомата убила одного фрица, остальные убежали обратно. Тов. ВЛАДЫКО пользуется заслуженной любовью всего личного состава батальона, в котором она служит. Достоен правительственной награды Орденом «Красная Звезда»»¹.

¹ Материалы взяты мною из «Общедоступного электронного банка документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 г.г.»»

Она не кричала: "мама", не бросилась в ужасе бежать, она, девчонка, 22 года от роду, всего-то, защищала своих раненых, не задумалась – в одиночку – вступить в ближний огневой бой с тремя "рексами", тремя здоровыми мужиками – немецкой разведкой.

Вот так! и никак иначе.

Отец говорит, что мама никогда не рассказывала ему сколько немцев она убила – а ведь как ему интересно-то было! – ни даже что вообще убивала. А отец на подобные расспросы всегда отвечал: «Я не считал».

За освобождение города Рига Валентина Петровна Владыко имеет благодарность Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина.

Четыре остальные её военные фотографии я переснимал с большим увеличением, отсюда и неважное качество: они были отпечатаны способом контактной печати, т.е. без посредства фотоувеличителя – негатив кладут непосредственно на фотобумагу и экспонируют. Формат отпечатка получается один-в-один плёночный кадр – 24 x 36 мм.

Интересная тоже тема для размышлений «женщины на фронте». Их мало, естественно, все они становятся объектами ежесекундного пристального внимания: кругом ведь одни мужчины, по несколько месяцев, а кто и лет лишённые женского общества, общения. Отношение неоднозначное, с одной стороны искреннее внимание и восхищение, а с другой – фронтовичку-то замуж не каждый возьмёт, вроде как излишне «доступны» они были, хотя как ранят – то «сестричка, родная, помоги!» Было всё, конечно, в армии служили те же самые люди, что и в гражданской жизни, была и у них в части, бабушка рассказывала: такая санинструктор «Маша-сержант». Она спрашивала у неё, почему она так поступает, а та отвечала: «Так жалко ведь их, убьют ведь их всех...» Вот так. Кто рискнёт судить её?

А у бабушки за всю войну в её части был только один эксцесс, как какой-то офицер всё преследовал её, проходу не давал. Разрешилось просто: часть гвардейская, т.е. состав постоянный от самого формирования, раненые после госпиталя не с маршевой ротой на фронт, а обратно в свою часть возвращаются – все друг с другом знакомы, – пожаловалась своему командиру полка. Тот просто вызвал героя-любownika: «Что, неймётся, товарищ капитан? Тебе что, мало тех, *кто даёт?* Или ты в штрафную роту, может, хочешь?..»

В 1945 году, демобилизовавшись, бабушка приехала на Дальний Восток к деду. Сперва, недолго, они жили в пос. Хор, потом перебрались в Хабаровск. Поступила в Институт инженеров железнодорожного транспорта, но после II курса перевелась в педагогический, закончила его в 1954-ом.

В Хабаровске Валентина Петровна преподавала политэкономия в Высшей партийной школе (сейчас это Дальневосточная академия государственной службы) на площади им. Ленина.

И дед после ранения и госпиталей уехал в Хабаровск. Ещё шла война, и он получил назначение военным представителем (спирт ведь считается стратегическим сырьём) на Хорский гидролизный завод. Впрочем, по словам де-

дова брата, Ивана Гавриловича, на заводе он был начальником спецчасти, но, я понимаю так, эта должность предполагает работу с зэками, т.е. она по департаменту НКВД, для неё требуются специфические знания и умения. Пётр Гаврилович же боевой пехотный офицер, и я склоняюсь к тому, что у отца в этом вопросе более точные сведения – всё же военный представитель. Но вот меня поправляет тётя Галя Журавлёва: «...ты пишешь, что д. Петя был военным представителем. Эта должность называется – заказчик. Я 30 лет проработала на телевизионном заводе. А телевизоры были прикрытием оборонки».

Хорский гидролизный завод отправлял свою продукцию – спирт – в западные регионы страны – Минск, Брянск, и за два неполных года своей работы (в конце 1945-го должность военного представителя была сокращена) дед даже сумел раскрыть группу расхитителей – недогрузки составляли до 20 тонн на цистерну. Преступная группа была разветвлённой: воровали и в Минске, и непосредственно на заводе.

Переехав с Валентиной Петровной на жительство в Хабаровск, Пётр Гаврилович устроился инспектором по физической культуре, спорту и военной подготовке «Трудовых резервов» (система профессионально-технического образования), заседал, по словам отца, во всех комиссиях по художественной самодеятельности. А через 2 – 3 года, как человек со специальным образованием, перешёл главным агрономом в «Сортсемовощ».

В 1950-ом дед поступил в Хабаровский институт инженеров железнодорожного транспорта на факультет «Эксплуатация ж.-д. транспорта». В институте помимо учёбы исполнял обязанности секретаря партийной организации факультета. В 1955-ом окончил институт и получил диплом. По распределению направился в Дальгипротранс (сейчас он называется «Дальневосточный проектно-изыскательский институт транспортного строительства»); тогда институт располагался по ул. Шеронова, угол Уссурийского бульвара) инженером в отдел изысканий (заработная плата его составляла 900 рублей – немного, 90 рублей всего в послереформенных ценах 1961 года). Вскоре дед стал начальником этого отдела, примерно в 1960-1961-ом годах – начальником изыскательской партии: выезжали «в поле» для съёмки местности вокруг станций на предмет их развития, строительства новых путей – это Волочаевка-II, Оборская ветка, несколько раз ездил в Находку.

А квартиру нашу по ул. Пушкина деду, как участнику войны, дали от Дальгипротранса. Ключи торжественно вручили 22 апреля 1960 года – к 90-летию со дня рождения В.И. Ленина. Дом этот, к слову, строили пленные японцы.

Вскоре Пётр Гаврилович был назначен на пост директора проектного института «Гипроавтотранс», в 1970 году его переименовали в «ГипродорНИИ». Году примерно в 1974 – 1975 у деда случился какой-то конфликт в министерстве, в Москве, и его перевели в заместители директора – он уволился и уехал жить и работать в Ригу: Валентина Петровна как участница освобождения Прибалтики от немцев имела право на получение там квартиры.

В Риге дед работал главным геодезистом в управлении «Балттранс-строя». Бабушка преподавала политэкономия в Рижском Краснознаменном институте инженеров гражданской авиации.

В связи с её работой отец рассказывал про спектакль «Десять дней, которые потрясли мир» по Джону Риду. В Ригу приехал с гастролями московский Театр на Таганке. Это было событие. В Советском Союзе достать билеты на спектакли этого театра было задачей почти нерешаемой, залы были битком и билетов в кассах не было. Чтобы купить билет, люди с 6 часов вечера занимали очередь в кассу, стояли всю ночь, чтоб к открытию кассы в 9 утра быть поближе к ней. Ты понимаешь, десятки, сотни людей полсуток стояли в очереди, чтоб попасть в театр! Так вот, а бабушке в институте в качестве «взятки» подарили три билета на таганковский спектакль «Десять дней, которые потрясли мир». (Когда я говорю о «взятке», я смеюсь, конечно, какая «взятка»? Бабушка была не тем человеком, коммунистка, прошла фронт, она и в 80 лет, больная, с палочкой, ходила и распространяла листовки КПРФ, – какие могут быть взятки?) И вот они ходили, дед, бабушка и отец, отец с удовольствием описывал мне, в красках, афишу: «Нервных просим не приходить, спектакль будет сопровождаться взрывами и стрельбой!», контролёра, одетого революционным матросом, на штык винтовки которого надо было накалывать свой билет, Валерия Золотухина, который ему очень понравился и Владимира Высоцкого, которого он, напротив, совсем не оценил: «Высоцкий сидел на краю сцены, на руках ходил, кувыркался, пел песни под гитару – не свои...»

Владимир Высоцкий! Лично я его считаю великим русским поэтом, как Пушкин, как Цветаева, как Бродский... Высоцкого, это общее место, в Советском Союзе любили все «от министров до воров». Его песни очень мало выходили на грампластинках, но их знали и любили все. Они бессчётно распространялись в магнитофонных перезаписях. Дядя Витя Шипицын говорил, что когда он, директор хабаровского зоокомбината приезжал в главк (его зоокомбинат был союзного подчинения, он даже тогда, в 1970-е самостоятельно, напрямую с Японией торговал) в Москву, и после официальной части все ехали куда-нибудь в Завидово, в правительственное охотничье хозяйство отдыхать, то когда он видел где-либо – в бане, в спальнях домиках, в залах приёмов, в домике егерей кассетный магнитофон, и если в нём была кассета, то эта кассета была с песнями Владимира Высоцкого.

В 1987-ом в Хабаровском училище искусств мне кто-то строго на один день, до утра, дал почитать сборник Высоцкого «Нерв». Жуткий дефицит. Так вот я за ночь его в тетрадь и переписал. Собственноручно. И был очень горд собой – у меня теперь был сборник стихов Владимира Высоцкого!

Возвращаемся в Ригу.

В Риге они, как участвовавшие в освобождении города от фашистов – их гвардейская 65-я стрелковая дивизия носила звание Рижской, – получили новую квартиру. Мы с мамой в 1976-ом приезжали туда в гости к ним, потом квартиру разменяли, когда отцов брат Валера женился. Когда же мы были в

Риге во второй раз, в 1980-ом, отец с Валентиной Петровной жили уже в коммуналке – настоящей, т.е. в комнате огромной квартиры дома дореволюционной постройки, цоколь, входные двери и окна первого этажа в эстетике *art nouveau*, с неправдоподобно высокими потолками и древним решётчатым лифтом, со складывающимися гармошкой дверями. Адрес я до сих пор помню – письма отцу туда писал: улица Блауманя, дом 5, квартира 15. Это в Старом городе: улицы не асфальтированы, а вымощены камнем и по углам домов, у каждой подворотни стоймя врыты в землю старинные чугунные шведские пушки – петровские трофеи? Невдалеке виднелась колокольня собора св. Петра. Она настолько поразила моё воображение, что где бы в Риге я ни находился, постоянно пытался глазами найти её. И всё это вместе – старые улицы, причудливой архитектуры дома – иллюстрации к моей любимой в детстве книге сказок Андерсена, – только всё настоящее, живое, можно подойти и потрогать рукой: настоящие крепостные башни с картинно застрявшими в их кирпичной кладке настоящими чугунными ядрами – память о шведской осаде, нарядная и нереальная латиница вывесок и надписей, оживлённый и совершенно не понятный мне говор вокруг: надо ли говорить, что я не мог никогда ранее даже представить себе ситуации непонимания мною слов окружающих, – это производило на меня, не видавшего ничего, кроме Хабаровска и Сахалина, чрезвычайное впечатление.

А уезжать из Риги в Россию в 1991-ом бабушке пришлось как «русской оккупантке». Приходилось защищать себя и своих погибших на войне товарищей от внезапно раздухарившейся латышши, которая даже 9 мая, тыкая своими пальцами в её боевые награды на кителе, радостно вопила: «А, ты, военная, сними награды...», «Русский – бери шинель, иди домой!»! Бабушка каждому из этих героев в глаза отвечала: «Я немцев не боялась, а уж тебя-то...»

Но уехать ей пришлось, уехать из города, внезапно ставшего столицей вражеской страны. За помощью в переезде в Волгоград она обратилась лично к командующему Прибалтийским военным округом, тот выделил КамАЗ для вещей, за рулём сидел, не поверишь, полковник: конец перестройки, в стране и в армии бардак, солдат не хватает, да и ситуация в Латвийской пока ещё СССР была такая, что солдат, пожалуй, и не справился бы с этой внезапно ставшей непростой задачей – доехать из Риги до Волгограда.

Когда я был в гостях у Ивана Гавриловича, младшего брата моего деда, Нина Ивановна, жена его, рассказала, как Пётр Гаврилович приходил к ним прощаться, незадолго до отъезда в Ригу. Приходил один, без Валентины Петровны. Они сидели за столом, с вином, разговаривали, вспоминали. Ей запомнилось, как дед сидел, откинувшись, на диване, на том же самом диване, что сейчас сидел я, слушая эту историю, – сидел, раскинув руки по спинке, и, вполголоса, напевал: «Вёрсты, вёрсты, так далеки...» – есть такая негромкая, красивая военная песня. Она как-то особенно рассказала – я почти увидел эту сцену.

Вёрсты, вёрсты, так далеки, так нележки...
Всё смотрю я из-под руки.

Улетели журавли за моря...
Им давно бы пора воротиться,
оттого мне, наверно, не спится,
оттого, знать, бессонна и надежда моя.

А любимой его песней о войне, Нина Ивановна говорит, была песня из к/ф «Друзья и годы»:

На последнем сеансе, в небольшом городке,
Пела песню актриса на чужом языке.
«Сказки Венского леса» я увидел в кино.
Это было недавно... Это было давно.

Я слышал её только в исполнении Эдуарда Хиля, а до него она звучала именно в фильме о войне, о знаменитом сталинградском «доме Павлова», пел её Олег Анофриев.

Бабуся мне рассказала, как перед отъездом в Ригу Пётр Гаврилович заходил попрощаться со мной. Мне было всего несколько месяцев, мама тогда оканчивала последний курс мединститута и водилась со мною бабуся. Она приехала с Хора и снимала квартиру где-то по улице Калинина, где мы с ней и жили. Петр Гаврилович пришёл вечером, темно уже было – зима, поздоровался:

– Елена Павловна, я уезжаю, далеко, *можно мне на нашего богатыря посмотреть?*

– Конечно, Пётр Гаврилович, проходите, пожалуйста.

Он прошёл в комнату. Я уже спал, бабуся осторожно достала меня из кровати и отдала ему. Дед держал меня на руках, улыбался и тихо говорил мне что-то.

Трое его внуков и внучка Наташа родились уже после его смерти, я остался для него первым и единственным внуком. Я спал на его руках, за окном стояла холодная чёрная глянцевая ночь, шёл редкий снег. Дед смотрел на меня и улыбался – ему было за что идти в ту свою последнюю атаку под Смоленском, в ноябре 43-его.

Мой дед гвардии капитан Пётр Гаврилович Конченков умер в Риге, 2 февраля 1977 года. А у нас на Дальнем Востоке уже наступил новый день – 3 февраля. День моего рождения.

А в январе 2005-го я неожиданно получил письмо от отца: буквально через 3-4 дня после своего последнего обстоятельного послания. В нём он сообщал, что 30 декабря 2004 года скончалась моя бабушка, гвардии старший лейтенант медицинской службы Валентина Петровна Конченкова.

Нас не нужно жалеть
Ведь и мы никого б не жалели.
Мы пред нашим комбатом,
Как пред Господом Богом чисты.
На живых порыжели
От крови и глины шинели,

На могилах у мёртвых
Расцвели голубые цветы.

Отец

Мой отец Игорь Петрович Конченков родился в Хабаровске 16 августа 1947 года, в роддоме №4.

Когда родители мои разошлись, и мама с нами уехала на Сахалин, мне было 6 лет, но я всё равно неплохо помню отца в своём детстве.

После окончания института папа с мамой по распределению поехали в Победу, это посёлок ниже по Амуру от Хабаровска – часов 7, по-моему, надо плыть на теплоходе «Заря». Впрочем, рядом, минутах в 10 – 15 езды от Победы находился посёлок с небольшим аэродромом, там садились только вертолёты и маленькие одномоторные пассажирские бипланы Ан-2 – «кукурузники». Маме достаточно регулярно приходилось летать в Хабаровск «по санзаданию» и она обычно брала меня с собой – к бабушке в гости, так что в детстве я летал на самолётах по 3 – 4 раза в год!

Это было интересное и захватывающее приключение – полёт на Ан-2. Комфорта в нём было ноль, простые жёсткие лавки вдоль бортов, в продольном проходе между лавками свален багаж, иллюминаторы высоко, мне в них ничего не было видно. В свежую погоду скромный наш аэроплан здорово мотало на воздушных ямах, и зачастую аэрофлотовского пакета их плотной тёмно-зелёной бумаги мне не хватало, мама всегда брала в запас из дома полиэтиленовый («целлофановый» говорилось) мешочек – продукты в магазине тогда заворачивались в бумагу, а полиэтиленовые пакеты продавались за отдельную плату; они были толстыми, и их стирали, потом сушили во дворе вместе с бельём на прищепках и использовали по многу раз, – так вот этот мятый запасной целлофановый мешочек часто был востребован моим неокрепшим организмом в полёте. У меня до 6 класса вообще неважно было с вестибулярным аппаратом, меня даже в междугороднем автобусе укачивало, а потом как-то так – как отрезало.

Но я увлёкся! По пути в Хабаровск самолётик наш совершал посадку на каком-то промежуточном аэродроме, для посадки-высадки пассажиров, и мы с мамой, отнеся мои пакеты в урну местного «аэровокзала» – обычного деревенского дома-пятистенки, гуляли по ровному зелёному газону взлётно-го поля. Картина идиллическая: июньское голубое небо, солнышко, посреди нарядного травяного, одуванчикового поля, стоит, задрав к небу нос с пропеллером, небольшой симпатичный аэроплан, кругом не спеша прогуливаются-разбрелись десятка полтора пассажиров, кто-то, забравшись под крыло и полужёжа на траве, рассеянно курит в тени под назойливый аккомпанемент шмелей и полевых жуков; и четырёхлетний я – с чистого листа познаю этот огромный и добрый мир.

А мне уже скучно! Я уже не помнил о пакетах, они уже отодвинулись в далёкое прошлое моей четырёхлетней жизни, и нетерпение снадало меня – быстрее в самолёт, лететь, лететь!

По приезде в Победу отец сразу был назначен главврачом тамошней больницы, больница была небольшая, так что он стал сразу всеми возможными специалистами: главврачом, хирургом, терапевтом, участковым и даже водителем машины «скорой помощи» – он сам отремонтировал стоявший в больничном гараже сломанный УАЗ-452 – «скорую помощь».

Мама тоже была «специалистами» – всеми остальными: педиатром, участковым, и даже аборт «подпольные» делала. По закону производство абортов было запрещено, только по медицинским показаниям, но не всегда возможно было везти женщину в Хабаровск – маленький Ан-2 кидало в воздухе, бывало, немилосердно, вот и приходилось в обход закона оперировать на месте, в больнице.

В холодной кладовой у нас стояли, помню, два «тревожных чемоданчика» с разнообразными блестящими шприцами, иглками, ланцетами, скальпелями, хитрой формы ножницами и лекарствами, я любил играть с ними, перераспределяя их содержимое, как мне казалось, по справедливости.

В Победе «молодым специалистам» сразу дали дом: 3-х комнатную квартиру в пятистенке, с летней кухней, большим садом – там росли несколько сливовых деревьев, чёрная, белая и красная смородина, жутко колючие заросли малины вдоль забора – предмет моей детской досады, и огромный, а может, просто казавшийся мне огромным в 3 года от роду, когда и мир бесконечен и ты бессмертен, – огород. Мама садила помидоры, огурцы, лук, свёклу, морковку, репу, редис, укроп и отдельно горох – персонально для меня, а уж картошку копали все вместе, при моём непосредственном участии!

Во дворе у нас жили собаки: сначала небольшая чёрно-палевая гладкошерстная дворняга Трезор, потом лохматый, рыжий и хитрый как лисица, Амур. «Официально» они «числились на довольствии» как сторожевые, но однажды утром я вышел во двор и нашёл отцовский велосипед аккуратно прислонённым к стенке летней кухни, но без колёс. Эта ленивая шкура – Амур – тем временем изволил мирно почивать в своей будке, и ведь даже не твякнул за всю ночь. В доме у нас постоянно проживали кошки – Аськи, или Васьки, если эти кошки являлись на самом деле котами. Утром, уходя с отцом в детский садик (он находился всего лишь через дорогу от дальнего края нашего сада), мы забирали с собою из дому Аську и, выходя в калитку, мы садили её на столбик ворот. А вечером, возвращаясь, издали я видел, что она сидит там же, наверху – уже встречает нас.

Помню, как отец ходил в лес пострелять, поохотиться – на зайцев, уток, рябчиков, и возвращаясь, каждый раз приносил мне гостинцы «от зайчика»: кусочек сахара-рафинада или оставшийся ломтик хлеба – он был невкусный и горький, этот лесной хлебушек, но что-то такое не обычное, не повседневное было в том моём детском экзистенциальном переживании «приращения» хлебом из леса, «от зайчика» – ведь запомнил, а прошло уже больше 30 лет.

Я очень любил смотреть, как отец снаряжает патроны на охоту, это выглядело священнодействием: на чёрных эбонитовых чашечках аптекарских весов он тщательно отмерял порох, у него был и охотничий бездымный «Со-

кол» и настоящий чёрный порох – патроны, снаряжённые таким порохом, при выстреле давали непроницаемый глазом клуб белого дыма! Вместо гирек он пользовался монетами – номиналы советских «медных» денег соответствовали массе этих монет в граммах: 1 копейка – 1 грамм, 2 – 2 грамма, 3 – 3, 5 копеек – 5 граммов. В гильзы, зеленоватые латунные или чёрные ребристые пластмассовые, вставлялись капсулы: для чёрного пороха рыжие блюдецевидные, для бездымного – жёлтые «стаканчики» «Жевело», засыпался порох, сверху вставляли войлочный пыж, их мы тут же вырезали из голенища старого валенка, – далее засыпался заряд дроби, отмеренный особым стаканчиком, или пуля – пули отец лил сам. В старую консервную банку помещался свинцовый лом (обычно это были пластины из старых автомобильных аккумуляторов) и ставили в печь, тут же, в доме. Через несколько минут свинцовый расплав разливался в формы – получались такие свинцовые бочонки-полуфабрикаты, и затем этим болванкам при помощи специальных щипцов с длинными ручками придавалась форма пули. Одним движением! Это было так интересно, наблюдать всю цепочку превращений, и под конец – как отец брал двумя руками щипцы, рр-аз, и пуля – горячая! была готова. Сверху пули вставлялся картонный пыж и снаряжённый уже патрон заливался для герметичности парафином из свечи.

Отец иногда и меня брал с собой «на охоту» – недалеко, конечно. На лыжах (я их нашёл прямо в нашем саду) мы уходили за село, когда костерок палили, когда просто прогуливались, стреляли из ружья по консервным банкам: меня, 5-летнего, отдачей при стрельбе из 12-го калибра отбрасывало назад чуть не на полметра!

Помню, как раз зимой отец повёз нас с мамой в Хабаровск, по льду Амура! На нашей (нашей!) «скорой помощи» и по сей день любимого моего бежевого цвета.

Выехали днём, но зимой дни короткие – стемнело быстро, как-то вдруг начало мести, перед лобовым стеклом машины как стена стоит, она светится от наших фар, и ничего не видно. Он останавливался, выходил из машины искать направление, куда двигаться. Оба моста постоянно включены – снежные заносы, двигатель ревет, помню, ещё поминутно радиатор закипал. И уже даже мне ясно: буран, темень и где дорога – Бог весть. Мама плачет: «Игорь, давай вернёмся... У нас ребёнок, Игорь...» Не-ет, только вперёд! Впрочем, вперёд или назад ехать разницы не было никакой – никто и так не знал, куда мы двигаемся.

«Ветер час от часу становился всё сильнее. Облачко превратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облежала небо. Пошёл мелкий снег – и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл: сделалась метель. В одно мгновение тёмное небо смешалось с снежным морем. Всё исчезло. «Ну, барин, – закричал ямщик, – беда: буран!..»»

Мы ехали уже просто так, наобум, чтобы только не стоять. И вдруг прямо перед машиной в свете фар мелькнула фигура – мужичок какой-то идёт! Всё как у Пушкина! Мы к нему: «Где Хабаровск?». Он поехал с нами:

поставил в салон какой-то деревянный ящик с ручкой, забрался сам, тронулись. И вдруг я с удивлением слышу – ящик его издаёт какие-то странные звуки: да он полон щенков! Я даже перебрался в салон со своего законного переднего сиденья – поиграться.

В общем, по пути мы насобирали ещё нескольких попутчиков, нашли дорогу и ранним морозным утром, когда даже воздух был седой от инея, на бледно-розовой небесной подложке увидели Хабаровск – с Амура. Никогда более не доводилось мне наблюдать такой панорамы.

Купили мне велосипед «Бабочка», четырёхколёсный, со съёмными двумя задними дополнительными колёсиками, помню, как отец взялся учить меня ездить на двух колёсах. Я очень боялся ехать, но отец, невзирая на мои слёзы и взывания к маме, снял эти вспомогательные колёса – и заставил меня ехать на двух, – и это оказалось неожиданно просто и здорово!

Учил меня читать по «Азбуке». В 5 лет я умел читать, но к школе всё перезабыл и пришлось учиться заново. Ходил он со мной в лес за грибами, за ягодами, на рыбалку брал меня, я сам с удочкой рыбачил, как настоящий – даже вытаскивал из реки что-то: синявок там, чебачков, карасиков небольших.

Потом мы переехали в Хабаровск – должен был родиться Лёшка. Это время я, как ни странно, помню меньше, только несколько моментов, – как стреляли с отцом из воздушной винтовки, например. Окна наглухо завешивались шторами, у дальней стены зала на табуретках ставились зажженные свечи: если правильно прицелишься – свечка гасла, попал во все – оказываешься в темноте! Разумеется, делать это приходилось, пока дома не было мамы. Она не понимала наших развлечений и, приходя, бесцеремонно включала свет.

Отец вообще много внимания уделял моему знакомству с оружием: не считая «воздушки», у него были ещё два ружья, одно из них ТОЗ-66 – курковое, штучной работы, а на антресолях над входной дверью вообще арсенал располагался – несколько старых кожаных винтовочных подсумков, до отказа набитых патронами: русскими винтовочными в обоймах, маленькие бутылочки от ТТ – ППШ, длинные гильзы с утопленными пулями от «нагана», и даже немецкие, пистолетные от Parabellum, Walther P38, Smeisser, MP-38 – MP-40 и винтовочные от Mauser 98, MG-34 – MG-42. А главное, там лежала настоящая винтовка Мосина, образца 1891/1930 года! Откуда она взялась – не знаю, я всегда считал, что это дед какими-то правдами-неправдами с войны привёз. Она была в разборе: приклад, затвор, ствол, штык (между прочим, русский четырёхгранный штык был запрещён международной конвенцией. Говорят, что в госпиталь с ранением от этого штыка не брали – шансов выжить не было, тем более при том, как в русской армии учили колоть: сверху вниз, и тут же резко опустить приклад – штык не ножевой, он не резал, он сначала рвал, а затем выворачивал внутренности); не хватало, по-моему, только цевья.

Отец писал, что сделал из неё обрез, здорово, мол, бьёт! Ещё бы не здорово.

А как-то раз нашу квартиру ограбили и унесли, в частности, ружья. Милиция вскоре нашла воров, отца вызвали на опознание вещей, я пошёл с ним. Это уже тётя Лиля с его слов рассказывала: приходим мы в отделение и видим, что там на столе разложены несколько ружей. Отец даже ничего не успел произнести, как я, окинув беглым взглядом комнату, во всеуслышание объявил: «Папа, смотри, да вот же наше *ружжо!*!» Находившийся там майор-розыскник засмеялся: «Да, вот теперь я точно знаю, что *это* – действительно ваше *ружжо!*»

Помню, как осенью ходили с ним гулять в парк «Динамо». По овражкам там растут дубы, я набирал полные карманы желудей, и дома мы с ним мастерили из них разные фигурки: человечков, зверей – выставляли их дома на телевизоре. Пробовали делать желудевый «кофе», как в войну – очищали ядрышки, жарили их в духовке и заваривали. Вкус, надо сказать, на любителя. Желающих, в общем, немного было.

Когда родился Лёшка, гуляли уже втроём – Лёшка разъезжал на персональной красной клетчатой коляске, мы проходили по обоим бульварам, по набережной, превосходно помню и тот деревянный меч, с которым стою на фотографии, – отец его сам вырезал, одним ножом!

В 5 лет меня научили играть в шахматы. Ну, по правде сказать, «научили играть» это слишком громко, «научили передвигать фигуры» – но ведь совершенству предела нет, ты как считаешь, Анна-Ванна? За окном зимний вечер, дома тепло и светло, мы с отцом валяемся прямо на полу у балконной двери, меж нами – шахматная доска. Я плачу в голос, у меня горе – уже 7-ой раз подряд отец ставит мне мат, в самой обидной его разновидности – «детский». На звук из кухни выбегает мама, зорким глазом мгновенно оценивает ситуацию и вступает за дитё – садится сама играть с отцом, ставит ему мат, и я успокаиваюсь: обидчик повержен!

Книжки мне отец читал – сказки и поэмы Пушкина. А те книжки стоят сейчас в моей библиотеке – две из трёхтомного издания Пушкина 1972 года, года моего рождения.

Ещё помню занятия фотографией. Я сам успел захватить эру чёрно-белой ручной печати. Тогда от фотографа зависело всё. Сначала ты покупаешь в магазине плёнку, – она в рулончике, дома, в тёмном месте её необходимо перемотать в кассету, которую уже можно вставить в фотоаппарат. Экспонированная плёнка так же, в темноте, заправляется в спираль фотобачка. Далее фотограф должен был приготовить растворы проявителя и закрепителя (фиксажа), кто-то их сам составлял, но проще было купить готовые в порошке или таблетках и развести их водой, выдерживая параметры объёма и температуры. Растворы эти заливались в фотобачок с плёнкой внутри на строго определённое время по очереди. Проявленную, отфиксированную, промытую и высушенную плёнку можно было печатать. Для этого с вечера наглухо завешивалось окно в ванной, там ставили стол, на него – фотоувели-

читель и 3 ванночки: с проявителем, чистой водой (отец вместо воды использовал «стоп-ванну» – раствор уксусной кислоты, он останавливал проявление мгновенно, и никогда не было на отпечатках вуали) и закрепителем-фиксатом. Любой лучик света означал однозначно испорченные фотокарточки, поэтому все щели тщательно заделывались, для верности выкручивалась из патрона лампочка – работать надо было при специальном фотофонаре густого красного цвета, он прикручивался проводом куда-нибудь к водопроводной трубе и в его свете такие знакомые интерьеры приобретали таинственный облик какой-то алхимической лаборатории.

Я постоянно напрашивался смотреть, но более 20 минут обычно не выдерживал, но всё равно дверь открывать было нельзя, приходилось сидеть и ждать, пока не закончится процесс фиксирования изображений. Глянцевателя у отца не было, поэтому утром квартира имела вид фантастический: чтоб отпечатки были глянцевыми, отец лепил их мокрыми на оконные стёкла и ложился спать, а к утру готовые, высохнувшие, глянцевые фотографии по одной начинали опадать на пол! И начиналось самое приятное в жизни фотографа – раздача готовых снимков. Фотосалонов в их современном виде тогда ведь не было, и фотография являлась, по сути, практически, делом сугубо частным. Если у тебя есть знакомый, занимающийся фотографией, значит, и у тебя будут твои снимки, если нет – то в лучшем случае ты клиент фотосалона в «Службе быта», но там занимались только фотографированием на документы и «художественным фото» – постановочной съёмкой в интерьере.

И вот после бессонной ночи – возня начиналась часов в 10 вечера и продолжалась до 7-9 утра – ты отдавал человеку его фотографию, где он снят буквально вчера и немедленно получал в ответ массу восторга и искреннего удивления, радостного удивления – ведь фотография не была тогда обыденностью. И эта немедленная отдача с лихвой искупала и бессонную ночь, и усталость, и перспективу выспаться только через сутки. Фотограф был уважаемым человеком.

И всё. Потом родители разошлись, и мама с нами уехала на Сахалин, в Ясное. Но это уже моя история.

Ясное – так будет написано для меня на воротах рая. Ясное – там я хотел бы остаться навсегда, заваленным снегом по форточки домов, пахнущим солнцем, морозной свежестью, свежими опилками, печным дымом, ослепительным зимним днём, где-нибудь в 1979-ом. Все мы родом из детства, там наша настоящая родина.

Отец потом раз приезжал к нам в Ясное, в сентябре 1979-го. Сахалин (как и Камчатка, Владивосток, Приморский край, Магаданская область, Чукотка) тогда считался пограничной зоной, – когда самолёт садился на территории области, в салон сразу входил пограничный наряд – проверка документов. Попасть на Сахалин можно было только имея в паспорте сахалинскую прописку, либо по специальному разрешению из милиции – «вызову», которое оформлял на тебя житель области. Отец купил туристическую путёвку, в

Южно-Сахалинске «отстал» от группы, сел на поезд и приехал к нам. Есть фотография, где он Лёшку на руках держит – это Ясное.

В следующий раз мы встретились с ним только в ноябре 2000-го. Он приезжал, когда вы с мамой только-только уехали в Углегорск, – жил у меня в общежитии целую неделю, тогда я его подробно расспрашивал о дедушках-бабушках и всё записывал. Поэтому рассказ о нём будет конспективен, почти один-в-один мои записи «с голоса».

Жила семья тогда ещё не на Пушкина, 60 – этот дом построят только в 1956 году, а в Кировском районе Хабаровска, на ул. Джамбула, 36 – 33. Там же папа пошёл в школу – школа № 65. После института я устроился на работу в тамошний (Кировского района) Дом художественного творчества, – 65-я школа была ближайшей к нам, в основном там я набирал себе учеников.

Учился отец в этой школе по 6 класс, Петру Гавриловичу дали квартиру в центре, соответственно дети перешли в другую школу, поблизости – в 34-ю, рядышком, за мединститутом. Пошёл в 7 «Б» класс. Он говорил, всего параллельных классов было шесть: А, Б, В, Г, Д, Е, и те были переполнены.

Для того времени – не удивительно, мне самому приходилось учиться в 34-й школе в 1-ом и 4-ом классах, кроме того, в 3-ем классе одну четверть я ходил в хабаровскую 54-ю школу, в Риге в 1980 году мой класс был 2 «Д»! – и везде в классах было по 45-46 человек: Советский Союз заботился о жизни, здоровье и образовании своих граждан, в отличие от демократической России, для которой население – лишняя и досадная статья социальных расходов. Иначе, почему бы русский народ вымирал поистине сталинскими темпами?

Отец ходил в музыкальную школу – рядом с домом, на Гоголя, где в 1996 – 1998 я буду работать преподавателем класса балалайки. Учился он по классу фортепиано. Мама, конечно, заставила, в рамках воспитательного процесса – сильно он не горел желанием! Но на своём чёрном «Аккорде» (а он и до сих пор жив, инструмент этот, я спрашивал, – пережив переезд из Хабаровска в Ригу, а затем из Риги в Волгоград) отец на заре моего туманного детства рисковал – по нотам, медленно, спотыкаясь, но изображать мне кюссовские «Амурские волны». Часы на площади Ленина играли эту мелодию и она мне страшно нравилась, я надоедал отцу: «Ну, папа, ну сыграй мне «Амурские волны»...», а он пытался увилить, мотивируя тем, что, а) он, якобы, «ноты потерял» и, б) и вовсе «ноты забыл». А мне какое дело? Ребёнок хочет «Амурские волны»!

Закончил папа школу, 11 классов, в 1965 году; дополнительно в УПК (учебно-производственный комбинат) получил квалификацию автослесаря.

Что интересно, отец говорит, что по русскому языку и литературе у него в аттестате стояла «3». Я свидетель, письма он пишет объёмные и интересные, об орфографии и не упоминаю – с детства даже представить было невозможно грамматическую или хотя бы пунктуационную ошибку что у отца, что у мамы: ситуация совершенно нереальная!

Мы с Лёшкой, наверное, являемся иллюстрацией понятия о «врождённой грамотности»: я со 2-го класса сам собою начал писать правильно, это при том, что никогда (из лени) не выучил ни одного правила правописания. Но это ладно, можно сослаться на мою любовь к чтению (во 2-ом классе я читал «Петра I» Толстого, «Поднятую целину» Шолохова, «Старую крепость» Беляева и ведь – с интересом, даже перечитывал!), но вот Лёшка не приобрёл такой привычки, но его орфография, тем не менее, безупречна.

В остальном аттестат выглядел так: география – 4, алгебра, тригонометрия, геометрия, химия, физика, история, английский язык, физкультура и даже (даже!) поведение – 5. Тётя Лиля говорит, что школу он окончил с серебряной медалью.

С 5-го класса отец стал серьёзно заниматься лёгкой атлетикой, ходил на занятия в ДСШ № 1. Получил II разряд по прыжкам в высоту (175 см), III разряд по прыжкам в длину, III разряд по толканию ядра (12,90 м, масса ядра 7,257 кг).

В 1965 году поступил в Хабаровский государственный медицинский институт. Я где-то слышал, что в то время ХГМИ по престижности считался вторым медицинским вузом Советского Союза! Конкурсы на вступительных экзаменах, во всяком случае, были нереальными. И тем более мне приятно, что институт свой он окончил с отличием, с «красным дипломом». Это я от тёти Лили узнал, отец умолчал.

10-я группа – лечебный факультет – тогда насчитывал 650 человек, педиатрический, куда спустя 2 года поступит мама – 350 человек, ещё 100 на фармацевтическом факультете, тогда он ещё не выделился в самостоятельный институт.

Зимой 1969 года отец с компанией товарищей – спортсменов предприняли лыжный переход из села Иннокентьевка в Советскую Гавань, через перевал Мечта. Шли вшестером. И попали в переплёт по полной программе: из Иннокентьевки вышли при + 4°C, а на перевале - 35°C, да с метелью! Отец говорил, что через перевал пошли в ночь, торопились – пограничники обещали им, что если успеют до утра следующего дня прийти в Совгавань, то их прокатят на подводной лодке! Стимул серьёзный! А ведь была избушка, могли спокойно переночевать, отдохнуть и утром идти.

Мне тётя Лиля потом рассказывала, отец опять поскромничал: он был последним, кто остался на ногах, вытаскивал своих товарищей. Из шестерых двое получили обморожение II степени, двое – I степени, двоим ампутировали ноги. Не знаю, к какой из этих категорий относился отец, но пальцев и пяток на обеих ногах у него нет, – ему приходится набивать носки ботинок бумагой, и купаться в Амур он всегда ходил в кедах.

Мама к нему в больницу ходила, а познакомились они ранее, в спортивной секции. Где-то около 26 июня 1971 года они поженились.

Дальше – конспект в чистом виде. 1971 год – ординатура на кафедре факультетской терапии, окончил ординатуру в 1973-ем, получил распределение в с. Тополево, это пригород Хабаровска, – заведующим терапевтическим

отделением больницы. В 1974-ом, по возвращении из Риги, поехал в командировку в пос. Победа (говорил: роскошь, больница хоть и деревянная, но новая, на складе – 8 «Жигулей»), и уже к 10 ноября 1974 года мы все вместе переехали в Победу. Отец, как я говорил уже, стал главным врачом, для мамы специально ввели должность педиатра. Там мы прожили до 1977 года, мама уехала в Хабаровск за 2 месяца до рождения Лёшки.

В 1977-ом – терапевт 5-ой горбольницы. Примерно с 28 декабря 1977 – терапевт 10-ой городской клинической больницы (1 ставка бронхолога и 0,5 – терапевта), работал там до февраля 1980 года.

Осенью 1978-го мы с мамой уехали на Сахалин. Через полтора года – 6 февраля 1980-го отец тоже уехал из Хабаровска, в Ригу, там уже жили его отец, мама и брат.

С 6 марта 1980 года он – врач скорой неотложной помощи 1-ой рижской городской клинической больницы неотложной помощи им. Бурденко.

Осенью 1980 года мы с мамой и с Лёшкой ездили к отцу в Ригу, около месяца я даже ходил там в школу. Прекрасно помню это старое здание на улице Кришьяня Барона (это в Старом городе), широкую винтовую лестницу, каменную кладку портала, невдалеке виднелась колокольня собора св. Петра – мне, простому советскому школьнику, приехавшему из самой глуши – с Сахалина, – всё окружающее представлялось иллюстрацией к сказкам Пушкина – «Сказке о золотом петушке», например. Я не мог поверить, что воочию вижу церкви. Мы проходили мимо собора св. Александра Невского, и я спросил отца: «Папа, это что, церковь?» Он ответил что-то в том смысле, что это какой-то храм. Но я-то вижу золотые луковичы куполов, золотые кресты, входящих людей: какой-такой «храм», когда самая настоящая церковь! Как такое может быть?? Я уже в школу-то ходил, во 2-ой класс, и обладал поэтому бесспорным научным знанием, что Бога нет. А как же тогда, зачем церковь?.. И люди, люди туда заходят...

Сентябрь 1981-го – отец заведующий пульмонологическим отделением 8-ой рижской гор. больницы (пульмонология – это все лёгочные заболевания, кроме туберкулёза, «территории» фтизиатров). С 1985 года зав. терапевтическим отделением той же больницы. С 18 февраля 1989-го – пульмонолог 7-ой рижской городской клинической больницы – 2 года она получала звание «Лучшая больница СССР». В ней отец проработал до февраля 1991, до переезда в Волгоград.

1991 год – пик накала антирусских настроений в республиках СССР, Ельцин разъезжал по стране и – в борьбе за власть ему были все средства хороши, – призывал национальные республики «брать столько суверенитета, сколько сумеете проглотить». До ГКЧП – последней попытки спасти Советский Союз, великую империю, оставалось полгода, и менее года до юридического признания независимости Латвии.

Антирусские настроения были такими, что русские люди вынуждены были бросать дома и уезжать, помню отцовы письма из Риги, последние – прощались и расставались с бывшими соседями и сослуживцами не хорошо.

Уже там, в Волгограде родились мои братья Володя (25 августа 1986) и Саша (23 ноября 1987).

В Волгограде до 1993 года отец жил в посёлке ВПЭЛС (Волгоградская промышленно-экспериментальная лесоразводная станция). С 18 февраля 1991 года он терапевт железнодорожной поликлиники станции Волгоград-I, и по сейчас продолжает работать там, только поликлинику его передали из государственного ведения в ОАО «РЖД».

Бабушке, Валентине Петровне, как ветерану великой Отечественной войны дали, квартиру в Волгограде, там отец и живёт сейчас. Это Краснооктябрьский район, остановка трамвая, троллейбуса и электрички «Завод «Красный Октябрь»», проспект Metallургов 5, кв.29.

Младший брат отца, мой дядя Конченков Валерий Петрович родился 4 августа 1951 года, про него у меня записано немного. Учился в той же 34-ой школе, в математическом классе. В 1968-ом поступал в Высшее училище КГБ им. Ф.Э. Дзержинского (фотография на аэродроме на фоне самолёта ТУ-114 – это пассажирский вариант советского стратегического бомбардировщика ТУ-95) – не прошёл по конкурсу. С ходу поступил в ЛЭТИ (Ленинградский электронно-технический институт), вступительные сдал на одни «5», но проучился недолго – в мае 1969-го за пропуски занятий был отчислен (очевидно, в меня пошёл – меня 2 раза из училищ за пропуски отчисляли!), – сразу призвался в армию.

Служил в Западной группе войск в ГДР (Восточная Германия, Германская Демократическая Республика) под городом Заальфельд (рядом находился Веймар, Бухенвальд – их туда на экскурсии возили) в роте радиоразведки разведывательного батальона 20-ой танковой армии. Командующим у них был генерал армии Чапаев, сын легендарного комдива-25, героя гражданской войны Василия Ивановича Чапаева. Дядя Валера рассказывал, что их генерал любил лично (!) ночью проверять посты: «Мой отец погорел на этом!»

В своё время, в 1930-х годах, фильм «Чапаев» братьев Васильевых с Борисом Бабочкиным в главной роли был культовым, да даже в моём детстве Василий Иванович со своим ординарцем Петькой были излюбленными персонажами анекдотов, где белые, как правило, оставались в дураках, а незадачливые Чапаев, Петька и «продуманный» Фурманов выходили победителями. Наши детские игры с пацанами «в войну» имели только две разновидности: «в наших и немцев» и «в Чапаева». И фильм тот мы тоже смотрели по нескольку раз! Хотя и снимался он в 30-х, под конкретный идеологический заказ – больно здорово проведена «руководящая и направляющая роль партии» в лице комиссара дивизии Дмитрия Фурманова. А ведь не был Василий Иванович таким дремучим партизаном, и его 25-я стрелковая дивизия не являлась кавалерийской, что явствует уже из её наименования, более того, дивизия была одной из двух (по-моему, из двух) механизированных дивизий РККА.

В конце 1970 года как-то вдруг, в 24 часа, дядя Валера был выслан в Союз: советские генералы устроили себе посреди Германии пикник, с шаш-

лыком и охотой. «Охотились», разумеется, с автоматами, ну и шальной пулей, уже на излёте, был убит человек – немец, местный житель. Стрелочником сделали, понятно, рядового, и тут же сплавил с глаз долой. И всё равно, даже дома, в Союзе, у него были серьёзные проблемы. Отец говорил, что брату пришлось симулировать болезнь, чтоб не пойти по этапу, некоторое время он лежал в известной больнице им. Кащенко.

В 1971 году дядя Валера поступил в Киевский институт гражданской авиации, через 2 года перевёлся оттуда на III курс Рижского института инженеров гражданской авиации (его же потом, в конце 1980-х, закончит мой двоюродный брат Андрей Лысухин), но в 1973-ем сам бросил учёбу. В 1974 – 1975 году поступал на заочное отделение Рижского политехнического института им. Пельша, на III-IV курс. Тоже – так и не закончил.

В 1972-ом женился, с женой его, Ириной (бабушка, по словам отца, называла её «красавицей»), я даже знаком был, правда тогда, в 1975-ом, мне 3 года было!

Потом они разошлись, их единственная дочь Наташа умерла в детстве (март 1977 – январь 1984).

В Риге дядя Валера одно время проработал литейщиком на заводе цветного литья (делали столовые приборы, дюралевого затворы для АКМ-ов) на улице Киевас (Киевская). Жили они с Ириной в Саулкалне («Солнечные холмы» по-латышски), это следующая за Саласпилсом остановка электрички.

В Саласпилсе в войну немцы устроили концлагерь – все евреи Прибалтики уничтожены были там. Впрочем, сейчас в независимой Латвии предпочитают называть этот лагерь «исправительно-трудовым». Ну что ж, *arbeit*, как известно, *macht frei*.

В 1980-ом он завхоз в школе, потом – раскройщик кожи на комбинате кожгалантереи «Сомдарис».

Умер Валерий Петрович в 1983 году. Отец ничего не говорил, мне мама рассказала – он покончил жизнь самоубийством.

Пил он здорово под конец жизни: отец говорил, что, мол, с соседом Карлом самогон гнали – ну и всё ясно дальше.

Отец мне показывал коллекцию денег, оставшуюся ему от брата – несколько толстых кожаных портмоне с бумажными деньгами и монетами. Мне почему-то запомнились советские начала 1920-х в виде почтовых марок.

Я его неплохо помню, хоть и маленький был: здоровый, выше отца, громкоголосый, на шее меня катал. В Риге мы к ним в гости заходили. Как-то отец мне передал в посылке его подарок – настоящий кожаный ремень Wrangler. В СССР, в начале 1980-х – роскошный подарок!

Романовы

О моих прапрадедах у меня нет почти никаких сведений, не сохранилось ни фотографий, ни каких-то семейных реликвий, ни даже чьих-то личных впечатлений. Почему так – понятно: ушло полтора столетия, да какого

столетия – ХХ. И мама моя и бабуся были младшими детьми в своих семьях, старшие знали, конечно, больше, но вот 4 года назад 18 апреля 2003-го, ушла и бабуся – последняя, младшая из тех, амурских Романовых.

Многое было просто утеряно за бесконечными скитаниями – от Германии до Сахалина, многое пришлось уничтожить собственными руками. ХХ век, Россия – кто лично не прожил этого, уже не поймёт, что это такое, и чем дальше во времени мы отодвигаемся, тем невозможнее представить. Конечно, свидетельства современников грешат пристрастностью и эмоциональностью, но человек, решившийся судить о той крайне неоднозначной эпохе по архивным документам, печатным источникам того времени, или же вооружившись «методом актуализма» и экстраполируя механически психологию современного человека в прошлое, неизбежно будет жестоко заблуждаться: явления, подобного Советскому Союзу, до него не существовало в истории и уже не существует.

Советский Союз не «империя зла» и не «царство Антихриста», атомной бомбы он ни на кого не сбрасывал и напалмом никого не заливал, а ведь за последние 20 лет на него вылили столько помоев, так беззастенчиво оболгали – и заокеанские «благодетели», и свои (хотя – волк тамбовский им свой) «правозащитники», да наши, как и положено, самые-ни-от-кого-независимые демократические СМИ. Но это на их совести. А Советский Союз – это моя Родина, моя великая Родина, она обеспечила мне безоблачное, лучшее в мире детство, она растила меня, баловала и защищала – она меня любила, да не покажется это напыщенным. Любила: вот про Российскую Федерацию нельзя сказать «она любила меня» – тут не только люди, лошади коситься будут. А вот поздний Советский Союз...

Родину мою боялись и ненавидели на Западе, ненавидели потому, что Советский Союз одним своим существованием был вызовом всему капиталистическому мироустройству. Он являл миру – естественно, в каком-то приближении, но – вживе – великий образ справедливого социального устройства. Где во главу угла любой деятельности положено не извлечение максимальной прибыли, а развитие и реализация потенциала человеческого духа.

Знаешь, в чём корневое различие социальных отношений в СССР и любой другой страны? На примере оплаты труда: рабочий высшей квалификации получал такую же заработную плату, как академик, как писатель-член Союза писателей, как генерал Советской Армии. В Советском Союзе котировались не профессии юриста, экономиста и нефтяника, нет – были «все работы хороши – выбирай на вкус» – остальное зависело только от тебя, от твоего желания и трудолюбия.

В СССР самая большая зарплата была у президента АН СССР – 1200 рублей, у члена Политбюро ЦК КПСС – 900 рублей. Зарплата М.С. Горбачёва, первого и последнего Президента СССР, составляла 900 рублей. Моя мама, будучи главным врачом специализированного Дома ребёнка г. Александровск-Сахалинский, получала по ведомости 500 – 600 рублей. Сам я в 1989-ом на несколько месяцев устроился подсобным рабочим в районную библио-

теку Александровска, неквалифицированный рабочий без стажа, в чистом виде: зарплата моя составляла около 80 рублей¹. Разница с президентом страны – аж целых 11 раз. И вся наша огромная страна, одна шестая часть суши, вторая экономика мира, помещалась в этом промежутке. И все – от меня до президента страны были *госслужащими*: эксплуатации человеком человека, как орудия обогащения одних, паразитирующих за счёт труда других, в Советском Союзе не существовало принципиально.

Отцы некоторых моих одноклассников, стивидоры, там же в Александровске, в сезон, когда суда в порту стояли в очереди на погрузку, работая сутками, зарабатывали и по 2 и по 3 тысячи рублей – в несколько раз больше президента страны, между прочим! Они не были владельцами заводов, газет, пароходов, топ-менеджерами, губернаторами, муниципальными чиновниками, депутатами областной или Государственной Думы или их детьми.

У нас в обществе не было классов – кто бы там и что ни говорил, мы были единым и монолитным народом. Советским. Шурави. Были... Теперь нет ни народа, ни страны, ни тех портов, где суда со всего земного шара стояли в очередь.

Демографические последствия – потери Российской Федерации от либеральных реформ по состоянию на 2016 год больше, чем демографические последствия для РСФСР после Великой Отечественной войны на 1946 год.

И ещё один абсолютно важный момент – не надо смешивать Советскую Россию 1920 – 1930-х годов и послевоенный Советский Союз, тем более СССР 1970 – начала 1980-х годов, – практически это два разных государства. Я бы сказал, поздний СССР – это как раз результат преодоления историческим русским народом inferнального большевистского ленинско-троцко-свердловского вызова.

Права она или не права, но это моя Родина.

Но кроме того были Ленин, Троцкий, Сталин, был 1929 год, 1937-ой – даже за хранение таких безобидных вещей, как дореволюционные фотографии, если на них снят не рабочий или крестьянин, а купец, офицер, человек рисковал свободой. Кто сейчас поверит в такое? Такая она – Россия, более судьба, нежели политическое или географическое понятие. Корреспондент Марины Цветаевой, немецкий поэт Райнер Мария Рильке, в одном из писем к ней заметил: «Есть такая страна – Бог, так вот Россия – граничит с ней». *Не нам судить её.*

Происходят наши предки по линии бабуси (маминой мамы) из крестьян Пермской губернии. Прапрадед Федот Федотович Романов с прапрабабушкой Прасковьей переехали на Дальний Восток около 1880 года по царскому указу о «дурных землях», – цитирую бабуся. Видимо, дело было в том, что в Европейской России крестьяне были весьма скудно наделены землёй, лучшие земли принадлежали казне, монастырям, помещикам, хоть и изрядно подра-

¹ Советский рубль после денежной реформы 1 января 1961 года и до победы демократии в 1992 году был формально равен 0,987412 грамма золота. И хотя возможности обменять рубли на золото не существовало, именно благодаря золотому обеспечению и была возможна высокая котировка рубля СССР – 0,61 – 0,63 копейки за 1 доллар США, и никто в стране не знал и не слышал такого слова – «инфляция».

зорившимся после 1861 года, – а страна ведь, по преимуществу, аграрная, для большей части населения земля была в буквальном смысле кормилицей. За Уралом же, в Сибири, на Дальнем Востоке крестьянину-переселенцу предлагалось взять столько земли, сколько он в состоянии обрабатывать. Слухи о фантастических земельных наделах – по «Правилам для поселения» от 26 марта 1861 года полагалось 100 десятин на семью во временное пользование¹, – распространялись с невероятной быстротой. Министерство государственных имуществ и губернские канцелярии были завалены крестьянскими прошениями. Это была государственная программа по освоению и заселению огромных территорий империи, сравнительно недавно вошедших в состав, богатейших земель, на которые уже всюду заглядывались динамичные и агрессивные соседи – Америка, Япония и – куда же без неё – Британская империя в зените своего могущества.

Кроме того, переселенцев освобождали от государственных повинностей в течение 20-ти лет со времени водворения, а также в течение 10-ти наборов – от ненавистой рекрутчины и навсегда – от подушной подати.

До Амура добирались несколько лет. На телегах, фургонах, запряжённых лошадьми, везли весь свой домашний скарб.

Я не могу себе представить, что это, как это: несколько лет каждый день ехать, идти пешком – чем они жили, чем питались, наконец, это время?

Попробуем понять, что такое была последняя треть XIX века, ретроспективно взглянув на ту «цивилизацию II технологического уклада» с немыслимых позиций современной, преддверия VI технологического уклада, цивилизации.

Попов и Маркони ещё не изобрели радио, братья Райт – аэроплана. В 1877-ом Томас Эдисон сконструирует фонограф – ещё не граммофон, звук записывался не на виниловые «асфальтовые» пластинки, а на специальных валиках, и название фирмы «Patè» (*name*-фон) ещё не стало нарицательным. Готлиб Даймлер запатентует установку своего 4-хтактного бензинового двигателя на автомобиль в 1885 году. Братья Люмьер впервые продемонстрируют «синематограф» в «Гран-кафе», что в доме № 14 по парижскому бульвару Капуцинок (не Капуцинов!), только ещё 28 декабря 1895-го.

Страна освещалась лучиной и керосиновыми лампами. В 1879 году Эдисон усовершенствует лампу накаливания, и она приобретёт современный вид («висит груша – нельзя скушать»), а первая в мире электростанция общего пользования появится в САСШ в 1882-ом.

К слову будет заметить, что, по данным ЮНЕСКО, даже сейчас, в начале XXI века, 30% населения Земли использует керосиновые лампы в качестве источника света.

¹ К 1900 году средняя величина земельного надела на душу мужского населения по всем губерниям европейской части Российской империи равнялась 2,6 десятинам (2,8га). «Правила» предлагали переселенцам-крестьянам серьёзные льготы и привилегии: 100 десятин (109 га) на семью предоставлялись в бесплатное пользование на 20 лет с правом последующего их выкупа, а также с возможностью приобретать в собственность новую землю по 3 рубля за десятину. Переселенцам предоставлялись кредиты или бесплатные субсидии на обустройство хозяйства на новом месте и другие льготы.

Существовали паровые двигатели – плыли пароходы, бегали паровозы, да вот только железной дороги на Дальний Восток – Транссиба – и поныне самой длинной железнодорожной магистрали мира – ещё не построили.

Европейскую Россию с Тихим океаном связывал один-единственный, пыльный и разухабистый, великий почтовый сибирский тракт.

Редкие деревни – почерневшие деревянные дома, в нитку вытянувшиеся вдоль дороги, косые кладбищенские кресты, ржаные да пшеничные поля и опять, на тысячи вёрст – бесконечные леса, перелески, степи, осенью непролазная слякоть и грязь, в которой лошади тонут по круп, зимой – неподвижное зелёное таёжное море да белые снежные равнины, из снегов редко-редко, в сотнях вёрст друг ото друга торчат печные трубы занесённых по коньки крыш деревень.

Новости, газеты, почта двигались в Сибирь со скоростью почтовой тройки. А яркость электрических лампочек (которых ещё и не было!) и полстолетия спустя будут измерять в «свечах».

Но добрались! Обосновались на Амуре. Федот Федотович Романов, мой прапрадед – первопоселенец города Белогорска. Интересно, сохранились ли дубы вокруг белогорской церкви? Их посадил он – мой прапрадед. Дуб – дерево солидное, медленно растёт, да долго живёт. Мои знакомые из Амурской области говорят, что в Белогорске сохранилась какая-то историческая (т.е. дореволюционной постройки) церковь, но сообщить хоть что-то о деревьях они затруднились. Самому надо побывать там, – не знаю, может и доведётся.

Дела быстро пошли в гору, земли много, земля богатая, не российская нищенская чересполосица – девственные приамурские земли! Леса полны дичи, ягод, грибов, реки переполнены рыбой. Да и из России уехали не с пустыми руками – там Федот Федотович по случаю тоже занимался предпринимательством: один только раз, почему-то, бабуся упомянула вскользь – «партию работников сколотить, табун коней перепродать». В общем, за короткое время он основательно встал на ноги и уже в 1896 году был избран депутатом – одним из двух (так бабуся говорила – «депутат»), достойных представлять Амурскую область на предстоящих торжествах по поводу коронации Николая II.

Несчастливый последний русский император Николай II, Николай Александрович Романов. В его правление Российская империя потерпела поражение в двух войнах подряд, а затем и вовсе исчезла с политической карты мира. И первое – мистическое – предвестие какой-то безблагодатности будущего царствования было явлено именно во время коронационных торжеств. Но – по порядку.

Российская империя была последней в мире классической империей с императором, власть которого не ограничивало ничто, – русский император был, по своей сути, византийским василевсом, а отнюдь не европейским председателем правительства.

Всего за 35 лет до коронации последнего русского императора в России существовало крепостное право – рабство: купля-продажа живых людей. Первая русская «конституция» – царский «Манифест 17 октября 1905 года», провозгласивший гражданские свободы, будет «высочайше дарован» через 10 лет, после подавления первой русской революции; выборы в первый русский парламент – Государственную Думу – пройдут в мае-июне 1906-го. А когда всего через год после коронации, в 1897 году будет проводиться всеобщая перепись населения России, Николай в графе «род занятий» напишет «*хозяин земли Русской*», императрица, Александра Фёдоровна, соответственно – «*хозяйка земли Русской*». Каждый седьмой житель планеты был тогда подданным русского императора!

Как можно уже сказать сейчас, с высоты прошедшего ужасного и великого XX века – это было благословенное время. За 20 лет царствования Николая II, от его восшествия на престол и до начала Великой войны 1 августа 1914 года народонаселение империи увеличилось на 60 миллионов человек, со 122 до 182 миллионов человек!¹ А что говорит статистика о демографии за 20 демократических лет с 1992 по 2012 годы? А статистика говорит о «русском кресте». Россия конца XIX века это 1/6 часть мира и 1/9 часть населения Земли. Россия начала XXI века – 1/9 часть мира и только 1/36 часть населения.

С момента коронации, а это понималось как акт сакральный, – не банальная, раз в четыре года повторяющаяся, церемония инаугурации очередного президента (ведь в действительности Николай взошёл на престол за полтора года до описываемых событий – 21 октября 1894-го, по смерти своего отца Александра III), – русский царь становился наместником Бога на земле. Священное коронование делало его *автократором, самодержцем* – ведь Россия, повторюсь, от века не знала ни парламента, ни конституции.

Впечатляет? И вот твой прапрапрадед Федот Федотович Романов был официально-приглашённым лицом на этих торжествах. Таинство помазания на царство состоялось 14 мая 1896 года в Успенском соборе Московского Кремля, в древней столице России (столицей Российской империи с начала XVIII века был, как ты знаешь, Санкт-Петербург), в присутствии всех княжеских фамилий России, да и Европы, пожалуй – русский императорский дом, так или иначе, находился в родстве едва ли не со всеми королевскими и княжескими дворами Европы.

Никогда не слыхала такого слова: Ходынка? Когда-то оно было нарицательным. Сейчас этот район в Москве активно застраивается и скоро, видимо превратится просто в один из жилых микрорайонов. А в последние полвека это было место проведения военных парадов, ещё раньше там располагался военный аэродром – один из самых первых русских аэродромов, полтора же столетия назад Ходынское поле представляло из себя огромный пустырь на окраине Москвы. Его и решили использовать для проведения

¹ Цифра взята мною из советского переиздания 1991 года брошюры Бразоль Б.Л. «Царствование императора Николая II 1864 – 1917 г.г. в цифрах и фактах» Изд.2-е. Нью-Йорк, 1968. Весьма познавательное чтение.

народных гуляний в честь коронации. Расчистили поле, установили павильоны, где утром 18 мая 1896 года должна была быть устроена раздача «царских подарков». Незамысловатые подарки – для простого люда, в набор входила сайка, тульский печатный пряник, кусок колбасы, пакетик с леденцами и орехи. И кроме того приготовлены к раздаче были эмалированные металлические кружки с двуглавым орлом.

Эти-то кружки бабуся видела своими глазами, и не только у деда, у них дома была такая – незабвенная ходынская орлёная кружечка.

Народ, узнав о предстоящей раздаче царских подарков, ещё с вечера потянулся на Ходынское поле, чтобы переночевав там, на месте, утром оказаться ближе к раздаче царского угощения, а ну как на всех не хватит? Собирались, наряжались, во всё лучшее, что сберегалось в сундуках и надевалось всего несколько раз в жизни – на праздник, – да это ведь и был праздник! Располагались семьями, компаниями, с самоварами, жгли костры, ужинали, пели песни (ни радио, ни телевидения ведь не было), укладывали до утра спать детей – ждали!

К утру на Ходынском поле собралось (по данным Э. Радзинского, оговариваюсь) не менее полумиллиона человек и, когда открылись павильоны, – на небольшом пятачке площадью всего в одну квадратную версту было поставлено 125 буфетов и 20 питейных заведений, – это гигантское людское скопище в один миг стало неуправляемо. Первые несколько рядов просто расплющило о стены, а сзади напирали, давили, шли по телам, втапывая в землю головы споткнувшихся, упавших, задавленных... И выхода никакого – не было.

По *официальным* данным 18 мая 1896 года на Ходынке погибло 1389 человек, 1300 – изувечено.

Пройдёт 9 лет и на очередную годовщину коронации этого несчастливого императора, 14 мая 1905 года практически весь русский военный флот – II Тихоокеанская эскадра – уйдёт на дно Корейского пролива, 5 боевых кораблей – никогда русский флот, Андреевский флаг не переживал *такого* позора – спустят на обломках своих мачт русский военный флаг и поднимут японский. Появится ещё одно имя нарицательное Николаева царствования, наряду с Ходынкой и Кровавым воскресеньем – любимым праздником российской, а затем и советской либеральной интеллигенции (уничтожившей сначала русское национальное государство – Российскую империю, а спустя 74 года ещё одну великую русскую империю – СССР) – *ЦУСИМА*.

Через 18 лет, в ночь с 16 на 17 июля 1918 года, этот несчастный, но в высшей степени достойный человек, последний *русский* царь, самый добрый из всех русских царей, вместе со всей своей семьёй Императрицей Александрой Фёдоровной, Наследником русского трона Цесаревичем Алексеем и четырьмя великими княжнами Ольгой, Татьяной, Марией и Анастасией будет расстрелян в Екатеринбурге.

Русская Православная Церковь не признаёт выводы комиссии Немцова, осуществлявшей работу по изъятию и перезахоронению останков царской

семьи. Безо всяких объяснений эта комиссия отказала в праве участия в этих мероприятиях представителям Русской Православной Церкви (это ещё можно понять, учитывая светлое либеральное настоящее Бориса Немцова), но комиссией было отвергнуто и предложение японских генетиков об участии в проведении экспертизы, несмотря на то, что в Японии хранится подлинный генетический материал Николая Александровича Романова, его окровавленные бинты – в апреле 1891 года тогда ещё Цесаревич Николай Александрович совершал поездку по странам Востока, и в японском городке Оцу местный полицейский из охраны (отсюда, к слову, и пошло известное «японский городской») бросился на русского цесаревича с саблей и ранил его в голову. Японцы, для которых понятие империи является священным, хранят бинты со следами крови русского императора до сих пор, уже более сотни лет.

Смысл сказанного таков – чьи именно останки захоронены в петербургском Петропавловском соборе – неизвестно. Точка.

С гибелью Государя императора Россия – тысячелетнее государство русского народа – перестала существовать. И в Советском Союзе, и в Российской Федерации народ, составляющий 85% населения, живущий на своей исконной исторической территории, *не имеет своего государства*.

О прапрабабушке, Прасковье Тóпкисевой, известно, что по национальности она была кеткой. Кеты – один из самых малочисленных коренных народов Сибири, по переписи 1897 года его численность составила всего 988 человек¹. И ещё одно бабусино и Руфины Александровны Адиян упоминание о прапрабабушке Прасковье: она иногда в сердцах хлопала по спине своего

¹ Редкая и «вкусная» подробность, несомненно, достойна развёрнутой сноски! Вот что мне удалось навскидку скомпилировать из нескольких статей в интернете.

Кёты – от *кет*, *кет* – «человек», **не** является исконным самоназванием народа. Оно было введено официально и утвердилось только в 1920-х г.г., до того применялись этнонимы остяки, енисейские остяки, енисейцы – малочисленный коренной народ Сибири, живущий на севере Красноярского края. По данным переписей численность кетов относительно стабильна: 1897г. – 988 ч., 1926 г. – 1428 ч., 1959 г. – 1019 ч., 1970 г. – 1182 ч., 1979 г. – 1122 ч., 1989 г. – 1113 ч., 2010 г. – 1220 ч.

Кетский язык является последним живым представителем енисейской языковой семьи. Другие родственные языки – пумпокольский, аринский, ассанский – исчезли ещё в XVIII – XIX веках вместе с их носителями. Лингвистические исследования последнего времени всё чаще обращают внимание на общие черты в основных принципах построения кетского языка с адыго-абхазскими, нахскими (чеченский, ингушский), сино-тибетскими (китайский, тибетский) языками, а также языком басков и некоторыми языками североамериканских индейцев. Язык кетов считается лингвистическим феноменом, т.к. обладает строем, не находящем соответствия в соседних языках.

Предки современных кетов сформировались, по некоторым предположениям, в эпоху бронзы на юге междуречья Оби и Енисея в результате смешения европеоидов Южной Сибири с древними монголоидами. Однако последующее изучение позволило выделить кетов в самостоятельный енисейский тип.

С кетами некоторыми исследователями связывается окуневская и карасукская культура (II тыс. до н.э.) Южной Сибири, а также редкая гаплогруппа Q, указывающая на родство с индейцами. До прихода русских кеты уже освоили металлургию, однако жили родо-племенным строем. В состав Московского государства кеты вошли в 1607 году.

В основе религиозных представлений кетов лежал анимизм. Мир, делившийся на три сферы (верхний небесный мир, средний мир людей и нижний подземный мир), населялся множеством добрых и злых духов. Шаманство у кетов не было профессиональным. Главной функцией шаманов были лечение и предсказание. С приходом в Сибирь русских землепроходцев и миссионеров кеты, наряду с другими сибирскими народами, начали принимать православное крещение.

сына, моего прадеда Павла Федотовича Романова и ворчала: «У, татарин упрямый!», – а что, вполне себе информативная жанровая картинка! А учитывая, что сам Павел Федотович иногда снисходительно адресовался к жене «хохлуша» (что бессмысленно было бы в устах этнического татарина), а та платила ему «пермяк – солёны уши», то получается так, что, парадоксальным образом, все трое переживали по отношению к своим ближайшим родственникам комплекс превосходства известный как «великорусский шовинизм». Коллизия, однако...

Сестра Р.А. Адиян Майя Александровна Адиян, заканчивая тему ненормативной лексики, говорит, что самым страшным ругательством прабабушки Топкисейвой было «мерзкий тюлень», а Павла Федотовича «будь ты трой ты трижды проклятый» (смысла я не уловил, но тоже трижды переспросил и записал). Гаврил Иванович Конченков, в передаче дочери Анастасии, мог выразиться только «да ни жуя он не понимает» (из подслушанного ею разговора отца с братом Иваном).

Другой мой прапрадед (отец мамы моей бабуси) Иван Парамонович Дымченко приехал на Дальний Восток из Воронежской губернии примерно в то же время, что и Романовы. Ехали 3 года! На волах – представляешь скорость? Километров, наверное, пять в час, не меньше! В пути познакомился со своей будущей женой Прасковьей, в пути и обвенчались.

Добравшись до Приамурья, поселились они в селе Семиозёрка под Благовещенском. Бабуся говорила, что у деда её была мельница, большой магазин и несколько доходных домов в Благовещенске.

Имена дочерям Иван Парамонович давал не абы как, подошёл к вопросу творчески – все три имени начинались на «А»: Анисья, Анна и Агриппина. Не иначе, как поклонником творчества господина Достоевского был Иван Парамонович – Фёдор Михайлович закончил работу над «Идиотом» незадолго до описываемых событий – в январе 1869 года! Замуж сёстры выходили тоже не лишь бы как, а «за компанию», став, соответственно, Разгильдеевой, Рашевской и Романовой!

Муж старшей – Анисьи Дымченко – Василий Ефремович Разгильдеев¹ имел несколько золотых приисков и конезавод, он поставлял рысаков на благовещенский ипподром. Средняя сестра – Анна – рано умерла, ещё до рож-

¹ Р.К. Богданов в «Воспоминаниях амурского казака о прошлом с 1849 по 1880 год», изданных в Хабаровске в 1900 году, упоминает о жестоком инспекторе их школы в Цурухайтуе, в Забайкалье, страшном взяточнике, пограничном приставе – чиновнике 9-го класса **Евграф** Ивановиче Разгильдееве. Посмотреть можно в кн.: Амурские казаки. Приамурье из века в век. Материалы, документы, свидетельства, воспоминания. - Благовещенск-на-Амуре: ОАО «Амурская ярмарка», 2008.

А в IV томе «Книги памяти жертв политических репрессий Амурской области» в строке под номером 15 115 записано: «**Разгильдеев Иосиф Ефимович**, китаец, 1881 г.р., уроженец провинции Шаньдун, Китай. Проживал в с. Александровка Мазановского р-на, не работал. Арестован 18.03.1938. Постановлением ОС при НКВД СССР от 19.09.1938 осужден по ст. 58 – 10 УК РСФСР к 10 годам концлагерей. Реабилитирован 20.12.1991 заключением прокурора Амурской области. Дело П-65923». Тётя Лиля говорит, что родился он действительно в Шаньдуне, в Китае, но Разгильдеевы не китайцы, татарские корни у них. И как лихо закручен сюжет: Разгильдеевы вместе с Дымченко, с семьёй моей прабабушки, действительно в конце XIX столетия вместе перебрались с Украины в Приамурский край, но *до того* они успели эмигрировать в Китай, в тот самый Шаньдун, пожить там, разочароваться и вернуться назад! *Ещё до переселения на Амур!* Такой вот круг получился.

дения бабуся. Детей у них с мужем не было, она не могла их иметь. И младшая – Агриппина, в 16 лет вышла замуж за Павла Романова: мои прадед и прабабка.

И возвращаемся к Романовым. Федот Федотович с женой Прасковьей родили трёх сыновей: Ивана, Павла и Николая. Старший, Иван, унаследовал дела отца, когда тот погиб (бабуся говорила, что его отравили в одной из благовещенских гостиниц), и первоначально вёл торговлю вместе с братом Павлом, магазин они держали напололам, но, по словам бабуся, Иван был нечестен в расчётах с братом и они решили разделить дело. Павлу Федотовичу достался магазин в Большой Сазанке, а Иван Федотович, отделившись, уехал на станцию Бочкарёво¹. Ему принадлежали – в разное время я слышал разные цифры: то ли 4, то ли 8-10 домов в Белогорске, постоянный двор в Алексеевске², магазин, торговые бани и несколько доходных домов в Благовещенске (некоторые из зданий сохранились до сих пор, тётя Тома Лысухина мне об этом сказала, ей её знакомая из благовещенского краеведческого музея их показывала) и даже пароход. Самый настоящий колёсный пароход, бабуся его видела сама: гребные колёса у него располагалось не по бокам корпуса, колесо было одно, сзади, за кормой. Назывался пароход «КУМИРЬ».

Младший брат прадеда, Николай Федотович Романов (двойной тёзка последнего российского императора!), для меня, родившегося в 1970-е годы в Советском Союзе, побывавшего в своё время в октябрятах, пионерах, в комсомольцах, – личность легендарная. Семейное предание гласит, что Николай в студенчестве, в Казанском университете, входил в одну тайную революционную организацию с Александром Ульяновым, и когда она была разгромлена Третьим Отделением (жандармский корпус), а Александр Ульянов был казнён, Николай был вынужден бежать из страны – эмигрировал в Америку.

Трудно разобрать, где тут сказка, где быль: достоверно, что Николай Романов учился в Казанском университете, бросил его, некоторое время скрывался и в период времени, совпавший с подавлением революции 1905 года, уехал в САСШ (Северо-Американские Соединённые Штаты, так тогда называли США).

Александр Ульянов был осуждён за подготовку покушения на Александра III и повешен в Шлиссельбургской крепости 1 марта 1887 года. Точная дата рождения Николая Федотовича мне неизвестна, но зная, что он младший сын в семье, можно предполагать, что родился он никак не ранее осени 1882 года, то есть на момент естественной смерти Александра III ему

¹ «Первое поселение 1860 г. с. Александровское, по соседству в 1893 г. возникла станция Бочкарёво. В 1926 г. они слились с. Александровское и Бочкарёво и преобразованы в город Александровск. В 1931 г. переименован в Краснопартизанск. В 1935 году – переименован в Куйбышевку-Восточную, а с 1957 – город Белогорск. На противоположной стороне реки Томи староверами основано село Бочкарёво (1861 г.), а переселенцами-староверами из Пермской губернии в 1893 г. основано село Томское». Из письма Владимира Юрьевича Рычкова ко мне, от 27 марта 2008.

² «Г. Свободный основан 12 августа 1912 г. как Алексеевск (в честь наследника царя). В 1917 году переименован в г. Свободный. Сам город делится на Суражевку – это речной порт, основанный в 1901 г., станцию Михайлово-Чесноковскую, основанную в 1893 г. и Северный городок – где были военные поселения. С 1929 года – центр Дальневосточного ГУЛАГа». Из письма Владимира Юрьевича Рычкова ко мне, от 27 марта 2008.

было, самое большое, 12 лет. Потом, Александр Ульянов никогда не учился в Казанском университете, его alma mater – Санкт-Петербургский Императорский университет. В Казанском же университете, к слову, обучался его младший брат, известный всему миру как Владимир Ленин.

Так же известно, что в Москве в 1898 году за антиправительственную деятельность была арестована группа студентов медицинского факультета Московского университета вместе с младшим братом Александра и Владимира Ульяновых Дмитрием. Это ближе по времени, но и к 1898 году Николаю Федотовичу Романову не могло быть более 16 лет от роду, и не мог он ни участвовать в студенческих марксистских кружках, ни даже вообще учиться в университете.

14 (27) февраля 1901 года, на фоне постоянных студенческих волнений, бывший студент Московского и затем Юрьевского университетов П.В. Карпович в знак протеста против реализации принятых 29 июля 1899 года "Временных правил" о сдаче студентов в солдаты "за дерзкое поведение, за грубое неповиновение начальству, за подготовку беспорядков или производство их скопом в стенах заведений и вне оных" совершил покушение на министра образования Российской империи Н.П. Боголепова и нанёс ему смертельное ранение. Сам Боголепов не считал эту меру – сдачу в солдаты – более суровым наказанием, чем исключение студентов из университетов без права повторного поступления в них, поскольку студент, отбывший воинскую повинность, мог продолжить образование в любом учебном заведении. В начале 1901 года Боголепов применил "Временные правила" на практике. За участие в студенческих беспорядках были отданы в солдаты 183 студента Киевского, а затем 28 студентов Петербургского университетов, чем министр окончательно подписал себе приговор. Убийца пользовался полным общественным сочувствием и даже одобрением.

Тогдашнее русское общество, как видишь, было поражено смертельным недугом.

Резюмируя вышеизложенное, думаю, что Николай Федотович принимал *деятельное* участие в событиях революции 1905 года, может быть, в московских баррикадных боях – тогда всё сходится, если он с оружием в руках сражался с правительственными войсками, ему был полный резон бежать из страны, альтернатива – тот самый пресловутый «столыпинский галстук»!

Но – и бабуся, и мама, и тётя Лиля, я несколько раз задавал этот вопрос, настаивали на имени Александра Ульянова.

Итак, после подавления первой русской революции Николай Федотович, вместе с женой, бывшей горничной его матери, уехал в САСШ, поселился в Сан-Франциско, устроился работать землемером. Вскоре по делам службы переехал в Австралию, где и умер в 1911 году – утонул. У него остался сын.

Но история, как водится, на том не кончается, хотя я собственными ушами слышал эту дату – 1911 год, и даже записал её.

Мне известно о двух фотографиях Николая Федотовича Романова, одна хранится у Галины Александровны Адиян, это студийная фотография, сделанная на Филиппинах, в Маниле, ориентировочно, по моим предположениям, во второй половине 1900-х – первой половине 1910-х. На снимке в длинном светлом платье сидит его жена, бывшая горничная Агриппины Ивановны, его маленький сын, светловолосый мальчик в матросском костюме и левым боком полусидит на балюстраде Николай Федотович. Вторую фотографию я знаю только по описанию М. А. Адиян: сидящий на велосипеде, в профиль, Николай Федотович на фоне того самого амбара (между прочим, с велосипедом на крыльце) с общей фотографии Романовых 1914 года. Майя Александровна запомнила, что он в гольфах был.

Бабуся часто рассказывала, как во время гражданской войны, а это уже 1918-1921 годы, «дядя Коля» здорово помогал семье своего брата. Один раз даже приезжал к ним в Большую Сазанку (из Америки!), а почему она запомнила – так дядя Коля подарил племяннице, страшно сказать, леденящую воображение сумму – *2 (два) миллиарда рублей!* Бабуся всегда неукоснительно подчёркивала момент, что она была *не миллионершей*, а – *миллиардершей*.

Но вот уж везёт, так везёт! Такое случается раз в жизни, как говорится, и то не со всеми, волей-неволей запомнишь! И это было возможно только в самом начале 1920-х.

В то время, начиная с революции и по первые годы Советской власти, на Дальнем Востоке ходило множество различных денежных знаков: «царские» («николаевские»), «керенки» (деньги Временного правительства), денежные знаки стран-интервентов – японские йены, североамериканские доллары, деньги Верховного Правителя Колчака – «сибирки», советские казначейские билеты... Каждое из существовавших тогда на территории русского Дальнего Востока призрачных «правительств» (даже украинцы пытались образовать своё независимое национальное государство в Приморье – так называемый «Зелёный клин»!) считало своим долгом выпустить собственные деньги, а вот атаман Семёнов не стал изобретать велосипед, он попросту занимался печатью чужих денежных знаков: в составе его бронепоезда была специальная типография для этих целей. Инфляция при таких условиях, понятно, была фантастической.

Это что, в веймарской Германии, к примеру, в 1924 году существовали купюры номиналом в 100 тысяч миллиардов марок, а в Венгрии 1946-го года и вообще в секстиллион форинтов (миллиард триллионов, 10 в 21 степени). Да и сам я в середине 1990-х получал зарплату (правда, с двух работ – музыкальная школа и дом детского творчества!) в один миллион рублей.

Так вот, полученные от любящего дяди 2 миллиарда денег обрадованная девушка немедля помчалась тратить на базар: за 1 миллиард рублей ею был приобретён 1 (один) коробок спичек, и оставшегося миллиарда как раз хватило на арбуз. Местный, дальневосточный – красный и очень сладкий, но размером с тот же спичечный коробок!

В другой раз Николай Федотович через американского консула во Владивостоке передал посылку для брата – два больших кожаных чемодана. В период «военного коммунизма» в стране вообще ничего не производилось, был самый настоящий голод. Промышленность стояла. Эти два чемодана, они и сами пошли в ход, – сделанные из цельных кусков отличной кожи, не одна пара сапог вышла из них. Отец говорит, ссылаясь на бабуся, что последнюю посылку от Николая Федотовича получили то ли в 1930, то ли в 1932 году, а потом «мне показалось так, что будто перед самой войной, или в начале войны» он погиб – утонул в заливе Сан-Франциско.

Это позже, с введением НЭПа, появятся товары, валютные магазины «Торгсин» (ТОРГовля С Иностранцами; в 1970 – 1980-е годы эта система будет называться «Берёзка») – на бабусин золотой крестильный крестик (подарок крёстного) вся семья жила несколько месяцев. Павел Федотович несколько раз ходил в Якутию мыть золото, хоть и опасно было, по краю рыскали банды, специализировавшиеся на перехвате «золотонош», но семья большая, а купить что-то можно было только на чёрном рынке или в «Торгсине», и только за золото.

А до НЭПа вся семья щеголяла в платьях из превосходной, совершенно новой ткани, «довоенного», что называется, качества, но сплошь в штюпках – японцы штыками у них в магазине прокалывали все рулоны с тканями: оружие и партизан искали!

Три брата их было. Но один-единственный раз, 5 февраля 2001 года, я услышал от бабуся ещё об одном брате – Евдокиме. Может, двоюродный брат? Не знаю, и не узнаю уже. Кроме меня из всей родни о нём никто не слышал. Неизвестно ничего, кроме обстоятельств его смерти.

В 1918 году мой прадед вместе с семьёй прятался от партизан, красных партизан. Семью он перевёз в родное село Томское, а сам скрывался по родственникам: в банях, амбарах, когда просто в стогу сена, где придётся: все боятся, у всех семьи – а Павла Федотовича ищут! Такую торговлю держал, значит, деньги есть и золотишко припрятано наверняка! Евдоким Романов отказался выдать этим бандитам место, где прятал брата – и был убит. Его изрубили шашками, в капусту, молча. Куски тела сложили в мешок и повесили на видном месте у реки.

Не было бы удивительно, если б Павел Федотович никогда и никому про это не рассказывал. Ни мама, ни одна из её сестёр не знали ни о чём подобном.

Прадед

Мой прадед, купец II гильдии Павел Федотович Романов родился 3(15) января 1882 года в волостном селе Томское Амурской области.

Он главный персонаж в рассказах бабуся. Вдуматься, она прожила всю историю России XX века – детство в отчем доме, где все её любили, и потом, на целое почти столетие понеслось: революция, гражданская война, интервенция, Советская власть, 1929-ый, 1937-ой, война, послевоенная разруха,

голод и холод, а ведь, между прочим, у неё было шестеро детей! Расцвет Советского Союза – 1970-е годы, о чём там говорить? – никогда за свою тысячелетнюю историю русский народ не жил лучше, чем в 1970-е годы, и, наконец, развал Советского Союза, великой русской империи. Достаточно навидалась бабуся на своём веку. Но – девять десятых её воспоминаний и рассказов – о своём отце, *тятя*. Она очень его любила. Такое волшебное чувство возникало, когда 85-летняя бабуся – случайно – оговаривалась: «Тятя...» Даже мне как-то передалось это – Павел Федотович умер за 26 лет до моего появления на свет, а я знаю его и люблю как давно знакомого человека! Посмотри на фотографию, посмотри, какие у него глаза. Мама была очень похожа на него. А как внучка его М.А. Адиян сейчас, спустя 70 лет как его нет, говорит о нём, чуть не с придыханием: Павел Федотович был красавец, высокий, осанистый – как у танцора осанка, зоркий взгляд, умница – читал книги, выписывал газеты – каждый день читал. Нигде не учился, а какой красивый почерк!

Бабуся в детстве – Еленка, маленькая Лёлька, любимица папочки и бабушки, ей было можно всё! – играясь, нашла на самом дне отцовского сундука большую¹ круглую медаль на голубой муаровой ленте. Надпись на ней гласила: «ЗА ПОХОДЪ ВЪ КИТАЙ. 1900г.». Павел Федотович никогда не рассказывал, что это за награда, когда он её получил, за что, отмалчивался, отшучивался, в общем, как мог уходил от ответа. Только почти полвека спустя, когда шла уже совсем другая война – Великая Отечественная, он нарушил своё молчание.

Я и сам недавно только понял, что это был за «китайский поход» – ни в школе, ни в институте на лекциях по истории нам ничего подобного не читалось. Подавление народно-освободительного, так называемого «боксёрского», ихэтуаньского восстания. На сторону принявшего народный характер антихристианского и антииностранного движения ихэтуаней перешла и китайская армия. Экспедиционные корпуса России, Германии, Японии, Британии, САСШ, Франции, Италии и Австро-Венгрии проводили военную операцию по его подавлению. Залили страну кровью – китайцев в плен не брали. К слову, будущий герой Чемульпо канонерская лодка «Кореец» (27 января 1904 года они с «Варягом» сошлись в бою с японской эскадрой из 6 крейсеров и 8 миноносцев контр-адмирала С. Уриу), тоже поучаствовала в описываемых событиях, и даже имела серебряный Георгиевский рожок за отличие в бою с фортами Таку (Дагу), «морскими воротами» Пекина 4 июня 1900года.

На русской стороне Амура к тому времени проживало много китайцев, селились они и отдельно, своими деревнями, и вместе с русскими. Да само село Большая Сазанка появилось как маньчжурское поселение, её называли тогда Пиканово (от маньчжуро-китайского слова «пекан» – «поселение среди деревьев, дающих ореховые плоды (маньчжурский орех)»). Где-то в первой половине XIX столетия там появились русские общины старообрядцев (рас-

¹ Это она ей, крохе, огромной казалась. Видел я эту медаль в музее, настоящую – неожиданно, даже как-то обидно (мне показалось!) маленькая. 28 мм диаметр всего.

пространённая разговорная форма – «староверы»), уходивших на восток в поисках тишины и чистоты, древней русской мечты о стране Беловодье. Вскоре преследования со стороны официальной православной церкви опять вынудили их уйти, дальше на восток, к океану. А в Большой Сазанке были целые улицы, населённые преимущественно китайцами, они, как и русские, занимались земледелием, мелкой торговлей. Мороженое, конфеты-«тянучки» производили только они.

Так про медаль – только через полвека Павел Федотович рассказал, как он, 18-ти летний, «воевал» в июле 1900-го.

Армейские части окружали прибрежные китайские сёла, выгоняли из домов всех, подчистую, и молча, без единого выстрела, выдавливали толпу к Амуру. А там – так же, молча, страшно, *выгоняли* всех в реку.

В 1990-х годах мне в руки попала любопытная книжка «Амурские волки»¹, её в самом начале прошлого века составила группа благовещенских журналистов. Это авантюрный, рассчитанный на коммерческий успех, роман. И вот в одной из его глав описываются события «китайского похода», и описываются, что очень ценно, современниками. Со своеобразным, даже, юмором, изложено. Суть произошедшего, по версии авторов, заключена в том, что связь Петербурга с восточными окраинами империи осуществлялась при помощи телефонограмм, и как в игре в «испорченный телефон», «из первоначального приказа «удалить всех китайцев за Амур» предлог «за» выскочил и его место занял другой – «в», при том, что телефонограмма добросовестно добавляла: «не причиняя им вреда»».²

Благовещенск и сам помнит подобное – как всех его китайских жителей собрали и организованно «удалили в Амур», прямо с городской набереж-

¹ Амурские волки. Коллективный роман из жизни Приамурья: Литературно-художественное издание. Благовещенск, 1996

² Вот как описывается это событие в статье «Русские казаки в Китае» в газете амурских казаков «Казачий дозор» №19 за июнь 2008 года: «По устному указанию военного губернатора полиции было предложено выдворить китайско-маньчжурское население с территории области. 4 июля выше Благовещенска, вблизи казачьего посёлка Верхне-Благовещенского началась переправа собранных в городе китайцев и маньчжур (около 1500 человек). Переправа проходила под охраной запасных солдат, вооружённых топорами, и под наблюдением полиции, в помощь которой были приданы несколько десятков местных казаков. Переправа была намечена в одном из самых узких мест реки, при низкой воде, и должна была носить характер простого удаления опасного элемента с российской территории. Однако, в ходе её реализации, полицейская задача осложнилась вследствие растущей озлобленности обеих сторон и начавшегося обстрела с китайского берега. Лодок для переправы не было, так как большая часть их была уведена в Зейский затон, и конвойные погнало толпу в плыв. Многие из китайцев плавать не умели, значительная часть боялась возвращения на свою сторону, опасаясь мести повстанцев. Толпа на переправе сопротивлялась, пытаясь прорвать оцепление и уйти в ближние сопки. Немногочисленный конвой, применив холодное оружие и нагайки, загнал китайцев в воду и не позволял выйти на берег. Наиболее упорных рубили и добивали выстрелами. Благовещенский историограф, свидетель событий 1900 г. Н.З. Голубцов писал: «В посёлке перевозочных средств было мало, да и для толпы в два с лишним тысячи человек их нелегко было бы найти. Между тем, с того берега не переставали стрелять. Тут имел место факт переправы китайцев через Амур прямо в плыв. Конечно, немногие из них достигли своего берега, но и здесь ожидала их печальная участь: их избивали свои же». Молва говорила о тысячах погибших китайцев, трупы которых несколько дней проплывали мимо Благовещенска.

В любом случае эта неудачно проведённая акция, обернувшаяся трагедией, до настоящего времени является для китайской стороны поводом напомнить русским о событиях 1900 г. 16 июля, накануне празднования основания Благовещенска, по Амуру, напротив города, плывёт процессия траурных венков с горящими свечами».

ной, в присутствии всего города. До того берега добрались всего несколько человек.

К Павлу Федотовичу много лет приезжал в гости какой-то китаец, привозил с собою подарки, угощения, и всё благодарил, а прадед плакал и каждый раз просил прощения. Накрывали стол, садились за него, вдвоём, и начинали пить.

Шагая в цепи при «зачистке» берега, в прибрежном тальнике Павел Федотович наткнулся на спрятавшегося человека. А отказавшихся идти в реку солдаты прикалывали штыками. Тот человек знал это, и он не умолял сохранить ему жизнь, он попросил только об одном: «Солдат, дозвожь мне прежде похоронить мою мать». И мой прадед «не увидел» его, прошёл мимо.

Наверное, это было жутко – в христианской стране, столетие почти не видавшей войны, с её кровью и бесчеловечностью – в тишине, – ведь без единого выстрела, в штыки... Предсмертные крики людей, детский плач, рёв перепуганной скотины – всё это только оттеняло, подчёркивало ту жуткую тишину, в которой «работали» солдаты. Как в немом кино: серенькое утреннее небо, спины солдат в волгллом шинельном сером сукне и тусклые, буднично-реальные винтовочные штыки.

Село то называлось Будунда́ (или Бурунда́? Бабуся, рассказывая, каждый раз как бы переспрашивала) и помнил его мой прадед до самой смерти.¹

До 1930-х годов стояли по Амуру эти мёртвые деревни. Совершенно целые дома, магазины с иероглифами вывесок, заросшие крапивой, лебедой да полыньёю улицы и когда-то до последнего сорняка выщипанные, возделанные трудолюбивыми китайцами огороды. И плещущий, как ни в чём ни бывало, Амур.²

Это, конечно, только нравственный аспект проблемы, но справедливости ради стоит обрисовать и собственно содержание вопроса, чтоб не возникло впечатления о некоей врождённой, бессмысленной, inferнальной кровожадности русского народа и русского государства вообще. Я позволю себе дать краткий исторический экскурс в суть вопроса, взятый мною из материалов научного семинара, посвящённого 350-летию похода Е.П. Хабарова, прямо в кавычках:

«По условиям Айгуньского договора 1858 г. на территории Амурской области и так называемом «Зазейском районе» оставались проживать цин-

¹ В своём последнем письме от 28 марта 2008 года мой корреспондент из Большой Сазанки Владимир Рычков неожиданно развеял мои старые подозрения об условности звучания этого топонима – Будунда или Бурунда. Через столько лет бабуся совершенно точно донесла китайское звучание названия села. «Будунда, - пишет Владимир, - сейчас называется Усть-Ивановка!» «Будунда» в русском переводе звучит удивительно красиво – «Река Божественной воды».

² «В 1901 г. всех маньчжур и китайцев гнали в Благовещенск пешком, на баржах и на север в леса. Многие поженились и остались в Б. Сазанке, а Пекан село переименовали в «Птичник». У маньчжуров было хорошо отлажено производство кирпича, кузнечное дело, выплавляли железо из местного лимонита. Выращивали свиней, быков, коров, сеяли овёс, ячмень, пшеницу, чумизу, сою, много продавали овощей огурцы, капуста, помидоры, редис, дыни, арбузы. Был большой сад из груши уссурийской, яблони, ранетки, сливы, вишни, смородины, малины. Всё конфисковали». Из письма Владимира Юрьевича Рычкова ко мне, от 27 марта 2008.

ские подданные – «зазейские маньчжуры», которых насчитывалось 10 тыс. человек. В Южно-Уссурийском крае, после его присоединения в 1860 году к России, проживало до 500 – 1000 манз-китайцев, высланных властями цинской империи туда в ссылку за совершённые ими преступления и не имевших права создавать здесь семью. Кроме того, из Маньчжурии в Приморье беспрепятственно проникали китайцы, маньчжуры и корейцы... По некоторым подсчётам в Южно-Уссурийском крае в конце 60-х г.г. XIX в. насчитывалось до 40 тысяч манз...

В отношении «зазейских маньчжур» российские власти руководствовались положением Айгуньского договора о том, что подданные Срединной империи оставались «вечно на прежних местах их жительства, под ведением Маньчжурского правительства с тем, чтобы русские жители обид и притеснений им не делали» (статья 1). Таким образом, «зазейские маньчжуры» пользовались правом экстерриториальности и могли обращаться в Пекин в случае конфликтов с российскими властями...

Открытие золота на о. Аскольд привлекло в Южно-Уссурийский край большое количество китайских пришельцев, которые встретив препятствие со стороны российских властей в разработке золота и помощь со стороны оседлого китайского населения – манз, произвели грабежи и разбои, прекращённые лишь вооружённой силой. Эти беспорядки, организованные китайским населением, жившим до того времени мирно, показали, что оседлое и временно приходящее китайское население требовало более строгого надзора и принятия мер для удержания его в повиновении в будущем. Между тем, цинские власти потребовали от российских властей распространить на подданных Пекина права экстерриториальности, в том числе и на тех, которые были повинны в организации беспорядков в Южно-Уссурийском крае. Власти восточной Сибири выступили категорически против этого требования, не допустив создания опасного прецедента.

Уже в 60-е г.г. XIX в. Власти Восточной Сибири отмечали ряд особенностей китайской колонизации: «Все занятые ими пункты, принятые под покровительство и владеемые ими страны через несколько лет быстро преобразовываются в ...Китай». Причём китайский народ, отмечал военный губернатор Приморской области И.В. Фуругельм, «порабощает своему влиянию даже и весьма укоренившееся значение (? – так в тексте. Очевидно, опечатка: надо читать – «население». – Е.К.) английское и североамериканское». Об опасности массовой неконтролируемой китайской иммиграции предупредил и генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков, выступая за регулируемую российскими властями иммиграцию из Китая, в ряде случаев поощряя её, если это было выгодно России... Выступали местные власти и против ввоза русскими и иностранными предпринимателями в Приамурский край китайских чернорабочих – кули...

Китайцы не интегрировались в принимающее их общество, не порывали с Китаем. Российские власти считали, что неконтролируемая китайская иммиграция может привести к образованию в Приамурском крае «маленько-

го Китая», который в будущем сольётся с «большим Китаем» и Россия лишится приобретённых земель, выхода в Тихий океан.

В дальневосточные районы России переселялись, главным образом, «китайские пролетарии и искатели приключений».

Первые корейцы стали появляться в Южно-Уссурийском крае уже в 50-е годы XIX века, ещё до официального присоединения к России. В 60-е г.г. по различным причинам в пределы дальневосточных владений Российской империи начинается их массовое переселение, которое содействовало освоению края, но корейские иммигранты стали объектом нападения со стороны маньчжуров, что сдерживало их иммиграцию. В отличие от китайцев, из Кореи переселялись главным образом крестьяне, которые отличались необыкновенным трудолюбием, желанием заниматься своим делом, были знакомы с местными условиями ведения земледелия... Корейцы, в отличие от китайцев, при переселении быстро интегрировались в принимающее их общество и прерывали с родиной. Это было связано с тем, что по корейским законам корейцы, покинувшие страну, не имели права под страхом смерти вернуться в Корею. Поэтому они прерывали свои связи с Кореей и их интересы «более отождествлялись с русскими». В связи с этим власти Восточной Сибири допускали иммиграцию корейцев в Уссурийский край, «не опасаясь за вредное влияние Кореи на наши местные интересы», оказывали им защиту, покровительство и помощь продовольствием, считая их важным элементом в деле заселения и освоения края».¹

Таким образом, надо признать, что, воспользовавшись благоприятной ситуацией – событиями 1900 года, необъявленной войной с Китаем, администрация Восточной Сибири методами, конечно, варварскими, недостойными, но разрешила проблему территориальной целостности России, её Дальнего Востока, как минимум на столетие вперёд.

И опять к Павлу Федотовичу. Дома был граммофон, изо всех поездок Павел Федотович привозил пластинки. Много было записей Шаляпина – его прадед слышал и видел «вживую» в московских ресторанах. Бабуся говорила, когда Советская власть отобрала у них дом, они уезжали – весь чердак был завален грампластинками.

Помимо граммофона дома были и музыкальные инструменты: традиционная в быту русского народа XIX века семиструнная гитара и – новомодная андреевская балалайка – её прадед привёз из Москвы и сам с удовольствием играл.

В 1982 году я начал заниматься в кружке балалайки при хабаровском Дворце пионеров и как-то зашёл в гости к бабуся вместе с инструментом, и она, спустя шесть десятков лет! – без особого труда вспомнила и сыграла мне «Коробейников». Мелодия несколько отличалась от «канонической», что потом у меня пацаны в музыкальной школе играли оркестром, я её даже запи-

¹ А.Л. Анисимов. Особенности китайской, корейской, японской и русской колонизации российского Дальнего Востока в середине XIX века. В кн.: «Российское Приамурье: история и современность. Материалы докладов научного семинара, посвящённого 350-летию похода Е.П. Хабарова», Хабаровск, ноябрь 1999

сал нотами, «для науки». Бабуся называла «Коробейников» «Коробочка». Сыграла «Польку-бабочку» и ещё какую-то польку, где использовала интересный, я никогда не встречал такого, приём игры: указательный палец правой руки ударяет струну на ладу и сдёргивает её. Знаменитый полонез М. Огиньского «Прощание с родиной» даже попробовала сыграть – но не получилось: конечно, надо думать, что не получилось! «Была бы гитара семи-струнная, – говорит, – я бы и на гитаре тебе сыграла».

В церковь Павел Федотович не ходил, но жена его, Агриппина Ивановна, была искренне верующей, и это порождало порою любопытные коллизии. Это касалось и выстаивания детьми, особенно маленькими, церковных служб, соблюдения постов. Строгость последних компенсировалась, как говорится, необязательностью их исполнения. «От мамы втайне запустит меня в кладовую: нечего, мол, тебе на хлебе сидеть...» А там – и копчёности, и солёности, варенья разные, конфеты, пряники – всё, что до Пасхи нельзя!

А как-то зазвал в гости местного батюшку отца Алексея, сели за стол, выпивают, закусывают, пыль столбом стоит, в общем! Напоил батюшку, взял балалайку и давай плясовую! «Балалайку обнимет, склонится, нос длинный, чуть струн не касается, только пальцы мелькают». А у отца Алексея душа гуляет и, подобравши рясу, он пустился в пляс! Отец хохочет (бабуся очень любила рассказывать эту сценку), кричит: «Груня, Груня, иди, посмотри! Посмотри на своего «святого человека» (мама бабусина батюшку иначе и не называла)! Ах, ядрёна хать!..» Присказка была такая у него: «ядрёна хать».

Домой выписывались газеты, возвращаясь из Москвы, Петербурга Павел Федотович привозил книжные новинки. Человек он бы интересный, нескучно с ним было.

Любил поддразнить супругу: был у них как-то в гостях какой-то его знакомый, сидят за столом, всё чин по чину, ну и Павел Федотович как бы между делом «рассказывает» тому, «жалуется» (а Агриппина Ивановна возится по своим домашним делам у печи и, как положено, в мужские разговоры не вмешивается, но ушки-то на макушке), что, мол, всем хороша жена у него – и красавица, и характером удалась, и хозяйка, да вот только сметану делать не умеет, такая незадача... У одного соседа дома сметана – вкуснейшая, у другого – пальчики оближешь, а у меня вот всё никак... Агриппина Ивановна, хотя в разговорах участия и не принимала, но, как и положено порядочной женщине, не стерпела такого афронта, да ещё при госте – как фурия промчалась она мимо них, выскочила из дома, к погребу, спустилась вниз – там, на льду хранились домашние молочные продукты: масло, сметана, творог, варенец (настоящий варенец – коричневый, а не белый, как в магазине), квас, мясо и всякая всячина, – схватила глиняный горшок со сметаной, бегом обратно в дом и с ходу, от всей души надела горшок на голову мужу:

– Что, не умеет твоя жена сметану делать, что, не умеет?..

– Да нет, что это ты придумала себе, Груня, вкусная у тебя сметана!..

Несмотря на разъезды, прадед держал «классическое» крестьянское хозяйство: пахал землю, сеял хлеб. Разумеется, садили огромный огород – бабуся рассказала интересную вещь, с её слов, помидоры до красного окраса никто не додерживал, считалось, что это уже перезревшие плоды, вроде как жёлтые огурцы-семенники. Помидоры солили зелёными. Обычай есть их красными завёл Павел Федотович – из Москвы привёз, с удивлением увидел в ресторане.

Пахал прадед всегда сам, только на уборку урожая нанимал подённых работников, причём предпочитал он китайцев: русский, с вечера, получив заработанное, понятно, «отмечал» это дело, а утром с похмелья какой с него работник? Китайцы же непьющие, у них другая радость – опиум. Он вытаскивает из коробочки какой-то шарик, положит его в рот и жизнь его сразу становится прекрасна и удивительна, увлечённо работает и работает целый день. Да вот однажды обронил где-то этот сын Поднебесной свою коробочку – урожай убирать надо, погода-то ждать не будет, каждый час на счету, а он – ползает на коленях по двору, пыль роет – ищет!

15(28) июля 1914 года Австро-Венгрия, использовав в качестве предлога «Сараевское убийство» (28 июня 1914 года сербский гимназист Гаврила Принцип выстрелом из револьвера в упор расстрелял наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда), объявила, под прямым давлением Германии, войну Сербии. 19 июля (1 августа) 1914 года Германия объявила войну России, 21 июля (3 августа) – Франции. 22 июля 1914 года Великобритания объявила войну Германии. Началась I мировая война, в результате её исчезнут 3 из 4-х начавших её европейских империй: Австро-Венгерская, Германская и Российская.

Павел Федотович был призван в армию. Часть их находилась где-то в районе Минска, через год, после ранения прадед был комиссован и переведён служить в Красноярск – писарем в штабе какой-то части. Сохранилась фотография, где они снялись вдвоём с Агриппиной Ивановной – за столиком с бамбуковыми ножками – это она приезжала к мужу в Красноярск.

Ни одного рассказа, описывавшего какие-то боевые эпизоды, я никогда не слышал. Дочкам, девчонкам, он, наверное, не рассказывал? Может быть, сыновьям, им это интересно было бы.

Из событий фронтового периода бабуся рассказывала только смешной случай: отец, угостившись на постое холодным молочком из крынки у доброй хозяйки, чуть не проглотил лягушку! Оказывается, в тех местах в горшки с молоком, чтобы оно не прокисло, опускали живую лягушку. Она же самая младшая, девочка, что ей могло быть интересно? Конечно, лягушка!

Агриппина Ивановна в отсутствие мужа вела торговые дела в магазине сама, и в Китай, Монголию закупать товар ездила, затем в Благовещенске под её присмотром всё тщательно паковалось в деревянные ящики, грузилось на пароход и по Зее – тогда Зeya была судоходной, пароходы по ней ходили, – доставлялось в Большую Сазанку.

После революции февраля 1917 года и отречения Николая II от престола 2 марта 1917 года, когда перестали существовать и управляемая армия, и присяга, да сама империя, – Павел Федотович вернулся домой. Но возвращения к прежней жизни не получилось: скоро семья, вместе со всей Россией, на собственном опыте узнали все прелести смутного времени.

По Приамурскому краю прошли различные русские белые части, чехословацкие формирования из пленных военнослужащих австро-венгерской армии под командой французского генерала, американский и японский экспедиционные корпуса, несколько никому не подчиняющихся казачьих атаманов, вроде оставивших по себе жуткую память Семёнова и Калмыкова. Грабежи, массовые убийства, издевательства – «дорожные указатели» – голые мужики, облитые водой на морозе, стоящие вдоль дорог, – превосходили всякое воображение. Белые, красные, интервенты – соревновались в зверствах по отношению к пленным и безоружному местному населению.

На рейде Владивостока стояли военные корабли Соединённых Штатов, Японии, Британии, Франции, Италии, Греции, Австралии, притащилась даже сардинская миноноска. Весь цвет цивилизованного мирового сообщества.

В Большой Сазанке стоял японский отряд. С японцами, впрочем, уживались мирно, только все рулоны ткани в магазине они прокололи штыками – партизан искали. Но в целом, особых притеснений от них не видели, бабуся говорила, что было сделано даже несколько фотографий совместно с японскими солдатами. Их, разумеется, в недалёком будущем пришлось все до одной уничтожить, как и массу других, безобидных.

У Павла Федотовича даже появился «приятель» из японских солдат. Он приходил в гости к прадеду, они спускались в подполье, Агриппина Ивановна закрывала их сверху, и начинали «гулять»: зажгут лампу, наладят самогонный аппарат, наверху – война, «сухой закон», а у них – уже первачок капает, всем весело, песни поют, каждый свои. О чём пел японец я, к сожалению, не узнаю никогда, но отцов вокал *De profundis* бабуся запомнила:

Вы не вейтесь, русые кудри
Над моею больной головой...

и

Ах, зачем меня ты целовала,
Жар безумный в груди затая.
Ненаглядным меня называла
И клялась: «Я твоя, я твоя»

Представила картинку? Голоса из-под земли, встретились два одиночества...

К слову, в январе 2007 года я был в Большой Сазанке и мы с Владимиром Рычковым, местным краеведом, пытались определить место, где стоял когда-то романовский дом. Я рассказал ему этот эпизод, он тут же ответил: «А вот теперь я могу тебе точно сказать, где стоял дом твоего прадеда! Японским солдатам было категорически запрещено заходить в деревню, значит,

дом стоял на краю села, у мельницы, на самом высоком месте на берегу Зеи». Как и говорила бабуся!

Зимой 1920 года японцы, выдавливаемые наступающей с запада Народно-революционной армией, ушли.

К последнему вагону их эшелона, уходившему от белогорского вокзала, кто-то из деповских ребят привязал метлу, так они и уезжали – выметались, иноземная нечисть, с русской земли.

Этот эпизод с бешено бьющейся по шпалам метлой обыгран в заключительных кадрах фильма «Волочаевские дни» братьев Васильевых (их «Чапаева» знают все, а вот «Волочаевские дни» я и сам впервые увидел только вот в апреле 2014 года, а жаль, фильм здорово снят) – съёмки проходили в 1936 – 1937, так что в свидетельствах очевидцев недостатка у режиссёрской группы не было.

После оставления японскими частями Белогорска в расположении их военного лагеря была вскрыта могила, в ней были погребены 300 человек. 300 тел русских людей, исколотых штыками, со следами пыток. Было многолюдно, Павел Федотович взял свою 7-летнюю дочь на руки, чтоб ей всё было видно, и повторял только: «Смотри, Елена, смотри и запоминай...» Она запомнила: 312 гробов на руках несли по городу. Их похоронили в братской могиле у церкви¹.

В 1930-е годы на том месте была установлена каменная фигура плачущей женщины.

¹ Анатолий Иванько «По кодексу людоеда»: «Отрывок из книги Валентина Пикуля «Каторга»: «На гилляцких лодках, пешком или на вьючных лошадях, неся на себе детишек, через горы и непролазные болота в Александровск стали выбираться беженцы с Южного Сахалина, и поначалу никто не хотел верить их чудовищным рассказам о самурайских зверствах: «Они всех убивают. От них даже малым ребятам нет пощады. И ведь какие нехристи! Сначала конфетку даст, по головке погладит, а потом... потом головой об стенку. Мы все бросили, что наживали, только бы живыми остаться...» Беженцы говорили правду. Когда раньше в окрестностях Порт-Артура или Мукдена находили тела русских воинов, изувеченных пытками, японцы говорили, что это дело рук хунхузов китайской императрицы Цыси. Но на Сахалине никогда не было хунхузов, и жители острова увидели подлинный облик самурая. Именно здесь, на русской земле японцы решили беречь патроны: военных или дружинников, попавших в плен, они пронзали тесаками, а местным жителям отрубали головы саблями. По словам ссыльного политкаторжанина, только в первые дни нашествия они обезглавили две тысячи крестьян».

Деревни Мажаново, Сохатино и Ивановка на Сахалине сполна узнали, что такое настоящий путь Бусидо. Оккупанты сжигали дома вместе с людьми, зверски насиловали женщин, расстреливали и закалывали штыками жителей, мечами рубили беззащитным людям головы.

В 1918 году Япония начала интервенцию на Дальний Восток, грабительскую по целям и карательную по действиям. В Забайкалье население края сократилось с 55 тысяч до 30 тысяч человек. Во Владивостоке погибли семь тысяч русских. Только с января по апрель 1920-го на территории Амурской области оккупанты сожгли 25 сел вместе с жителями. Страшная резня была устроена японцами в Хабаровске в ночь с 4 на 5 апреля 1920 года. Проживавших в городе корейцев поголовно сжигали заживо.

Местным властям пришлось заключить с интервентами соглашение, прозванное «дальневосточным Брестом», о прекращении боев и отводе войск от японских гарнизонов и железной дороги, оставшейся под их контролем. Но в захваченных городах: Владивостоке, Хабаровске, Никольске-Уссурийском, Благовещенске – продолжались убийства, надругательства над живыми и мертвыми». <http://vpk-news.ru/articles/33931>

Торговли не было. Продовольствие постоянно конфисковывалось для своих нужд всевозможными проходящими войсками. А жить было надо. Несколькими раз прадед предпринимал «походы» в Якутию – мыть золото, дело очень опасное даже в то время, когда жизнь человека стоила не дороже винтовочного патрона.

Отوبرали дом в Большой Сазанке, вся семья переехала в Белогорск и, пока не позволили забрать их старый амбарный сруб, жили у родственников – им отдали под жильё отделение торговой бани.

Поставили дом, разбили огород, завели хозяйство – снова. Прямо возле дома росли сосны, Павел Федотович не разрешал даже ходить там – и после дождя прямо у крыльца можно было собирать грибы!

Там же, в Белогорске, летом в одном из озёр Павел Федотович как-то выловил самое настоящее «чудище морское» – речную амурскую черепаху с диаметром панциря в один метр! Вот уж настоящая диковина! Черепаху эту поместили в музей (сейчас и не знаю, не уточнил в своё время у бабуси: в белогорский или благовещенский), и на музейной табличке под этой черепахой было напечатано: «Дар П.Ф. Романова»¹.

¹ Как-то смущала всегда меня эта черепаха, да ещё и гигантская – в Амуре? И вот читаю новости в интернете: (<http://www.newsru.com/russia/26jun2015/turtle.html>) " В ЕАО пресса выяснила судьбу обнаруженной в Амуре гигантской черепахи-монстра (ВИДЕО)". Время публикации 26 июня 2015 г., 09:40.

В Еврейской автономной области блоггеры несколько дней обсуждают историю с обнаруженной в реке Амур гигантской черепахой. СМИ писали, что **грифовую черепаху** местные жители случайно увидели в начале июня, причём огромная рептилия пыталась нападать и кусаться.

Житель села Ленинское Евгений Чуркин выложил фотографии черепахи монстра в соцсети, подчеркнув, что никто её не ловил. По его словам, рептилия «непонятно откуда взялась, прожила с месяц, потом, когда Амур поднялся, она исчезла». Животное никто не обижал и не издевался, с ним просто провели небольшую фотосессию, отметил он.

Но некоторые комментаторы усомнились, что на снимках запечатлена реальная черепаха. При этом осталось непонятным, что стало с рептилией после встречи с людьми.

После бурного обсуждения в блогосфере участники знакомства с черепахой решили прояснить её судьбу.

Местные жители предоставили журналистам видеоклипы, на которых видно, что они отпустили рептилию в Амур, пишет в пятницу [ИА ЕАОMedia](#). Видео с гигантской черепахой ранее выложило на своём сайте [ИА «Порт Амур»](#), которое первым и рассказало о пойманном животном.

Мы её сфотографировали, сняли видео и отпустили. Ходили слухи, что мы ей причинили какой-то вред. Как можно увидеть на кадрах, ничего мы ей не сделали, и лишь подтолкнули к воде, чтобы она уплыла и не стала чьим-то супом», - рассказала агентству жительница села Ленинское Анастасия Стешина. По её словам, они даже сразу не поняли, что это черепаха, когда увидели её, так как рептилия была похожа на динозавра. На ролике видно, как мужчина, взяв черепаху за панцирь, несёт её к воде, потом подталкивает её ногой. Немного замешкавшись, рептилия вползает в реку и быстро уплывает.

Грифовая черепаха представляет собой единственный вид в роде *Macroclmys*. Роговые щитки карапакса (спинного щита панциря) у неё обычно образуют на спине три продольных пилообразных гребня. Задний край панциря сильно зазубрен. Рептилии имеют длину до 1,5 метров и массу до 60 кг.

Этот вид обитает в реках, прудах и каналах. Большинство особей проживает на юго-востоке США, главным образом, в бассейне Миссисипи. По рассказам очевидцев, когда черепаху берут в руки, она открывает пасть и одновременно извергает плохо пахнущую струю жидкости из анальных пузырей. Раздражённая рептилия может и укусить.

Питается черепаха рыбой. Добычу она ожидает, неподвижно лёжа на дне, полузарившись в ил, широко раскрыв пасть и высунув тонкий червеобразный кончик языка. Этот язык рыба принимает за малька, при попытке схватить его она оказывается в мощных челюстях черепахи. Грифовая черепаха используется наряду с каймановой для приготовления черепахового супа».

Вот такой оказался «привет с Миссисипи» – с разбежкой более столетия.

В 1934 году¹, прадеда арестовало ГПУ (Государственное Политическое Управление, до того эта организация называлась ВЧК, после станет известна как НКВД – МГБ – КГБ), он был репрессирован, получил 3 года лагерей, плюс, как тогда говорили *по рогам* – поражён в избирательных правах. Лагерь его находился в Комсомольске-на-Амуре – это он, прадед мой, «первостроитель» «города юности», а не «комсомольцы-добровольцы».

Я думаю, ему здорово повезло, если б его забрали попозже, он так легко бы уже не отделался: машина репрессий была ещё не «отстроена», не приобрела такого людоедски-трансцендентального облика, как это будет во второй половине 1930-х при наркоме Ежове. И сроков таких смешных у Ежова уже не было. Стандартно – 10 лет.

У бабуся даже получалось навещать его.

Конечно, он был подавлен тем, что происходило. Он говорил ей: «Все крыши высотных зданий, что ты видишь – моя работа. Куда ни за какие пряники не полезет вольный рабочий – туда лезу я. И безо всякой страховки... *Мы здесь – не люди...*»²

Ты знаешь, что меня больше всего задевает в нём, моём прапрадеде? В нём совершенно не было злобы, ненависти, столько раз потеряв всё, что создал честным (честным! своими руками!) трудом, столько раз чудом разминувшись со смертью, постоянно, ежечасно живя под угрозой ареста и лагеря, безвестной могилы, он никогда не ругал Советской власти, искалечившей его судьбу, не пошёл «в лес», мстить – а оружие-то у него было и стрелять он умел, он только говорил: «Ну, что же делать?.. Может, так надо...». Не веруя в Господа Бога, он был образцовым христианином.

Когда его освободили, они с прабабушкой («новый» дом, из бывшего амбара, Советская власть тоже отобрала) решили уехать подальше от родных мест, где все их знают. Поселились они в Сибири, в Канске, опять, в который раз поставил прадед дом, опять завели хозяйство, огород, оборудовал себе слесарную мастерскую: он ведь был отличный жестянщик, мог и самовар запаять, и кастрюлю залудить, самогонный аппарат сделать, крышу жестью покрыть – потому он в Комсомольске и занимался кровельными работами, а не

¹ В IV томе «Книги памяти жертв политических репрессий Амурской области» в строке под номером 15 222 записано: «**Романов Павел Федотович**, русский, 1882 г.р., уроженец с. Томское Серышевского р-на. Проживал в г. Белогорске, торговец. Постановлением тройки ПП ОГПУ ДВК от 19.02.1934 осужден, как СВЭ (т.е. бессудно – ни по какой статье никакого Уголовного Кодекса. Мой прадед, как и сотни тысяч русских людей не были преступниками, и им нечего было поставить в вину, поэтому «тройка» присваивала им «ли-тер»: АСА – АнтиСоветская Агитация, или КРА – КонтрРеволюционная Агитация, или ЧСИР – Член Семьи Изменника Родины. Мой прадед оказался СВЭ – Социально Вредный Элемент. – Е.К.), к 3 годам концлагерей. Реабилитирован 02.12.1957 постановлением президиума Амурского облсуда. Дело П-73877».

² К слову. В Комсомольске-на-Амуре, мне рассказали, существует легенда – не легенда о «голодном бунте» и «двух вагонах». В Комсомольские лагеря гнали преимущественно уголовных, политических всё больше на Колыму везли. То есть контингент в Комсомольске известный был – блатные. И вот где-то в 1933 – 1934 эти «первостроители» взбунтовались: дайте баб! Поэтому, собственно, бунт и назван «голодным». Далее легенда гласит, что НКВД наловило по Москве «два вагона» «баб» - проституток, воровок и доставило «первостроителям» по железной дороге. Всё на благо людей. Что правда, что ложь судить не берусь, за что купил – за то продаю. К чему я это рассказываю – для иллюстрации слов Павла Федотовича: «не человек» он был не только для конвоя и чекистов – этих, по лизоблюдскому выражению Горького, «инженеров человеческих душ», но и для большей части своих союзников – блатной сволочи.

лес валил. Тётя Лиля вспоминает этот дедушкин дом: заходишь сразу в просторную горницу, направо и налево две комнаты, а в горнице – половину её занимает русская печь, настоящая, с полатями, у окна обеденный стол, правее стоит кровать бабушки с дедушкой, в левом свободном углу на полочке стоят иконы¹. Павел Федотович в Бога не верил, но жене никак не препятствовал ни молиться, ни к службам ходить, как сказала тётя Лиля «только улыбался в усы». А иконы... Маленький Славик, советский ребёнок, объяснял сестрёнкам: «Тише, тише, если будешь плакать – она обидится («Она», очевидно, это бабушкин образ Божией Матери! – Е.И.)... Это бабушкина актриса...» Майя Александровна, которая жила вместе с ними до 1946 года, говорит, что Агриппина Ивановна была истово верующим человеком, иконы у неё везде висели и был один небольшой, старинный, богато украшенный, тот самый от матушки доставшийся ей образ Божией Матери. Какой именно, она не знает. Агриппина Ивановна выполняла неукоснительно утреннее и вечернее молитвенное правило, молилась перед едой «мы сразу за ложки, а она на восток лицом станет, перекрестится, прочитает молитву какую-то и только потом садится за стол. Она и со мной выучила «Отче наш», и в церковь меня за руку водила. Павел Федотович был против, ворчал, но она не слушала, брала меня за руку, и мы шли в церковь. Ах, какая красивая церковь была в Канске! Службы длинные, я еле-еле выстаивала – на Троицу, на Яблочный Спас, Медовый Спас... Один раз в неделю она обязательно ходила в церковь. А на Троицу заставляла Павла Федотовича *не косить, а руками рвать* траву, и полы во всём доме были засыпан свежей, остро пахнущей травой»!

Интересно, что несмотря на свою прогрессирующую слепоту, Агриппина Ивановна читала! На церковнославянском она читала и раньше, молитвослов у неё был, со слов тёти Лили, с кожаными обложками в палец толщиной, а по-русски – она сама попросила – Славик и Володя Панов быстро её научили. Тёте Лиле запомнилась картинка, как бабушка *одним оставшимся зрячим глазом* с интересом читает «Порт-Артур» Степанова! Не самую тонкую книгу, хочу сказать. А её там волновали знакомые имена, знакомые, на слуху с детства события.

Там, в Канске, в сентябре 1946 года и умер мой прадед Павел Федотович Романов. Мама говорила, рак губы у него был.

А человек был исключительного здоровья, за всю жизнь знал только два лекарства: водка с солью «от живота» и водка с перцем от простуды, – всё!

¹ Бабуся из своего детства запомнила мамин обычай на Пасху, придя из церкви с освящёнными куличами, один из них ставить в красный угол под иконы. Там кулич стоял до самой Троицы. Многовековой этот обычай Дымченко привезли с собой на Амур с родины, с Украины. Ничего подобного я не встречал ни (даже!) в «Ладе» В.И. Белова, ни в «Лете Господнем» И.С. Шмелёва. Это только наше, *кровное!*

И вот спустя почти столетия после смерти моей прабабушки Агриппины Ивановны Романовой (Дымченко в девичестве), этот обычай воспроизвёл себя во мне, её правнуке – возвращаясь от литургии в Великую субботу домой, я ставлю кулич на полочку под образ Троицы, где он и находится все 50 дней до праздника Троицы. И значит обычай не умер вместе с последней Дымченко, моей прабабушкой, ведь мёртвое не может воспроизводить себя!

Прабабушка Агриппина Ивановна, я только 13 января 2010 года услышал от тёти Нины, Власюк Нины Максимовны – никто никогда мне ранее об этом не говорил, – умерла 2 февраля 1972 года («За день до твоего рождения», – подчеркнула тётя Нина) в Доме ветеранов в г. Комсомольск-на-Амуре. В интернате для слабовидящих, по версии М.А. Адиян. Она ослепла под конец жизни. Такой семейный «скелет в шкафу». При живых дочерях. Сказала, что туда её устроил, используя свои связи, Валентин Романов.

В январе 2007 года я совершенно неожиданно для себя побывал в Амурской области – в составе инструментальной группы Ансамбля амурских казаков Н.И. Супрун. Я не могу передать свои ощущения, когда в один из вечеров, после очередного концерта (а их было по 2 – 3 в день), нам сообщили, что завтра будет всего один концерт – в *Большой Сазанке*! Несколько минут я был просто – это буквально, – не в состоянии выразить свои мысли с помощью языка! Я не мог ожидать такого, это был шок, какой-то ступор, я не был бы удивлён больше, если б объявление предвещало завтрашний концерт, к примеру, «на острове Буяне в царстве славного Салтана». Во-первых, то, что в советское время рассказывала о дореволюционной жизни бабуся, само по себе было уже легендарным, сказочным, непривязываемым к какому-то конкретному пространству-времени. А потом: гражданская война, интервенция, «год великого перелома» – 1929-ый, – 10 миллионов лучших крестьян заплатили своими жизнями за сталинскую индустриализацию; 1937-ой, война, хрущёвские «реформы», уже окончательно и бесповоротно уничтожившие русскую деревню, 90-е годы XX века, демократия и либеральные реформы, когда было разграблено и попросту исчезло и то, что сохранила Советская власть, 26,5 миллионов в виде «русского креста».

Ты понимаешь, мне никогда в голову не приходило, слушая бабусины рассказы, что Большая Сазанка – реальная географическая данность, спокойно сосуществующая в одной системе географических координат, в одном временном потоке со мною.

Мы отработали концерт в 2-х отделениях на сцене Дома культуры Большой Сазанки, а сразу после, когда Нина Ивановна представляла коллектив, она и мне дала слово, и я со сцены, при стоящем хоре, говорил в зал своим землякам (думаю, не будет неправильным называть их земляками, хоть ни я сам, ни родители мои никогда там не были) о своих прапрадедах Федоте Федотовиче и Иване Парамоновиче, о Павле Федотовиче, о бабусе – в общих чертах то, что успел рассказать тебе. Меня слушали! Хлопали.

А после концерта меня познакомили с очень интересным человеком – Владимиром Рычковым, преподавателем местной школы, он собрал в школьном музее неожиданно интересную коллекцию минералов и археологических артефактов, найденных при раскопках в районе села, а также записи рассказов старожилов села, фотографии первопоселенцев, образчики материальной культуры XIX – начала XX века, со времени появления на этой территории маньчжурского населения. Теперь в его музее будут представлены и мои прадед и прабабушка Павел Федотович и Агриппина Ивановна Романовы! Я

несколько дней посвятил реставрации тех фотографий начала века, напечатал и отправил их в Большую Сазанку.

Мы с Владимиром очень содержательно поговорили, осмотрели экспозицию, и вынуждены были расстаться – меня, увы, уже ждал автобус, график концертов не оставлял мне времени. Владимир, впрочем, любезно пригласил меня приехать летом, пожить у него недельку, узнать всё поподробнее самому, потрогать своими руками. А уже наутро он позвонил и сообщил, что нашёл в своих записях упоминание о Романовых, немного: мой прадед «дружил с «Кунстом и Альберсом»» (он именно так выразился; «Кунст и Альберс» была известная на Дальнем Востоке торговая фирма с филиалами в Благовещенске, в Хабаровске, во Владивостоке); и что жительница села Марфа Очкарова (?) в своё время рассказывала ему, что Романовы всегда честно и сполна платили за работу, и в магазине у них всегда можно было взять товар в долг. Самое же интересное (для меня, конечно) Владимир сказал в конце разговора: «А всё-таки, старoverы они были!..»¹ – мы с ним поспорили накануне. И тут я всё понял, всё сошлось: мне бабуся рассказывала и тётя Лиля, что у бабушки Прасковьи Романовой всегда у пояса на цепочке была приспособлена личная ложка, а в тумбочке у кровати стояла личная кружка! Ну, конечно же, она по старой вере ходила, ведь только старoverы, древлеправославные при контактах с остальным миром, с православными в том числе, так щепетильны в вопросе личной гигиены – всегда пользуются особой, исключительно своей посудой во избежание «осквернения». Мне в наше время несколько раз знакомые рассказывали, что в наших приморских старообрядческих деревнях и до сих пор сохраняются такие порядки, что можно зайти, попросить воды напиться, и тебе никто не откажет, вынесут кружку с чистой водой: «Пожалуйста». Но после того как ты выпьешь воду и вернёшь кружку – ей уже пользоваться никто не будет. Её тут же выбрасывают в помойку!

¹ Спустя почти полтора года после нашего знакомства в письме от 27 марта 2008 он пишет: «Насчёт Большой Сазанки. С 1680-х годов здесь стояли маньчжуры, гарнизон и ссыльные Цинской империи, преступники. Находился посёлок в северо-западной стороне села и назывался Пекан, что значит «поселение, стоящее среди деревьев, дающих ореховые плоды». Столица Китая Пекин – переводится как «поселение, стоящее среди травянистой растительности (луговой)». До этого поселения здесь жили дючеры (чжурчжени) и дауры. Старoverы пришли сюда в 1864 году – семейские, из Забайкалья. Село Бардогон – севернее села Б. Сазанка – было центром дальневосточной епархии старoverческой церкви. Все сёла по реке Зея были основаны старoverами: Черемхово, Свежиловка (?), Сретенка – чёрные старoverы, они поклонялись своим могилам, Москвитино, Малая Сазанка, Новгородка, Бородогон, Казанка, <неразб.>, Большая Сазанка, Введенновка, Белоногово, Молчаново. Здесь были поповцы, беспоповцы, семейские и чёрные. У нас в Большой Сазанке старoverы поселились в центральной части, между маньчжурами и дючерами. Их приняли, жили дружно, правда, скот пропал: они, маньчжуры и дючеры, не доили коров, породы скрестились и попортились».

Первыми поселенцами были Паршины, Романовы, Маликовы, Фроловы, Маковичевы, Ельчаниновы, Лымарь, Контомировы, Кондратенко, Марченко, Сохранные.

Малосазанские старoverы называли своё село М. Сазанка, а наши – Б. Сазанка, рядом Пекан – селение маньчжуров и дючеров. В 1873 году пришли первые поселенцы из Донской губернии, Красноярского края. В 1898 году была освящена православная церковь и школа при этой церкви (18 сентября). На освящении присутствовали священник Н. Чистяков, наблюдатель школ А. Гаркин, окружной начальник В.Н. Толзуков и военный губернатор К.Н. Грибский. До 1889 г. всех старoverов либо «перекрестили», либо выгнали казаки в северные сёла. С 1883 г. были столкновения православных с маньчжурами, со старoverами, за землю, за луга и простая неприязнь».

Но это – каноны бытового поведения, может они покажутся странными, может, смешными, но в сути своей старообрядчество очень интересное, я бы сказал специфически русское духовное явление, и я не могу отказать себе в удовольствии немного познакомить тебя с ним, тем более, что это *наша с тобой* история.

Началось старообрядчество, «староверчество» в истинном его понимании, конечно не с Великого раскола конца XVII века, его философские, психологические корни гораздо глубже и древнее расхождений во внешней стороне богослужения, различий в монастырских уставах и церковных текстах, это – только проекция, тень проблемы на видимом нам историческом фоне.

К.В. Чистов в трудах Карельского филиала АН СССР, 1962 год, вып.35, опубликовал тексты 3-х основных редакций «Путешественника»: «Беловодье лежит за морем в Опонском (Японском) царстве и расположено на многих островах. Живут там русские люди, убежавшие ещё во времена Алексея Михайловича, спасаясь от Никона-еретика».

«В тамошних местах татьбы и воровства и прочих противных закону не бывает. Светского суда не имеют. Управляют народы и всех людей духовные власти».

«Войны ни с кем не имеют: отдалённая их страна».

«И всякие земные плоды весьма бывают изобильны, родятся виноград и срачинская пшеница (т.е. рис)»

О священниках и епископах говорится: «и все служат они босы».

С. Калмыков в статье «В поисках зелёной палочки»¹ говорит: «Русское слово «правда» не имеет аналогов в западноевропейских языках. Оно не покрывается ни английским *truth*, ни французским *verité*, ни немецким *Wahrheit*. Эти слова охватывают лишь правду-истину, а есть ещё правда-справедливость и правда-праведность. Вот только часть определений этого слова в словаре В.И. Даля: «Правда – истина на деле, истина во образе, во благе; справедливость, праведность, безгрешность...»

«Как изображает Достоевский идеально счастливое состояние людей? Тут важны два момента: 1) никакого государственного устройства; 2) никакой техники и промышленности. Рай ассоциируется с жизнью древних греков. Как-то в «Дневнике писателя» Достоевский обмолвился: «Золотой век ещё весь впереди... а теперь – промышленность».²

И в Российской империи, начиная со времён Алексея Михайловича и Петра I, и в СССР старообрядчество описывалось как тупое нежелание понять очевиднейшие вещи, а сами старообрядцы в этих писаниях всегда выступали то ли фанатиками, то ли сборищем идиотов. Только в 1905 году, когда многое, всегда бывшее «нельзя», стало всё-таки «можно», оказалось, что большая часть русских предпринимателей – старообрядцы. Самая активная, самая современная, самая предприимчивая часть национальной буржуазии – Миллю-

¹ В книге ««Вечное солнце». Русская социальная утопия и научная фантастика (вторая половина XIX - начало XX века)», М., «Молодая гвардия», 1979, С.10

² В книге ««Вечное солнце». Русская социальная утопия и научная фантастика (вторая половина XIX - начало XX века)», М., «Молодая гвардия», 1979, С.19

ковы, Гучковы, Прохоровы, Солдатенковы, Грачёвы, Рябушинские, Третьяковы – все, как один, старообрядцы. В начале XX века 64% всего торгово-промышленного населения Российской империи имели предков-старообрядцев. В начале XX столетия только купцы-старообрядцы умели вести дела так, что вытесняли из торговли немцев, армян и евреев. Купцы же, сторонники официального православия, как правило, проигрывали иностранцам и иноземцам.

Так чего же всё-таки хотел Никон? Не что он декларировал, а чего же он хотел на самом деле?

Фактически, если не принимать всерьёз разного рода заверений, он хотел только одного – послушания и покорности.

В итоге русские люди разделились не просто на старообрядцев и новообрядцев. Дело не в обряде. Ничуть не в меньшей степени русские люди разделились на послушных и непокорных.

Послушные были готовы отказаться от права участвовать в решении сложных бытийных и философских проблем и от какой-то части социальной, даже хозяйственной самостоятельности. Сказали вышестоящие, что прежние книги – неверные? Значит, неверные. Велела правящая Церковь, а с ней и государство, креститься тремя перстами? Значит, так надо.

Непокорные отказываются понимать, почему за них должны принимать решения власти – будь то государственная администрация или церковная верхушка. Они намерены сами решать, что для них хорошо, а что плохо. Старообрядцы весьма однозначно, весьма категорически отвергают любое навязывание им идей или образа жизни. Да, они отстаивают консервативные формы быта (в точности, как английские пуритане). Но это были *их* нормы быта. Они их сами устанавливали и сами намеревались ими распоряжаться.

И принципиально – хотя формы быта они отстаивали *как пуритане*, но в том-то всё и дело – русские старообрядцы, староверы, древлеправославные христиане не являются ни аналогом, ни экстраполяцией на русскую духовную почву европейского протестантизма, это – принципиально. Пользуясь политической терминологией, различие их в том, что протестанты критикуют католическую церковь *слева*, а древлеправославные официальную православную церковь – *справа*! Европейский протестантизм и русское старообрядчество различаются таким образом диаметрально. И судьба у них у каждого своя: женское и педерастическое «священство» протестантов не имеют никаких, даже микроскопических соответствий в современных русских древлеправославных сообществах.

Евангелие от Матфея, глава 7, стихи 16 - 20:

По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы?

Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые.

Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые.

*Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь.
Итак по плодам их узнаете их.*

Старообрядчество, по мне – это выражение тоски по «потерянному раю», мечта о Беловодье, городе Леденце, сокрытом в глубине озера Светло-яра граде Китеже – это тоска по Богу, по обретению Царства Божия здесь, на земле, невозможность далее существовать по волчьим законам этого мира. На протяжении столетий эти люди выражали активное неприятие пьянства, табакокурения, воровства, прелюбодеяния, вообще существующих нравственных устоев общества¹, *мира*, что и заставляло их сниматься с обжитых мест, бросать дом, землю, могилы предков и гнало незнаемо куда – на восход солнца, через тысячевёрстье тайги, безлюдье, до самого края земли, до Великого океана. И дальше – до Калифорнии добрались русские староверы в поисках тишины и спасения от грязи этого мира, – это они создали Русскую Америку.

Романов Виктор Павлович (1901, с.Томское – † декабрь 1937).

Мальчик в гимназической форме на фотографии: фуражка, гимнастёрка, ремень с форменной бляхой. В 1930-х годах был главным инженером шахты «Кивда-Копи» в Райчихинске. У него случился какой-то инцидент с парторгом завода, бабуся говорила, что тому нравилась жена Виктора Вера, редкой красоты женщина, высокая, с роскошным чёрным волосом... Она была лет на 10 младше мужа, а тот постоянно занят – работа... Не знаю, что там было, но парторг этот просто доводил его, «не успевал новые доносы строчить», – говорит тётя Лиля. Ну и почувствовав предстоящий арест, прекрасно представляя, что его ждёт в этом случае, Виктор Павлович Романов покончил жизнь самоубийством. Он застрелился в начале декабря 1937-го.

У них с женой Верой Корнеевной Доброй родились сын и дочь – Валентин и Виталина (все на «В»).

На том история не кончается: прошло всего несколько месяцев – и этот парторг женился на вдове своего «крестника», стал отчимом его детям. Его имя Константин Павлович Кузнев.

Тётя Лиля говорила, что они с бабусей даже как-то были у них дома в гостях.

Валентину, его сыну – бабуся не один раз это говорила, – никогда не рассказывали об этих обстоятельствах.

Романов Валентин Викторович – кандидат исторических наук, профессор. У меня в библиотеке есть его книга «Становление педагогического обра-

¹ П.И. Мельников (Андрей Печерский) в своей монументальной книге из жизни русского раскола пишет: «Его товарищи по золотому делу были все кабацкие богатыри, набившие карманы спаиванием народа смесью водки с водою и дурманом... Не лежало к этим людям сердце Сергея Андреича, стал он смотреть, как бы подобру-поздорову да прочь от них... Раскольничья кровь заговорила... Известно, что во все времена винных откупов ни один раскольник (а между ними много богачей) не осквернил рук прибытком от народной порчи. Был один... но того старообрядцы считали за прокажённого». – П.И. Мельников (Андрей Печерский) В лесах. М., Правда, Библиотека «Огонёк», 1963. С.303

зования в Приамурье» (Хабаровск, ДВГГУ, 2006), сборник статей «Очерки истории общественных движений и политических партий России» под его редакцией, с автографом: «Раисе Максимовне на добрую память от брательника. 13.II.1994». Это он маман написал, она посещала какие-то двухгодичные курсы по психологии у него в институте – он долгое время был ректором Хабаровского Государственного педагогического института. Позже, будучи на пенсии, он продолжал оставаться советником ректора ДВГГУ¹. Умер 29 ноября 2011 года, на 83-ем году жизни, после тяжёлой болезни.

Его дочь Виктория работала в том же институте (он сейчас ДВГГУ – гуманитарный университет) проректором по научной работе, потом уехала в Москву. Сын Виктор.

Романова Александра Павловна, Шура (30 августа 1903 – 25 мая 1991).

На общей фотографии Александра Павловна стоит за спиной отца.

Как и младшая сестра Мария, училась в благовещенской женской гимназии. Закончила её уже в советское время. Тётя Лиля сказала «педагогиче-

¹ Цитирую прямо по изданию: *Время и события. Указатель-календарь по Дальнему Востоку на 2004 год.* Хабаровск. 2003: В.В. Романов (1929) один из «старейших организаторов высшей школы на Дальнем Востоке, советник ректора Хабаровского педуниверситета, профессор, действительный член Академии социальных и общественных наук РФ и Международной Академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности (МАНЭБ). Родился в семье шахтёра в посёлке Кивда-Копи (ныне г. Райчихинск, Амурская обл.) Трудовую деятельность начал с 1948 г.: работал литсотрудником в городской газете «Горняк», воспитателем горнопромышленного училища, секретарём комитета ВЛКСМ угольного разреза «Аллочкин отрог» треста «Райчихуголь». В 1953 г. С отличием окончил Хабаровский пединститут и работал учителем истории в средних школах № 59 и 63 г. Хабаровска. Последующая трудовая деятельность связана с работой в аппарате Райчихинского горкома партии в качестве инструктора, затем зав. отделом. С 1959 г. В.В. Романов вновь в Хабаровске: редактор многотиражной газеты «Вымпел» судостроительного завода, зав. отделом Индустриального райкома партии, секретарь парткома ХабИИЖТа. С 1964 по 1967г. Учился в Москве в академии общественных наук при ЦК КПСС, которую закончил с отличием и был направлен в Хабаровскую ВПШ. В 1968 г. Избран зав. кафедрой ХабИИЖТа. В феврале 1970 г. Назначен ректором Комсомольского-на-Амуре пединститута. Ректорская стезя для В.В. Романова оказалась продолжительной, на протяжении 30 лет он возглавлял педагогические коллективы Комсомольского-на-Амуре пединститута (1970 – 1980) и Хабаровского пединститута (1980 – январь 2000). С его именем связаны несомненные успехи в совершенствовании подготовки учительских кадров, развитии материально-технической базы и научного потенциала руководимых им вузов. Возглавляя продолжительное время Ассоциацию средних и высших учебных заведений Дальнего Востока и Забайкалья, он многое сделал для превращения Хабаровского госпедуниверситета в научно-методический центр высшего педагогического образования в Дальневосточном регионе... За заслуги перед государством он награждён орденами «Знак Почёта», Трудового Красного Знамени, орденом Дружбы, тремя медалями. Он является обладателем ведомственных знаков: «Отличник народного просвещения», «За отличные успехи в работе», «Отличник просвещения СССР», «Почётный работник высшего профессионального образования России», «За заслуги в укреплении российско-китайской дружбы» и др. В.В. Романов – почётный профессор Хабаровского государственного педагогического университета, почётный член учёного совета Комсомольского-на-Амуре педагогического университета, почётный профессор Харбинской Академии общественных наук, профессор педагогического института г. Линь провинции Шаньдун КНР.

См.: Романов В.В. Из истории становления системы образования в Приамурье/ В.В. Романов. Хабаровск: Изд-во ГОУ ВПО ХГПУ, 2003. – 146с.; Романов В.В. Предвоенный кризис мировой политики и начало второй мировой войны (1939 – июнь 1941гг.)/ В.В. Романов// Политическая история Отечества (от середины XIX века до наших дней): Курс лекций. – Хабаровск, 1992. – С. 180 – 205; Романов В.В. Проблема военных конфликтов и современность (социально-исторический очерк)/ В.В. Романов //Актуальные проблемы современной цивилизации. – Хабаровск, 1996. – С. 33 – 58; Романов В.В. К истории вопроса о создании в Хабаровске классического университета / В.В. Романов //Гуманистические идеи в отечественном историко-педагогическом опыте. – Хабаровск, 2002. – Вып. 3. – С. 103 – 118.

ское отделение» гимназии – с правом преподавания в начальных классах. Потом учительствовала – она учитель начальных классов.

По словам её дочери Майи, гимназия давала превосходное образование, мама знала латынь, прекрасно говорила по-французски, по-немецки. Позже, уже в Александровске-Сахалинском Александра Павловна закончила педучилище.

Жалованье учительское, как и сейчас – и сто лет спустя ничего не изменилось, – было скромным, и приходилось искать приработок на стороне.

А в то время на территории Приамурского края процветали обширные китайские плантации опийного мака: за речкой, в Китае, с этим делом, видимо, было строго, вот мак и выращивали на русском берегу. И столько его было, что рожь едва не перестала родиться – это в житнице Дальнего Востока! Её поражала какая-то болезнь и вскоре, в советское уже время, мак сеять запретили.

На эти плантации, к китайцам, и нанималась на работу подённо старшая бабусина сестра Александра – сборщицей опия. В день она зарабатывала 50 копеек: по словам бабуси, для её сестры – учительницы – это были деньги.

Процесс сбора опия выглядел так: нераспустившуюся маковую головку аккуратно надрезали по спирали специальным ножом и соскабливали стёклышком выступающий белый сок, быстро буреющий на воздухе – опий, уже готовый наркотик.

Интересно, что маки продолжали расти, распускались, только лепестки их цветов были совершенно белыми. Целые поля белых маков – какая картина.

Муж Александры Павловны Александр Александрович Адиян (латыш, хотя фамилия странная для латыша!¹) (25 января 1903 – 1948) в семье был старшим из 4-х братьев: Константина, Николая, Владимира. Следующий по старшинству за ним Константин в своё время был начальником строительства тоннеля под Амуром². Сам Александр Александрович, когда они жили на Сахалине, в Александровске, работал главным бухгалтером арковской шахты.

По словам Майи Александровны Адиян, её отец был сотрудником ГПУ, контрразведчиком. Работа бухгалтером была его официальной «леген-

¹ Майя Александровна рассказала, что мама его полька, Франческа Дементьевна, фамилию она не помнит, католичка (естественно), а отец латыш, сирота, воспитывался у людей на хуторе Рында, был садовником, и фамилию ему придумал хозяин хутора от имени своей собаки, её звали Найда – прочитать наоборот, получится Адиян и смягчить «А» до «Я» - Адиян. Там же влюбилась в него прекрасная пани Франческа, вместе они подали прошение к русским властям, чтобы уехать им жить на Дальний Восток, получили разрешение и уехали. Майя Александровна в 1946 – 1947 году в их доме в Куйбышеве-Восточном (Белогорске) до пожара, уничтожившего его, видела эту грамоту, на мелованной гербовой бумаге, с золотым то ли обрезом, то ли рамкой, разрешение на проживание в России от Императора Александра III. Майя Александровна такую вещь мне сказала: за время их пути из Польши на Дальний Восток у них *родилось и умерло трое детей*.

² Уникальное инженерное сооружение стратегического для России значения, тоннель под Амуром (во время строительства – стройка №4 НКПС) – однопутный железнодорожный тоннель протяжённостью 7198 метров на Транссибирской магистрали, в Хабаровске. Является единственным подводным сооружением на железных дорогах России. Толщина водного слоя над тоннелем в некоторых местах достигает 14 метров. Технический проект тоннеля был разработан в 1937 году, а 12 июля 1941 года по тоннелю прошёл первый пробный поезд со строителями. В постоянную эксплуатацию введён 25 октября 1942 года.

дой», позволявшей ездить в «командировки». Рабочее место его находилась в Доме Красной Армии (ДКА) – это тот самый наш кинотеатр «Октябрь», куда мы ходили кино смотреть, не сумевший пережить «демократию» и сгоревший дотла в новейшее время. Начальником этого Дома Красной Армии был человек по фамилии Черномордик (Майя Александровна запомнила), и тоже не совсем простой директор ДКА, а непосредственный руководитель А.А. Адияна по ГПУ. Она рассказывала мне интереснейшие вещи про то, что отец её во время войны исчезал – «уезжал в командировку» – а на самом деле ходил за линию фронта, за 50-ю параллель, в японский тыл. Вот ведь какие вещи узнаются спустя 70 лет. Да и откуда бы тогда он наряду с немецким и французским (это-то понятно – мать полька, видимо, с немецкой Польши, неплохо играла на скрипке¹, жена закончила классическую гимназию) знал японский язык? И вот, в очередной раз возвращаясь с японской стороны, нарвался на японский патруль, или их контрразведка тоже «мышей ловила», в общем, пришлось ему побегать, попетлять, несколько суток просидеть, только нос над водой, в болоте, пережидая погоню, а иногда полностью погрузившись, дыша через камышинку. В том сахалинском – японском ещё – болоте он заработал себе открытую форму туберкулёза. Но история на том не закончилась. Вышел на нашу сторону он не в своём оговоренном «коридоре», а где получилось. Был задержан – человек в прифронтовой полосе без документов, в военное время! – и помещён – в лагерь – не в лагерь, в Александровске на какой-то сопке отдельно стоящее рубленое здание, огороженное колючей проволокой. Майя Александровна рассказывала, как мама привела их сестрой к этой «колючке», приподняла проволоку и ей пришлось проползти внутрь, чтоб передать отцу что-то из одежды. Он вышел, взял, но тут же прогнал её – нельзя тут находиться. Черномордик, непосредственный начальник Александра Александровича, был в Москве в это время, а это не 8 часов лёта, как сейчас, а несколько суток с пересадками – если у человека вообще была возможность летать военно-транспортной авиацией – а другой и не было. Смысл в том, что подтвердить личность Александра Александровича и легальность его нахождения в полосе фронта мог только Черномордик. Вот и пришлось А.А. Адияну посидеть за колючкой то ли как шпиону, то ли как дезертиру, в общем, до выяснения личности. Атмосфера была гнетущей, никто не шутил, Александр Александрович потом говорил, что его чётко подводили под расстрел.

По возвращении Черномордика события стали развиваться поживее. Александра Александровича сразу отпустили и, поскольку туберкулёз его

¹ Мне эту её скрипку демонстрировала сама М.А. Адиян, когда я заехал к ней в гости по пути из Хабаровска в Углегорск. В прорезь «эфки» внутри корпуса чётко читались типографски отпечатанные буквы: Antonius Stradiuarius Cremonensis и строчкой ниже: Faciebat Anno 1716. Чуть ниже справа внутри двойной окружности, под знаком, по-моему, равностороннего, греческого креста стояли литеры А и S. Скрипка была в нерабочем состоянии, без струн, но совершенно целая, хорошо сохранившейся. По центру нижней деки была инкрустированная перламутром розетка, вверху и внизу нижней деки инкрустированные трилистники. Честно сказать, меня сразу как-то, во-первых, напрягла инкрустация, тем более, несколько, на мой взгляд, грубоватая, а во-вторых, выраженная широкослоная структура дерева, из которого была изготовлена верхняя дека: это и на балалайке нехорошо, а тут - Antonius Stradiuarius всё-таки.

зашёл далеко, «кровью уже харкал», по выражению Майи Александровны, его вместе с семьёй эвакуировали с Сахалина. Девочки даже школу не закончили: Майя заканчивала второй класс, Галина – первый. Прямо в первых числах мая 1944 года, *на военном корабле* их вывезли во Владивосток. Майе Александровне запомнилось, что их, девчонок, закрыли в каюте капитана, и разговаривать на корабле было нельзя, только шёпотом! Война, однако! Половина Сахалина южнее 50-й параллели – провинция Карафутто Японской империи, обладающей огромным линейным и авианосным флотом, сравнительно с которым советский Тихоокеанский флот можно было считать статистической погрешностью.

Из Владивостока по железной дороге семья доехала до Хабаровска, прожив неделю в Хабаровске, у брата А.А. Адияна Константина Александровича, начальника дистанции пути советско-гаванской ветки, в его доме в железнодорожном городке, двинулись в Сибирь, в Канск, к Павлу Федотовичу и Агриппине Ивановне.

Я специально заострился на вопросе, не исчезал ли Александр Александрович из Канска «в командировки»? Нет! Ни на один день не покидал он Канска! Это я нашёл контрдовод против версии младшей дочери А.А. Адияна Руфины Александровны (родившейся, к слову, именно уже в Канске), что туберкулёз её отец получил «не в японском, а в китайском тылу», т.е. в Маньчжурии. Получается, что нет, никак не мог он быть в Маньчжурии – не отлучался он из Канска, да и человека «харкавшего кровью» уже ранней весной 1944-го, трудно представить опять в болоте.

Приехали в Канск, в деньгах стеснены не были, купили полдома, шведскую корову, красно-коричневую – Красуля! Одни рога метр двадцать длиной, пастухи в стадо отказывались брать, Павел Федотович с Александром Александровичем пилили вдвоём, пришлось. И молока она давала аж 40 литров. Купленная бабусей в самом начале войны корова Белуха давала всего 12 литров, зато была добродушна, доить себя позволяла спокойно и не пыталась норов свой иностранный показать, как Красуля (рог метр двадцать – жуткая картина!), даром что у Белухи один рог кривой был, а второй прямой.

Занялся Александр Александрович хозяйством: фотографией занимался (а также из красной кровяной соли – компонента фотографического проявителя – делал синьку для использования в стирке белья, на продажу), мыло варили с Павлом Федотовичем.

Помогал высланным калмыкам проводить бухгалтерскую отчётность, они с ним рассчитывались мукой, шкурами. Вот тесть с зятем в специальной землянке, в чанах вымачивали эти шкуры (опять же фотографический фиксаж используется в процессе дубления, это я сам знаю!), очень мягкие получались, шили кожаные рукавицы, шапки, конскую упряжь, чинили сапоги...

Александр Александровичу (по его «профессиональным» связям) выделили большие покосы. Сеяли просо, овёс, молотили цепями – коров кормить. Помог тестю оформить права на индивидуальную трудовую деятельность – всё шло в дело: творог, сметана на продажу, из муки пекли ватрушки

с творогом и картошкой – девчонки на станции продавали. Покупали муку на те деньги, тем и жили. Две семьи: пятеро взрослых, пятеро детей. Война.

Майя Александровна комментировали свои «успехи» в «бизнесе»: за вёдра, подойники (производства Павла Федотовича) просили 30 рублей, так Галина, сестра, и за 35 продавала, а я – смотрю – за 10 продала... Пирожки по 3 рубля, а Галя и по 5 заворачивает!

Продолжалось всё это недолго. Что случилось, как так могло произойти, и, главное, почему – не знаю. Просто изложу как услышал от Майи Александровны: Венедикт Романов, подделав, будто бы, подпись Александра Александровича в зарплатной ведомости, получил крупную сумму денег. И с этого момента обе семьи – Романовых и Адиян разошлись. Не добром.

Тётя Тома возражает: «Мая облагородила папу своего, это понятно. Никакой дом они в Канске не покупали, на какие шиши в то время?! А выселили деда с бабушкой в сараюшку, это выражение деда, там он и скончался от туберкулеза адияновского, а не от рака губы. У него был рак на щеке и ему успешно вырезали в госпитале, где тогда бабуся работала, белорусские чудоспецы эвакуированные. Адиян работник НКВД – миф. Алкоголик он был, это да».

Тётя Лиля также категорически отвергла эту картину произошедшего. Начиная прямо с сотрудничества А.А. Адияна с ГПУ. Она утверждает, что тот был сильно пьющим человеком. Я не хочу описывать детали, но – сильно пьющим, так, что обе сестры Александры Павловны – И Мария Павловна и бабуся моя, по словам тёти Лили всегда сочувствовали ей – муж-алкоголик. Хотя Майя Александровна так же категорически утверждает обратное, максимум, с её слов, чему она была свидетелем, как поссорившись с Павлом Федотовичем после «пассажа» Венедикта, он брал её, дочь, за руку и уходил из дому, они шли в какую-то шофёрскую «чайную», Александр Александрович брал себе «полстакана водки», выпивал их и потом они «долго-долго молча сидели за столом, иногда он только сильно вздыхал, но молчал – и я молчала».

Свою характеристику Венедикта как «честнейшего человека», тётя Лиля ещё и ещё раз – удивительно, как эмоционально – подтвердила мне. А это та область, в коей компетенция тёти Лили, в моих глазах, абсолютна. Кроме того, тётя Лиля говорит, что и бабуся, и Мария Павловна, и тётя Тома, – она лично слышала, – в частных разговорах называли А.А. Адияна виновным в ранней смерти Павла Федотовича. Тётя Тома рассказывала, что мама (бабуся моя) в 1945 – 1946 получила письмо от отца, прочитала его, спрятала, по своей привычке под клеёнку на стол, сидит и плачет. Тётя Тома достала письмо и прочитала. Павел Федотович в нём сетовал «как жаль, Лёлочка, что ты уехала» и сообщал, в частности, что живущая у них в доме дочь Шура с мужем и детьми фактически выжили его из собственного его дома, и он живёт то ли в бане во дворе, то ли в неотапливаемой пристройке. Там Павел Федотович и заработал туберкулёз.

Прокомментировать не могу: информация из двух источников диаметрально противоположная.

Боря Итунин пишет: «Сегодня звонил Руфине, она опровергла моё художественное переосмысление истории: А. Адиян не был репрессирован, он был показательно арестован за «дезертирство» (уклонение от военной службы в погранвойсках, ввиду неявки по повестке). В то военное время это было серьёзное преступление, посему долго волынили с признанием досадного недоразумения.

Туберкулёз он подхватил действительно в болотах, только не в японском, а (версия 2) китайском тылу».

Не знаю!

У Александры Павловны Романовой (брак их зарегистрирован не был, поэтому – Романова) с Александром Александровичем родилось трое детей. Старшая Майя Адиян (фамилию в браке она не меняла), средняя Галина – это её мужа Анатолия Итунина¹ (он умер незадолго до того) видела во сне накануне смерти дяди Вити (В.П.Шипицына) бабуся.

Мне об этом сне тётя Тома рассказала. Бабуся уже не вставала с постели и не разговаривала, но недели за две до его (дяди Вити) смерти вдруг села на кровати чётко, громко произнесла: «Нет, нет, нельзя такие сны видеть... Пришёл Толя Итунин и забрал Витю с собой». А на 9-ый день после дяди Вити умерла и бабуся.

Бабуся несколько раз брала меня с собой на Хор, в Переяславку – мы ездили навещать родню, её сестёр. Я помню даже своих братьев, троюродных, получается, Бориса и Олега (его Аликом называли). Борис Итунин позже закончил какой-то, не помню, институт во Владивостоке, он гидроакустик по военной специальности, если не ошибаюсь. Работал звукорежиссёром ансамбля «Дальний Восток», сейчас он звукорежиссёр Хабаровской краевой филармонии.

И младшая дочь Александры Павловны – Руфина. Муж её погиб, детей у них не было.

Семейная «сплетня»: где-то в 60 – 70-х годах представитель «Ингосстраха» нашёл Руфину Адиян и сообщил, что некий американский родственник в завещании отписал ей какую-то денежную сумму. Руфину Александровну по этому поводу даже вызывали в Хабаровск. Она отказалась вступить в права наследства, объяснив свой шаг тем, что человека этого не знает и ей ничего не нужно. Да и трудно, на самом деле, было представить другой оборот событий в советское время. Ну и, естественно, её членство в КПСС и её журналистская работа во многом, если не в основном, определили этот шаг.

¹ Отец Анатолия Борисовича Итунина, по словам Майи Александровны, Герой Советского Союза, похоронен на Украине, в Черновцах. Тётя Лиля же особо заметила мне, что ни сам Анатолий Итунин, ни его мама никогда, нигде, ни одного раза не упоминали об этом факте. Тётя Лиля говорит, что «надо знать Клавдию – если бы её муж был Героем Советского Союза, то об этом знал бы не только весь наш барак, но и вся улица и половина Южно-Сахалинска».

Не знаю, к месту, нет, а вдруг? Само имя *Руфина*. Может, в нём заключена какая-то тайна? Имя-то откровенно еврейское; Майя Александровна утверждает, что родителей её назвать девочку Руфиной просила бабушка Франческа Дементьевна (напомню, полячка, а поляки антисемиты похлеще украинцев), – более, чем странно. Девочку Руфиной, а мальчика, если родится мальчик, Рудольфом. И девочку назвали Руфиной, но она пяти лет от роду умерла от менингита, тогда появилась вторая Руфина Адиян. Как-то загадочно всё.

Боря Итунин о своей бабушке Александре Павловне (она у него, оказывается, тоже *бабуся!*): «В семейной памяти сохранились несколько любопытных эпизодов, мож сгодятся.

В селе Большая Сазанка, году этак в 1910-м, у нашего прадеда Павла Федотовича ночью загорелся дом. Сильный пожар, всеобщий переполох, паника, суматоха. Только наутро, после тушения, вдруг спохватились – семилетняя Шура исчезла! Нашли её лишь через сутки в семи километрах от села, в соседней деревне.

По воспоминаниям Александры Павловны – она, потрясённая, в глубоком шоке, без памяти бежала прочь от огня, не ведая ни времени, ни расстояний.

В 1927 году Александру Павловну приняли учителем - воспитателем в детскую трудовую коммуну (по типу Макаренко¹) в п. Свободный. Контингент ещё тот: беспризорники, дети репрессированных – крайне обозлённые, циничные, жестокие (к/ф "Республика ШКИД"). Новую воспитательницу стали "пробивать на гниль" в соответствии с царящими там нравами – мазали класс фекалиями, подносили к лицу раскалённую кочергу, поджигали шубу. Убедившись, что «училка» не «стучит» и не «сдаёт» – отношения нормализовались.

После смерти третьего ребёнка Александру Павловну направляют в Крым для лечения глубочайшего стресса (1940 год. – Е.К.). Оттуда, уже по служебным делам, она едет в г. Москва, в наркомат образования. Там её приняла лично Н.К. Крупская! Надежда Константиновна одета была очень просто и, несмотря на крайнюю усталость, разговаривала приветливо и доброжелательно. Александра Павловна, как и её дочь Майя Александровна, удостоены звания «Заслуженный Учитель РСФСР».

Романова Мария Павловна, Маруся (3 (?) января 1905 – † чуть ранее сестры Шуры, открытая форма туберкулёза).

На фотографии Мария Павловна стоит, положив маме руку на плечо.

Тётя Лиля недавно рассказала, что муж её, Владимир Панов был купцом, даже владельцем золотых приисков.

¹ С удовольствием вспомнил одну из любимых книг моего детства – толстенную, с картонной обложкой, «Педагогическую поэму» А.С. Макаренко, перечитанную мною раз пять. Наряду с «Поднятой целиной», «Петром I», «Старой крепостью», «Севастопольской страдой», «Молодой гвардией»...

После войны они жили в Южно-Сахалинске. Единственный их сын Евгений погиб в драке, где-то в Чите, было ему тогда 25 лет.

Боря Итунин пишет: «Из всех сестёр Маруська была самой красивой, бесшабашной и разбитной. Она любила петь и танцевать, была заводилой в компаниях (на пару со своей приёмной дочерью). Поменяла аж три мужа.

В 1950 году Мария Павловна приехала в г. Холмск. На пути с вокзала домой ей попала цыганка и предсказала убийство её сына. Маруся серьёзно восприняла пророчества гадалки и отправила сына Женю от греха подальше – на строительство железной дороги Абакан-Тайшет. Там он и женился, но судьбу пережить не удалось: его убил пьяный сторож».

Романов Сергей Павлович (сентябрь 1909, Большая Сазанка – 6 октября 1937).

Любимый брат бабуси, неперенный участник её детских игр, развлечений и бед, тот белоголовый мальчик, прижавшийся к отцу.

К слову сказать, я с детства частенько рассматривал эту фотографию и только полгода назад, зимой, когда реставрировал её для музея в Большой Сазанке, вдруг увидел на ней ружьё! Понятно, мне приходилось здорово увеличивать картинку, но ружьё и так прекрасно видно, оказывается: смотри, Сергей обнимает его правой рукой, оно достаёт ему до уха. Невольный член семьи и, как и положено, в III акте оно выстрелит.

После отца Сергей самый упоминаемый и эмоционально окрашенный персонаж детских впечатлений его младшей сестры.

Крепкий, здоровый – кровь с молоком, хулиганистый – не по злобе характера, а от переполненности жизненными токами, красивый парень. Вот он запрягает коней, катает сестрёнку на санях: разгонится на спуске, поворот покруче заложит, и Лёлька на полном ходу летит в сугроб.

Снег пушистый, колючий и очень чистый – в лёлкином, как и в моём, её внука, детстве снег был белым и чистым – его и в конце марта можно было есть, когда тебе жарко и хочется пить, а игры с товарищами настолько захватывающие, что о том, чтоб забежать даже на минуту с улицы домой и речи быть не может. Он был очень вкусен и питателен, этот снег детства.

Брат смеётся, но придерживает коней, ждёт её. И пожаловаться нельзя – больше не возьмёт кататься. Он и рад стараться, гонит коней так, что сердчишко его крошечной сестрёнки обмирает и бьётся где-то в животе. Но она молчит: она боится, ей страшно, но удовольствие скорости, снега, новизны перевешивает страх!

Все мы родом из детства, я думаю, для всех самые первые, отрывочные, наполовину сказочные и невероятные впечатления раннего детства – самое драгоценное, что есть в жизни. Это то, что человек будет видеть в минуты самого пронзительного, *последнего* одиночества, умирая – и уйдёт страх. Эти удивительные, сияющие солнечным светом, как солнце только в детстве сиять может, сверкающие новизной, нетривиальностью окружающего картины детства могут всё. Они, лёжа глубоко на дне души, придают че-

ловеку остойчивость, непотопляемый душевный покой – надо лишь не забыть: *это было!*

За то жуткое и великое столетие, что легло меж той жизнью и вот этой, настоящей секундой, когда твои серые глаза бегут по этим строчкам (у Максимилиана Александровича Волошина – более чем полного тёзки твоего прадеда, – есть роскошная строчка:

Теперь я мёртв, я стал листьями книги
В твоей руке...)

случилось *столько* и *такого*, сколько, наверное, за всю историю России, начиная с появления Рюрика в Ладоге! Но теперь и ты видела эту волшебную картинку катания на санях по заснеженной вечерней приамурской равнине, и значит она уже прописана в вечности: *«однажды увиденное не может быть возвращено в хаос никогда»*.

Бабуся любила тебя. Тебе 3 месяца было, накануне вашего с мамой отъезда на Сахалин я специально принёс тебя к ней – познакомиться.

Итак, Серёжа, будущий «комсомольский вождь» (бабуся так сказала) и будущий сталинский зэк.

Шутки его порой были свойства весьма странного: убедил как-то сестрёнку, Лёльку, что ей нужно наточить зубы, и тогда, мол, она сможет щёлкать орехи в своё удовольствие хоть мешками, как белка. А точить их надо на наждачном кругу, и он ей, так и быть, поможет. «До сих пор помню, как он кричал: «Тятенька, не надо, тятенька, я больше не буду!..» – отец порол его *вожжами* так, что даже мама, успокаивающая закатившуюся в плаче дочку, не выдержала, бросилась отнимать сына, испугалась, что забудет его насмерть.

А как-то на Пасху Серёжа принёс домой целое ведро «крашанок» – крашенных пасхальных яиц. Ты же знаешь это пасхальное развлечение – чокаться «крашанками»? Проигравший – тот, чьё яйцо разбивалось, должен был отдать его выигравшему. Но тут же целое ведро, что с ним делать? И холодильников никаких никто не знал, кроме ледника в погребе, а главное – кур-то в России крестьянин никогда по головам не считал: может, сотня их у него, а может – две? – у всех свои хозяйства, свои куры несутся – некуда яйца девать, а он ещё ведро чужих принёс... Сказочное везение, впрочем, вскоре объяснилось – то заветное «непобедимое» яйцо у Серёжи было из гипса! И опять был бит отцовским ремнём: не мошенничай.

Постарше стали, уже в Белогорске – ходили с Серёжей в молеальный дом к молоканам, на «экскурсию». Понятно, что люди чужие пришли, косятся на них, но ничего – не гонят. А те – что вокруг делают, то и они: молокане свои гимны поют – и Сергей подвывает что-то в тональности, вокруг начинают как-то странно двигаться – «радеть», и они так же. Потом не выдержит, рассмеётся и – давай Бог ноги, пока по шее не получили.

Помнишь о ружье, стреляющем в III акте? Странная история, я слышал её от бабусяи один-единственный раз, даже дату записал – 13 июня 2000. Уди-

вительная история. Но какие у меня есть основания не верить ей? Рассказ получился связный, с обилием деталей.

Дело было в 1923 году. По бабусиным словам, Сергею было 12 лет (хотя в 1923-ем ему исполнялось 14). Как ты уже знаешь, дома держали оружие – охотничьи ружья, Павел Федотович сам охотился и сыновей учил обращению с оружием, уже в 12–14 лет они самостоятельно ходили на охоту.

В тот самый день Сергей решил пройтись по сопкам поискать рябчиков: собрался, снарядил себе патронов, маме сказал, что пойдёт поохотиться, – ружьё мы пока оставим стоящим у стены.

Напротив дома Романовых жила семья с тремя детьми, фамилии их бабуся не вспомнила, только имена детей – Витя, семи лет и его младшие сестрёнки Люба и Мила.

И вот в это самое время Витя зашёл домой к Романовым, бабуся прямо отметила, что ей бросилась в глаза белизна его волос и рубашка, свежая, только надетая, тоже – белая-белая, она даже спросила его:

– Витя, ты чего такой белый?

– А мама нас моет. Меня первого, и сказала: «Иди пока к Романовым», – сейчас девочек моет.

В доме кроме них в тот момент была ещё девочка Маруся, она приходилась Вите тёткой, хотя была всего на год старше племянника, она ему и говорит:

– Уходи отсюда, что ты ходишь за нами? Уходи, вот я тебя сейчас застрелю.

И взяв оставленное Сергеем ружьё, Маруся прицелилась в Витю, он уворачивался, убегал, но понимая, что девочка шутит, возвращался. Вошёл Сергей, увидел, бросился отнимать у девчонки оружие – не игрушка же, – и тут – выстрел...

Заряд дроби в упор превратил лицо мальчика в месиво, лоб остался цел, ниже, от глаз до зубов, не было уже ничего.

Бабуся почему-то два раза отметила, что одновременно с выстрелом во двор с улицы вошли отец с мамой.

Витин дедушка, Павел Федотович позже рассказал ей, на коленях умолял врачей умертвить мальчика. Собственного внука. Он мог бы жить, никакие жизненно важные органы не пострадали, но – без глаз, носа, зубов и щёк. Такая история.

Женился Сергей Романов на своей двоюродной сестре Кате Карташовой. И говорили им все, что нельзя родственникам жениться, да они не слушали никого и правильно делали – жили душа в душу. Только на этом сказка и заканчивается, потому что в сказках полагается жить дружно и умереть в один день.

В 1937-ом Сергей Романов был арестован и осуждён на 10 лет лагерей по «легендарной» 58-ой статье. Статья 58, пункт 10 УК РСФСР предусматривала ответственность за «пропаганду или агитацию, содержащие призыв к свержению, подрыву, ослаблению Советской власти... а равно и распростра-

нение, или изготовление, или хранение литературы того же содержания». А вот что говорит А.И. Солженицын о применении сталинской юстицией этой статьи: «И оговаривал этот пункт (10-ый. – Е.К.) в мирное время *нижний предел* наказания, верхний же не ограничивался.

Расширения: дружеская (или даже супружеская) беседа с глазу на глаз, или частное письмо, «призывом» – мог быть личный совет, «подрывом и ослаблением» – была всякая мысль не совпадающая или не поднимающаяся по накалу до мыслей сегодняшней газеты. «Изготовление литературы» – всякое написание в единственном экземпляре письма, записки, интимного дневника»».

Бабуся дважды ездила к брату в тюрьму, в Красноярск.

Каменные мешки приёмных комнат, до половины выкрашенные зелёным или коричневым стены, темно, воздух несвеж. Говорят, что служебные конвойные собаки не реагируют на обычного, вольного человека, – только на зэка – от него исходит чёткий, очень определённый запах – запах тюрьмы. Мне несколько раз доводилось бывать в таких местах: в детстве, в Ясном, наш дом стоял через дорогу от Нижнего склада – рабочей зоны, я ходил гулять туда, позже – в училище, в институте бывал с концертами – и в Южно-Сахалинске, и под Хабаровском, в Заозёрном, и на женской, и на мужских зонах, да и у Антона на свиданиях, – могу сказать твёрдо: тюрьма, неволя имеет свой особый, узнаваемый запах. Запах зла, беспросветности, беспощадной обнажённости, незащитности, – а ведь я всегда знал, что закончится концерт и через час, много полтора я буду уже за забором, *на воле*, но от этого гнусного вездесущего запаха, от грязных *тюремных* стен, от отчаянно сияющего солнышка на пронзительно-голубом небе, от весенней капли *за* решёткой, настоящей, не бутафорской тюремной решёткой, меня покидали все силы.

А тогда, в 1937-ом, было в сто, тысячу раз хуже.

Длинные, бесконечные, молчаливые вереницы женских очередей, никто не смотрит в глаза, не разговаривает, только два-три слова вполголоса по делу, и опять гулкое молчание, только подчёркиваемое тихим кашлем и эхом шарканья ног. Муторно, еле-еле, тянется время.

Передачу принимают не у всех, редко, может, у одного из десяти, остальным сержант из окошка бросает: «В списках нет. Следующий». В списках нет – понимай, как знаешь: может, на этап погнали, а может, и на свете человека уж нет, лежит с пулей в затылке в безвестной братской могиле. Все уже знали: «10 лет без права переписки» – эвфемизм «высшей меры социальной защиты» – расстрела: не было, не было в лагерях людей с такими приговорами.

В первый раз передачу у бабуся не взяли, она приехала ещё, беременная сыном Славиком выстояла на ногах всю огромную очередь, дошла до окошка:

– Следующий...

– Пожалуйста, Романов Сергей Павлович, 1909 года рождения...

Шелест замусоленных страниц тюремного журнала, сержант медленно ведёт пальцем по списку, ищет... Нашёл! Поднял голову, внимательно посмотрел на её лицо в окне:

– Вы ему кто?

– Сестра.

– Ожидайте, вас вызовут.

И уже опустил голову, опять уткнувшись в журнал:

– Следующий...

Она отошла, встала у тусклого казённого окошка, замазанного почти доверху известью, приготовилась ждать, обрадованная – значит, живой, узнает что-то о Сергее!

Вдруг видит она какого-то человека, он идёт вдоль очереди и негромко спрашивает:

– Кто здесь к Романову? Кто к Романову?..

– Я к Романову.

Человек обернулся, приблизился к ней, наклонился и свистящим шёпотом, от которого, бабуся сказала, у неё волосы зашевелились, – одними губами, глаза в глаза:

– Идите отсюда, идите отсюда, уходите, уходите...

На враз ставшими ватными ногами, потихоньку, потихонечку, по коридорчику до двери, по стеночке, по шажку до ворот, за калитку и – без памяти бросилась бежать.

Кто он был, этот человек? Почему он спас совершенно незнакомого человека, рискуя тут же отправиться не домой к жене, детям и уже приготовленному ужину, а в камеру, на этап, в лагерь? Этот его совет незнакомой девушке мог очень дорого стать ему.

А бабуся благополучно вернулась в Канск, к родителям, в том же 1937-ом у неё родился сын.

У родителей в Канске был небольшой домик, огород. В России как-то так повелось, что огород и уход за скотиной – женская «вотчина», мужчина занимался серьёзным делом: пахал, сеял, убирал хлеб, заготавливал сено, лес, дрова, а женщина обихаживала свои грядки да коров со свиньями и прочей домашней живностью. В Канске Павел Федотович огородом занимался исключительно сам, и бабуся говорила – ни соринки, ни травинки на его огороде нигде не увидеть было лишней. Стайку построил, тёплую, с предбанником. Погреб-ледник выкопал, двухэтажный, с двойными стенами с засыпанной между ними солью – и сыро там никогда не было и холод держался до конца августа. Сделал пристройку к дому – оборудовал себе мастерскую – он на все руки мастером был, мой прадед: земледелец и купец, отличный жестянщик, самовар, кастрюлю залудить, ведро запаять, трубу, подойник или самогонный аппарат сделать. Бабуся говорила, что как-то устроился в магазин рубщиком мяса – никто лучше него не мог правильно по сортам разрубить тушу, а во время войны, в самое голодное время он из туши сдохшей

коровы по всем правилам сварил мыло, а мыло в войну на рынке стоило сумасшедшие деньги.

Прялку, прялку сделал, и Майя Александровна Адиян рассказывает, что она сама пряла пряжу, да хорошо так получалось: детские пальчики тонкие, и пряжа тонкая выходит!

Вскоре, в том же недоброй памяти 1937-ом, в калитку вошёл незнакомый человек, спросил Романова. Павел Федотович вышел на крыльцо: «Я Романов...». Они зашли в мастерскую – прошла, может, минута – человек этот вышел один и, не оборачиваясь и не прощаясь, исчез за воротами. Кто он был? Откуда пришёл? Куда ушёл?

Через некоторое время из мастерской вышел и сам Павел Федотович, какой-то ссутулившийся, придавленный: «Мне сказали, чтоб Сергея не ждали. *Из их этапа до Игарки не дошёл никто...*»¹

В 1913 году Д.И. Менделеев, тот самый, автор Периодической таблицы химических элементов, издал книгу «К познанию России». К своему удивлению, я без труда нашёл её в краевой научной библиотеке – это серьёзное социологическое исследование, охватившее многие стороны жизни России и русской нации. Так вот Менделеев сделал вывод, что при существующей на тот момент динамике развития этноса к 1950 году количество русских (не россиян – русских) достигнет 300 миллионов. А их едва насчитали 150.

По некоторым данным людские потери России с 1 августа 1914 года – даты объявления Германией войны России по 25 октября 1922 года, когда части Народно-революционной армии вошли во Владивосток, составили 21 млн. человек. Из них лишь 7 млн. приходится на долю мировой войны. Всё остальное – Гражданская война, красный террор, белый террор, т.е. русские люди убивали друг друга. Потом будет «год великого перелома» – 1929-ый – «раскулачивание» – геноцид русского крестьянства – крестьян уничтожено будет в полтора раза больше, чем немцы со всеми их «лагерями уничтожения» и гетто в войну уничтожат евреев! Потом и 1937-ой, бесстрастная справедливость истории – под нож пошли и сами «комиссары в пыльных шлемах», кто сам в Гражданскую стрелял и рубил.

Я о другом: всё это вместе привело к тому, что русский народ как динамичный, развивающийся этнос перестал существовать. Мы – «последние из могикан».

А хочешь анекдот из 1937 года, настоящий?

¹ В VII томе «Книги памяти жертв политических репрессий Красноярского края» записано: «**Романов Сергей Павлович**. Род. в 1909 в Амурской обл. Приамурской губ. Из семьи раскулаченного. Техник-строитель. Проживал в г. Канске. Работал десятником на строительстве моста. Арестован 04.05.1937, содержался в Канской тюрьме. Обвинение во вредительстве. Приговорен 05.10.1937 тройкой УНКВД КК к ВМН (Высшая Мера Наказания. – Е.К.). Расстрелян 06.10.1937 в г. Канске. Реабилитирован 15.11.1957 ВТ СибВО (П-8275)». А мост в Канске, за «вредительство» при строительстве которого расстрелян Сергей Романов, стоит по сию пору. А что ему делается?

Вечер. Семья сидит дома. Вдруг – звонок в дверь. Поглядели друг на друга: кому идти? Самый старый – дедушка. Пошёл он открывать, до-олго шаркает по коридору, снимает цепочку, возится с замком. Вдруг – бежит обратно, радостный, ноги за ним не поспевают: «Не волнуйтесь! – кричит, – это – пожар!»

У Сергея Романова с Катей родился сын Виктор, в бабусином альбоме это тот симпатичный военный моряк. Это не анекдот – он умер после благополучно проведённой операции по удалению аппендикса. Хирург «забыл» инструмент в брюшной полости, так и зашили.

У Виктора Сергеевича Романова осталась дочь Тамара, одно время она работала начальником паспортного стола в Чегдомыне.

Романов Венедикт Павлович, Виня (14(27) марта 1911, с. Михайло-Чесноковское – † 1964 – 1965, пос. Хор, района им. Лазо, Хабаровского края).

На фотографии он стоит между отцом и мамой.

Ребёнком он был болезненным, плаксивым (поэтому, наверное, мамин любимчик) и необщительным, играть с ним дети не любили. Главный объект «развлечений» и шуточек братца Серёжи – не повезло, в общем, парню со старшим братом!

Пути их с бабусей пересекались сравнительно часто. Перед войной – Александровск-Сахалинский, после войны, уж и не скажу точно: то ли Новотымовск, то ли Макаров, то ли Южно-Сахалинск, потом, в 1960-х – посёлок Хор.

Всю свою жизнь он проработал бухгалтером, недавно тётя Лиля что-то вспомнила его: «Честнейший был человек, честнейший и порядочнейший». В устах тёти Лили это, надо сказать, серьёзная рекомендация!

Из его четверых детей: Эдуарда, Эммы (родилась 5 января 1939), Лидии и Виталия бабусе запомнился младший, Виталий. Из Комсомольска-на-Амуре его на государственный счёт отправили учиться в Москву. Там он и остался работать, в каком-то жутко засекреченном «почтовом ящике» под Москвой.

Бабуся

Ну, вот я и пришёл к центральному месту моих «мемуаров» – бабуся, Волошина (Романова) Елена Павловна. Кажется, я столько о ней знаю, на роман хватит, но это иллюзия, простое перечисление фактов, событий жизни даст две, много – три страницы, главное, основное, ради чего только и стоит браться за ручку и бумагу, остаётся за краем, невысказанным – как я её люблю.

Итак, самая младшая из детей Павла Федотовича и Агриппины Ивановны Романовых – Елена, Лёля, Лёлька.

Родилась она в среду 9 (22) мая 1912 года в селе Большая Сазанка Томской волости, в доме на высоком берегу Зеи. Отец в то время по своим торговым делам был в Москве. Дали телеграмму, ответ не заставил себя ждать: девочку крестить Еленой. Ох, как не нравилось всё это маме, она считала, что именем Елена муж хочет назвать дочку в честь своей московской любовницы! Но – времена, слава Богу, были ещё патриархальные, делать нечего! Заглянули в святцы – ближайший день, когда новорождённую можно окрестить Еленой приходится только на 21 мая (ст.ст.), 12 дней пришлось ждать. А вот, сделаем отступление, её брат Венедикт родился слабым ребёнком, и сам батюшка советовал поспешить с крестинами – боялся, что младенец может умереть некрещёным.

Бабусины именины 21 мая (3 июня) на «Елену-огуречницу». Считалось, что, начиная с этого дня, можно было огуречную рассаду в открытый грунт высаживать.

Твой ближайший ко дню рождения «день ангела» 18 июля (5 июля по старому стилю), а крестили тебя 19 августа на Преображение, мой любимый праздник.

Вы шли толпою, врозь и парами,
Вдруг кто-то вспомнил, что сегодня
Шестое августа по-старому,
Преображение Господне.

Обыкновенно свет без пламени
Исходит в этот день с Фавора,
И осень, ясная как знаменье
К себе приковывает взоры.

У него есть и другое, народное название – Яблочный Спас. В старину в этот день несли в церковь святить первые яблоки нового урожая.

А у меня вот день рождения и день ангела совпадают: 3 февраля (21 января по старому стилю)! И ещё мой дед Максим Александрович Волошин родился 2 февраля, как и я (2 февраля на Украине, на Дальнем Востоке уже 3 февраля), а другой дед – Пётр Гаврилович Конченков умер 2 февраля (2 февраля в Риге, на Дальнем Востоке, опять же, уже 3-е). И прабабушка Агрипина Ивановна умерла за день до моего рождения 2 февраля 1972 года в Комсомольске-на-Амуре.

Подумать: моя бабуся родилась 9 мая 1912 года: расплавленное жёлтое солнце застыло в неподвижном синем небе, бесконечный чёрный звёздный купол ночи, тишина – тишина такая, что ушам больно, огромная, незабываемая, тысячелетняя Российская империя, время движется так медленно и неощутимо, будто его и нет вовсе, будто мы уже в вечности.

Всё перепуталось, и некому сказать,
Что, постепенно холодея,
Всё перепуталось, и сладко повторять:
Россия, Лета, Лорелея.

Россия, Лета, Лорелея...

А между тем всего-то месяц тому назад уже *случилось*. 15 апреля 1912 года ушёл на дно океана «Титаник». Огромный, технически совершенный, роскошный и абсолютно непотопляемый. «Сам Господь не сможет потопить этот корабль!» – сказал о «Титанике» его первый и последний капитан Эдвард Джон Смит. И в одной этой фразе отпечаталась вся суть, весь пафос европейской идеи прогресса. «Титаник» – символ торжества и устремлённого в бесконечность прогресса великой европейской цивилизации.

Но это было не *кораблекрушение*, это была грандиозная увертюра, пролог пьесы «Гибель эпохи», *символ преосуществления* в историческую материю гениального шпенглеровского прозрения «Заката Запада», «Заката Европы». Жуткое и прекрасное (именно так, эти два эпитета вместе!) зрелище начала конца, зрелище гибели великой, прекрасной и ужасной 300-летней эпохи, эпохи Модерна! Это был не звоночек, это был ясный и недвусмысленный первый колокол. И развязка, точка, последний такт этой увертюры-пролога, уже не замедлит! Времени ещё нет! Но 1 августа 1914 года – в этот мир пришло *время*.

Время – как *болезнь*. В черновых записях Ф.М. Достоевского: «Что такое время? Время не существует, время есть цифры, *время есть отношение* (курсив мой. – Е.К.) бытия к небытию...» 1 августа 1914 время пришло в мир.

Но – возвращаемся к новорождённой. Тем более, что я её люблю, эту новорождённую Лёльку, и нет сейчас для меня ничего приятнее, как вернуться к ней!

Крёстным отцом её стал друг отца, крупный железнодорожный чин. В мундире, при орденах, нёс он на руках девочку в церковь. Золотой крестильный крестик, его подарок, в голодные 1920-е спас всю семью от голода. В «Торгсине» за золото можно было купить всё, что угодно. Кроме того, крёстный преподнёс своей крестнице свой парадный, написанный маслом портрет и положил в банк на её имя 100 рублей, обязавшись каждый год добавлять такую же сумму. 100 русских дореволюционных, «довоенных» рублей были немалые деньги: 5 – 6 рублей стоила корова. Бабуся, со слов своей мамы говорила, что крёстный действительно делал вклады – аж до 1919 года. Неужели в 1919 году на русском Дальнем Востоке ещё существовала банковская система? Но эту цифру я переспросил!

А вернувшийся из Москвы отец привёз с собой первое приданое для новорождённой – парадный серебряный столовый набор, больше ста предметов. Последние ложки и вилки этого набора, продаваемые уже в Великую Отечественную, позволили бабуся кормить детей и покупать им на рынке какую-то одежду.

Опять «если бы»... Если бы не война, не революция... Младшую дочь Павла Романова ожидало завидное будущее. Старшие дети – Виктор, Шура,

Маруся учились в благовещенских гимназиях, про младшую, свою любимицу, Павел Федотович говорил: *«Елена будет учиться только в Москве»*.

Пытаюсь представить себе её родину – место, которое она впервые увидела своими детскими глазами. Увидела и удивилась – как всё красиво кругом, какие всё добрые и улыбающиеся лица вокруг, как солнышко ярко светит (а оно, Анюта, никогда уже не будет светить так, как когда тебе 3 года от роду), какой огромный, блестящий, переливающийся красками мир: «в лапу» рубленный из огромных, в обхват, чёрных листвяков дом на самом юру, на самом высоком месте над Зеей: смотреть вверх, по сторонам и даже вниз – небо, огромные белоснежные тюки облаков. Далеко внизу под ногами пыхтят, шлёпают по воде лапами колёс – плицами – пароходы, тянут-стараятся баржи: вверх по реке с мукой, мануфактурой, вниз – с лесом, рыбой, пушной и битым лесным зверем.

А вверху твой дом. Он весь залит солнцем через огромные окна. Мама хлопчет у русской печи, вкусно пахнет свежим хлебушком, молоком – это тёзка твоя Анюта, горничная, подоила утром коров, выгнала их на улицу – там деревенский пастух собирает стадо. Бабушка сидит у стола, что-то шьёт, переговариваясь с мамой, братья шастают со двора в дом и обратно – отец гоняет их по хозяйству, приучает к крестьянскому труду, чтоб не ленились.

Под крыльцом, в тенёчке дремлет лохматый рыжий пёс Полкан, иногда вскидываясь, клая пастью на надоедающих слепней. В загоне по зелёной травяной подстилке с визгом носятся, залезая друг на друга и тыкаясь во все щели мокрыми розовыми пяточками, полосатые поросята, в стайке стоят телята, они совсем маленькие, их рано выгонять на общее пастбище, тянутся мягкими тёплыми губами сквозь нагретые солнцем доски загона – они видят, кто им таскает конфеты и вкуснейший чёрный хлеб, посыпанный серой, грубого помола, солью. Огромный ленивый сибирский кот, спасаясь от «приглашений» поиграться взбалмошной, от горшка два вершка, девчонки в белом платочке, сбежал в дом, забрался на тёплую печь, на самый верх, на полати, угнезвился там и спит. Жизнь его удалась. Только изредка нехотя открывает он жёлтый разбойничий глаз, когда очередная дура-курица, громко квохча и бестолково хлопая крыльями, влетит по крылечку в горницу.

У ручейка за забором галдят утки, утка – это не курица, птица степенная, ходит себе, переваливается неторопливо. С ними другой случай был.

Как-то ни с того ни с сего уткидохнуть начали – чумка, болезнь такая, напала. Что делать? И Павел Федотович по чьему-то совету начал их лечить. В большое деревянное корыто насыпал отрубей, залил их чистым самогоном (!) и выставил во двор. Как это ни странно, уток не пришлось уговаривать, и они с удовольствием толкались у корыта, хлебали свое «лекарство». А потом началось... Можешь представить себе толпу пьяных, немилосердно орущих уток, выписывающих вензеля по всему двору, шатаясь и поминутно падая? Несколько их «не справились с управлением» и ручей унёс их в Зею, а вернуться самостоятельно, против течения, они не могли; несколько свалились в выгребную яму и там заснули, остальные валялись тут и там кверху лапами и

спали – самогон был добрый! И ведь больше ни одна не сдохла! Только утром они всё водичку пили и пили, не отходя от своего корытца.

Дом был действительно огромным, располагался он «покоем», занимая целый квартал. Половина дома была занята магазином. Во внутреннем дворе находился большой рубленый амбар. Та общая фотография 1914 года сделана на его фоне.

Потом, при Советской власти, дом с магазином у Романовых отберут, но односельчане, помня добро, позволят им забрать амбар. С помощью многочисленной родни его за один день раскидают по брёвнышку и на телегах вывезут. В Белогорске он станет их новым домом. В конце 1970-х бабуся с сёстрами ездили туда, посмотреть – дом стоял! Улица Маяковского, 18. Но внутрь новые хозяева их не пустили.

Но это будет потом, а пока – золотое времечко, беззаботное, безоблачное, бездумное...

Часто бабуся рассказывала, как ходила в отцов магазин конфеты таскать. Можно подумать, никто девушке конфет не давал. Нет! В магазине на самой верхней полке, под потолком, рядом с завёрнутыми в хрустящую синюю бумагу огромными сахарными головами, стояли большие круглые жестяные банки с леденцами-монпансье. Как она их оттуда доставала, такая кроха?

А отец потом удивлялся: дрова из поленницы во дворе набирает, и то тут, то там между поленьями кулёчки с конфетами спрятаны, ленточки, кружева какие-то из магазина... Это Анюта (их горничную девушку звали Анюта): «Хочешь, Елена, я тебе новую куклу сошью?..» Ну, ещё бы, хотел бы я посмотреть на трехлетнюю девочку, которая не хочет новую куклу! Но для этого надо пойти в магазин и взять из кассы бумажек – синих, зелёных, красных, а она, мол, за это из красивых лоскутков платиц для твоих кукол нашёт. Та и рада! Пока отец не заинтересовался. Бабуся говорила, что ей никогда и ни за что не попадало от отца, мальчишек он и ремнём воспитывал, и вожжами, случалось, когда за дело. А если виновной оказывалась она, то он только посмотрит на неё и скажет: «Ах, Еле-ена, ах, ты ме-ерзкая...»

Что характерно – горничную не выгнали, а как она плакала, винилась... Простили, безо всяких возмещений моральных и материальных ущербов. Буржуазная мораль обожествления частной собственности ещё не вошла в систему нравственных ценностей России. Мой прадед был не «бизнесменом», а купцом, плоть от плоти своего народа, единственного в мире назвавшего себя крестьянством – *христианством*.

Село Большая Сазанка было большим, мне и сейчас, спустя столетие (а может, после миниатюрных сахалинских посёлков) были удивительны его масштабы. Большие рубленые дома, там жили целыми семьями, в несколько поколений, огороды, поля – поля тянулись аж до Томского. Вместе с русскими в селе жили китайцы. На самом деле, конечно, никакие они были не китайцы, а дючеры – потомки чжурчженей и маньчжуры, с длинными, до земли, заплетёнными в косы волосами, в синих «бумажных» халатах. Русские

звали их «ходя» («Эй, ходя...») и «сопливые». Трудились они, как и русские, на земле, были из них и мелкие торговцы – всякой всячиной, зеленщики (по утрам на улицах раздавались истошные крики: «А попё-о-ор молодой!..» – лук!), мороженщики... Вот этих китайцев бабуся запомнила, разумеется, лучше остальных.

Мороженое они делали всевозможное, какое душе угодно: лимонное, ванильное, абрикосовое... Порция стоила полкопейки (помимо копейки в России существовала монета «полушка» номиналом, как ни странно, в $\frac{1}{4}$ копейки и «денгá», она и называлась «полкопейки» – $\frac{1}{2}$ копейки). Можно было заплатить продуктами – молоком, маслом, куриными яйцами. Хозяйства – куры, коровы были у всех, эти продукты и едой-то не считались.

Захотелось девушке мороженого – шасть в огород, пошла по грядкам, отыскала пару яичек и бегом к китайцу, а тот ей в бумажный стаканчик уже накладывает мороженое «на эту сумму»!

Делали они и различные сладости, «тянучки» – что-то среднее между жевательной резинкой и пастилой. Продукт готовился на месте, в присутствии покупателей: готовая масса сгущалась путём скатывания её на воздухе – китаец сидел на земле и на собственных коленях раскатывал готовое тесто в колбаски!

А поездки на пашню... Ты знаешь, обоняние связано с самыми глубокими и непознанными слоями подсознания. Любопытно, запах свежескошенной травы, запах свежееиспечённого хлеба вызывают сильнейшую реакцию, переживание чувства ностальгии даже у людей, ничего от роду не видевших, кроме «индустриальных джунглей», и слово «хлеб» у которых ассоциируется только с его пластиковой упаковкой.

«На пашню» – так это называлось, почувствуй, какое хорошее русское слово! В нём радость звучит, какая-то смиренная радость.

Она-то, Лёлька, маленькая была, для неё пашня не работа до седьмого пота и мозолей на ладонях была, а приключение, путешествие в огромный мир. Уезжают рано, вся семья, кроме мамы и бабушки – на них всё хозяйство. Солнышко ещё не встало, только-только светает, ещё по-ночному сыро, низины аккуратно, до краёв налиты белёсым туманом. Очень хочется спать, сквозь сон все прислушиваются – скоро ли будить будут? И от этой мысли, что вот-вот придётся открыть глаза, вставать, одеваться, куда-то ехать, что-то делать так становится жалко себя, что рожицы у всех вкушающих предутренний сон сморщенные, жалостливые, каждый спит-не спит и думает: «А вдруг обойдётся? А вдруг что-то случится и не надо никуда ехать? А вдруг отец сам проспит? Хоть бы забыли про меня...»

А отец, *тятя!*, уже на дворе, запрягает коней, укладывает в телегу под сено несколько караваев хлеба – их ночью испекла мама, кусок сала, завернутый в чистую тряпочку, мешочки с крупой. Звон укладываемого инструмента – топора, вил, нескольких кос, лопаты, точильного камня далеко разносится в тугом утреннем воздухе.

И весь день до сумерек крестьянский труд: пахота или боронование, посев или покос, жатва или скирдование – и тысячу лет назад, и две славяне жили этим трудом. Они, русские, славяне – землепашцы, не скотоводы, а потому люди мирные, они привязаны к своей земле, они её холят и обрабатывают, она их кормит. Землю нельзя просто так взять – и бросить. С ней надо жить, без неё – смерть.

У Михаила Осоргина в «Книге о концах» есть строчка: «...но ясен взгляд нехрабрых голубых славянских глаз...». Сколько их прокатилось по Русской равнине за тысячу лет: печенеги, хазары, половцы, монголы, татары, турки, литва, шведы, поляки, французы, немцы, – С.М. Соловьёв подсчитал, что мирного времени в истории России было менее трети, – и за всё это время у этой земли не было иного защитника, кроме человека, пашущего и обрабатывающего её. Русский, славянин по самой природе своей не солдат, хотя и нет в мире лучшего солдата, – все эти орды сгинули, а он – остался – на своей земле.

Надо ясно понимать, что русский крестьянин – не американский фермер, не «сельскохозяйственный предприниматель». Крестьянство, труд на земле – это смысл его существования, способ отношения к этому миру, оправдание своей жизни. Очень точно, пронзительно выразил эту мысль Янош Пилинский, венгерский поэт: «Я считаю созерцание самой активной, требующей наибольшей концентрации деятельностью человека. Леонардо утверждал: кто не уделяет достаточно места созерцанию, понапрасну теряет всё отпущенное ему время. При этом, очень напряжённое созерцание почти равноценно столь же напряжённому физическому труду. То, как крестьянин исполняет свою работу, есть духовное действие высочайшего накала. Он как бы сквозь тело своё получает знание. Тот, кто мыслит, никогда не мыслит только мозгом...»

Пока взрослые работали, Лёлька была предоставлена самой себе. Можно было поваляться в горячей, одуряюще пахнущей траве, – там был свой мир: рыжие веснушчатые саранки в низинах, какого-то невероятного, сумасшедшего фиолетового цвета васильки среди ржаного моря, небесно-голубые колокольчики в поле... Всё кишит жизнью: хлопчут от цветка к цветку толстые жёлто-чёрные шмели, тёмно-зелёные откормленные кузнечики, величиной с небольшой огурец, какие-то рогатые чёрные жуки взлетают, отвратительно жужжа. Еле ощутимый, но густой горячий ветерок путается в высокой траве. Печёт, – высоко в небе, над самой головой застыло косматое жёлтое солнце – древний славянский бог Ярила. Время умерло, течение его прекратилось. Оно остановилось, разлилось в мире – и нет больше ни прошлого, ни будущего, и кажется, что так и будет вечно: печёт, печёт даже сквозь платочек недрёманный лик Солнца, горячий ветерок, переплёт зелёных стеблей с кипящей там непонятной жизнью, да щебет птиц, скрывающихся от жары в тени лесной опушки.

По земле меж стеблями травы снуют рыжие лесные муравьи – недалеко, на опушке леса расположен их муравейник – довольно-таки солидная пи-

рамида ржавой прошлогодней хвои. Можно послонить соломинку и положить её на муравейник, муравьи тотчас же облепят её, примеряя, на что она сгодится в хозяйстве, а если через минуту соломинку достать, стряхнув муравьёв, она будет вкусно-кислая: это муравьиная кислота.

В лесу здорово: солнце не жарит, прохлада, тень, настоящих ягод – голубики, черники, малины ещё нет, рано, но костяника уже встречается, в тени у ручья всё усыпано её маленькими алыми гроздьями, сладководянистыми на вкус.

Как заведённая кукует кукушка, с куста на опушке щелкает-заливается соловей, дятел перелетает от дерева к дереву, постукивает, добывает себе обед. Сизый поползень, ничуть тебя не стесняясь, вышагивает вниз головою по стволу дерева – руку протяни! Невдалеке на лежащем замшелом древесном стволе расположился полосатый рыжий бурундук, что-то грызёт. Их здесь прорва, Лёлька уже знает – если посвистеть, то зверёк тут же оставит своё занятие, обернётся, удивлённо уставится на тебя блестящими, переливающимися чёрными бусинками: чего хотела? А если долго не шевелиться, то можно и зайца увидеть, летнего, серого, – он сломя голову выскакивает из лесу и как вкопанный останавливается посреди поляны – повернул голову – увидел девочку. Она разглядывает его. Интересно – ведь не каждый день видишь живого зайца, да ещё так близко. С минуту они смотрят друг на друга, но это только так кажется: не зря же зайцев в сказках зовут «Косой» – глаза у него находятся по бокам головы и видит он только то, что по сторонам. Поэтому, когда он смотрит на тебя – он тебя не видит! Но Лёлька этого не знает.

Так же внезапно заяц срывается с места и исчезает в лесу. Лёлька тоже бежит – рассказать отцу и братьям.

А вечером, после работы, Павел Федотович с сыновьями пройдут бредешком по краю озера, добудут лещей, сазанов на ужин, дочки уже хлопочут у котла – варится каша.

Потом настанет время чая. Уже нарвали на заварку молодых берёзовых листочков, дикой малины. Павел Федотович сворачивает себе сигарку – «козью ножку» из специальной, покупной бумаги, но со своим, особого какого-то сорта, собственноручно выращенным, сушёным и крошёным табаком.

Быстро темнеет, все собираются у костра под огромным звёздным куполом, чистым и нетронутым ещё человеком: ни спутниками связи, ни ракетами, ни трансконтинентальной авиацией. Они сидят вокруг потрескивающего, раздобревшего огня и слушают рассказы отца. Его низкий медленный голос как-то очень точно, будто всю жизнь только так и было, вплетался в треск угольков, лениво слоющийся дымок и чёрную бездну, полную влажных, дрожащих звёзд.

Порою среди рассказов случались и правдивые. Он ведь много ездил, Павел Федотович, от Петербурга до Владивостока, и от Якутии до Китая, он многое успел повидать. Говорил о Москве, далёкой, как Луна, её ярмарках с медведями и блинами, о горах северяги, осетров, сыров, буженины, икры чёрной и красной – чего только там не было. О последней невероятной но-

винке – синематографе, там под громкий стрёкот киноаппарата в оцепенелой тишине зала по белой стене двигались люди. Двигались, как живые, размахивали руками и что-то громко говорили, беззвучно, как рыбы, открывая рты.

Об аэроплане: птице – не птице, машине – не машине, из дерева и веревок, что сама собой летает по воздуху.

И аккомпанементом этим рассказам был дымок прогоревшего уже костерка, успокоившийся в темноте запах полевых трав, разворошенной земли да редкий всхрап, глухой переступ стреноженных, невидимых коней. И как сладко им спалось, наработавшимся за день, просоленным и загоревшим, на самом мягком в мире ложе: Лёльке – на отцовской руке, на телеге на свежем сене, братьям – на самой вершине мира – на макушке стога посреди огромного поля, под бездонным, бесконечным, до головокружения, опрокинутым чёрным куполом неба с бесстрастно мерцающими бесчисленными мирами.

Нам, выросшим при электрическом свете, трудно, почти невозможно представить себе ту, их жизнь. Отсутствие электричества означает, что улицы села ночью освещались только луной (не самый тусклый фонарь, по опыту могу сказать), а дома с наступлением сумерек вся жизнь сосредоточивается вокруг стола в гостиной. Большой обеденный стол, покрытый скатертью, а над ним – самое главное, что собрало всю семью вместе в это время – висит семилинейная керосиновая лампа с абажуром.

Сначала ужин, все расселись вокруг стола, посреди него стоит большая миска с супом. Ложки – деревянные, липовые, – лежат у каждого под рукой, но есть можно, только когда отец, первый, зачерпнёт своей ложкой. «Не лезь поперёд батьки...» – иначе твой лоб тут же попробует крепость отцовской ложки! Съели суп, только после этого можно доставать со дна миски мясо, очередность та же – сначала отец, а уж за ним и все остальные.

На лавке стоит пузатый, красной меди, полутораведёрный самовар. В него через дымовую трубу засыпают горящие угли, затем щепки или сухие еловые шишки – смолистые, они дают отличный жар, и сверху на трубу надевают обычный сапог и, работая голенищем как мехом, раздувают огонь. Приставляется самоварная труба – другой её конец, верхнее колено, задвигается в специально для самовара предусмотренное круглое отверстие в русской печи: собственный дымоход. Когда самовар закипит – запоёт, угли заливают водой, выгребают, отсоединяют трубу и сверху, на её место ставят заварочный чайник, оставшийся жар поддерживает его горячим.

Культура самовара, культура русского чаепития утрачена нами навсегда. Бабуся рассказывала, как отец после бани в субботу садился пить чай. Она утверждала, что он выпивал два самовара! «Сидит за столом, красный как рак, блюдце с чаем на распяленных пальцах («по-купечески!») – дует на чай, пьёт, пот с него градом катит, полотенце чистое на шее хоть выжимай от пота. Он его снимает, свежее ему мама подаёт, вскоре и оно мокрое, третье свежее полотенце накидывает на шею! И только тогда чаепитие подходит к концу!» А на Масленицу Павел Федотович запросто съедал *локоть блинов!* Тётя Лиля говорит: «Я не поверила, переспросила бабушку (Агриппину Ива-

новну – Е.К.) – как так «локоть блинов»? Бабушка поставила на стол локоть с вытянутыми вверх пальцами и говорит: «Вот-те крест, вот такую стопку съедал!»¹ Из гастрономических пристрастий отца бабуся отмечала две – рыбу, речную, красную, осетров с низовьев Амура он себе солил отдельно, любил «с душком». Кроме него её никто не ел. И – для себя каждую осень он солил два бочонка острого красного перца, того, что мы сейчас называем chilli – и за год один съедал оба бочонка!

После вечернего чая – около часу свободного времени, потом отец погасит лампу – на всех полуночников керосина всё равно не напасёшься, и тогда уже, хочешь – не хочешь, а делать нечего – ложись спать.

А пока – в колеблющемся круге неяркого жёлтого света на столе мама что-то шьёт – три дочери у неё как никак, отец чинит какую-нибудь мелкую хозяйственную утварь. Девчонки-гимназистки и старший брат – читают, делают домашние задания или негромко рассказывают друг дружке какие-то истории – телевидения-то ещё не изобрели! Загадки – вот ты как думаешь, сколько у семи ослов ушей и хвостов? А соль в том, что на самом деле у ослов у шеи хвосты не растут! Или другая, более известная: что делал слон, когда пришёл Наполеон? Да траву ел! С детства помню! Или попросту играют в карты: «в пьяницу» или «в дурака» пара-на-пару – «на интерес»: проигравшему бьют по носу колодой карт оговоренное число раз. Это мы проходили – больно! А потому носы у всех картёжников красные и припухшие, и все напропалую мошенничают: а не зевай, на то и игра называется – в дурака!

Мелочь пузатая лежит на печи, бабушка-староверка им сказки рассказывает, да нарочно самые страшные, леденящие кровь ужасы про живых покойников, упырей да всякую кладбищенскую нечисть: запугает их до полусмерти, те лежат на полатах, головёнки втянули, прижались друг к дружке – страшно! Вот кричать и баловать не хочется, сами не заметят, как и уснут.

День начинается вместе с солнцем, с ним же и заканчивается. Все так живут: и цветы в поле, и коровы с телятами, и кони с жеребятами, про кур и речи нет, даже Полкан – даром, что сторож! Только кот не спит, носится по дому, выспался за день, и никто ему, коту, жить не мешает – ни Серёжа, ни Виня, ни Лёлька, у кота «рабочий день» только начинается...²

В школу бабуся пошла уже при Советской власти, в семилетку на станции Бочкарёво. Сохранилась отличная фотография её выпускного класса. Интересно, смотри – учителя, в основном, мужчины, одна только женщина.

¹ Ну а если вкусные блины, почему не съесть? За себя скажу, маминых и бабусиных блинов если – локоть не локоть, но сантиметров 15 (пишу, и даже линейку из стола достал!) – не вопрос! Точно сказать не могу, потому что процесс выглядел так: мама или бабуся пекут блины, готовые кидают передо мною на специальное блюдо, моя задача сидеть за столом и куском сливочного масла на вилке промазывать блины. Я мажу их маслом, тут же сворачиваю и съедаю. Горячо, нёбо, язык обожжены, в лохмотьях, но вкусно так, что никаких нервов не хватает подождать, чтоб блин хоть немного остыл. Ем, пока могу физически. И только потом блинная стопка начинает расти.

² Тётя Галя Журавлёва в телефонном разговоре позавидовала: «Хотела бы я, чтобы мои внуки обо мне так вспомнили...» Хвастаюсь!

Учёба давалась без труда, о школе у неё остались самые тёплые воспоминания. Если б только не её «социальное происхождение». В первые годы Советской власти появилась эта графа в анкетах, она закрывала путь к получению образования, нормальной работы, жилья, продовольственных карточек для всех «лиц непролетарского происхождения», т.е. дворян, купцов, офицеров, бывших чиновников, всех, кроме имеющих в шестой графе анкеты запись: «из рабочих» или «из крестьян».

А у неё – отец купец II гильдии! Да ещё с фамилией Романов! Этой фамилией её частенько тыкали в глаза: «У-у, царица...» И звучали эти слова с ненавистью и презрением. Потому-то по окончании обязательной семилетней школы путь в 10-тилетнюю школу, за речку, в Белогорск, ей оказался закрыт – *нетрудовой элемент*.

До 19-ти лет её не принимали даже в школьный театр «Синяя блуза». Приняли раз, но на первом же комсомольском собрании кто-то вылез на трибуну: «В наши ряды...затесалась...дочь Романова...». И всё, театр для неё тоже закончился.

Была у Елены мечта – выучиться на капитана парохода, водить их по Амуру, родной Зее, но и в Благовещенске, в речном училище повторилась та же история: «Отец торговал? До свидания».

Приезжал как-то брат Сергей с женой из Владивостока, посидели, поговорили, он предложил сестре поехать к нему, во Владивостоке-то уж никто не знает, кто она такая, дочь *какого* отца!

Она поехала, сдала экзамены, поступила в училище. Но вдруг – её вызывает директор: «Вам нельзя учиться». Но он и предложил выход, ничего из ряда вон выходящего, так тогда поступали многие – надо было *отречься от отца*.

Очень просто: в газету давалось объявление, мол, я, такой-то такой-то отрекаюсь от своих родителей ввиду принадлежности их к эксплуататорскому классу и рву всякие связи с ними. Можно было даже фамилию поменять, точно так же – объявление о смене фамилии, и через две недели, если никто не выдвигал претензий к тебе – новый паспорт! Бабуся со смехом вспоминала газетные объявления той поры, это реальный текст: «Меняю фамилию *Блядищева* на *Республиканская*»!

Отречение, может быть, и формальность – язык, что-ли, отсохнет? Но Елена Романова – предпочла расстаться с мечтой о капитанском мостике. Она вернулась домой.

Надо было устраиваться работать. Подружка позвала ехать с ней в Хабаровск – в посёлок Хор, – там Елена и нашла первое в жизни официальное рабочее место – чернорабочая на лесозаводе № 6. В её обязанности входила уборка цеха и вынос опилок и стружек от станков. За этот труд платили деньги, это был необходимый ей, дочери «лишенца», «рабочий стаж». Дочь «нетрудового элемента» никто и нигде не возьмёт на работу без справки о том, что она «перековалась», т.е. несколько лет проработала на тяжёлом физическом труде.

Это была уже степень свободы.

Пальто с меховым воротником, на фотографии 21 марта 1931 года, куплено на её первую зарплату! Хотя, по правде сказать, одевалась она для того времени неплохо, то Витя что-то подарит, то Серёжа, да и у отца не всё забрали, что-то успел схоронить. Любимая дочка и любимая сестрёнка всё же.

Вскоре подружка опять подсказала – и ей удалось устроиться учётчицей в контору «Экспортлеса». Хоть и «нетрудовой» была бабуся «элемент», зато грамотный. Её начальник потом прокомментировал: «Ты единственная из всех цифру «семь» с перекладиной написала».

После, уже дома, в Белогорске, поработала в библиотеке и – в самое голодное время – поваром в столовой клуба «восточников» в Благовещенске: это был клуб корейских и китайских рабочих. Попала она туда, как ни странно, случайно, по направлению с биржи труда, там отмахнулись от неё – ни один русский повар не мог сработаться с «восточными товарищами». А у бабуси – получилось, даже более того – китайцы в ней души не чаяли, – и когда дирекция собралась её уволить, они в полном составе явились к начальнику клуба и заставили его отменить своё решение.

А время было жуткое – голод. Бабуся говорила, что, может, Сергей с женой Катей и выжили-то только благодаря этой её работе, они каждый день почти ходили к ней в столовую обедать.

К тому же времени относится приключение с тем её пальто с фотографии – сняли! В центре города сняли. Затемно возвращалась с работы, навстречу идут трое, с ножом – что делать? Отдала. А зима, февраль, замает... Недалеко находилось здание погранзаставы, добежала, рассказала, пограничники оперативно организовали поиск и – взяли героев, всех троих взяли, вместе с пальто.

Где-то в 1931–1932 году бабуся поступила в педагогический техникум в Благовещенске. А летом на практике после рабфака (*рабочий факультет* – что-то вроде «факультета довузовской подготовки») в каком-то селе она познакомилась со своим будущим мужем, моим дедом, твоим прадедом Максимом Александровичем Волошиным. Он тоже был на практике, ездили по колхозам, помогали что-то подсчитывать, занимались статистикой. Продолжилось знакомство уже в Благовещенске, через полгода случайно столкнулись в райкоме комсомола. Бабуся говорит, поднималась по лестнице на II этаж, вдруг на площадке кто-то её окликнул: «Романова?..»

Когда я пытался подробнее узнать об обстоятельствах знакомства, тётя Лиля сказала, что скорее всего «он ходил к ней в столовую обедать».

Далее опять из области догадок, хотя и со слов тёти Лили. В 1933 году бабуся неожиданно уезжает на Сахалин к сестре Марусе. Очевидно – рожать. И так же очевидно, что отец её будущего ребёнка – мой будущий дед – не собирался ни на ком жениться. Тётя Лиля: «Мой папа был красивый¹, кудря-

¹ Наблюдение: четыре родные сестры Тома, Лиля, Нина, Рая, достаточно разные по характеру, по возрасту, интересам, прожитой жизни, но в одном они не сговариваясь сходятся: рассказывая о матери (а они все её

вый!...», а я его иначе, чем лысым на фотографиях и не видел! Любвеобильный мужчина – дома, на Украине – семья, две дочери, он ведь бабусе ни слова о них не сказал! Потом, правда, честно признался, и мама его при встрече подтвердила: его *женили*. За месяц перед тем, как в армию ему идти, своя сельская девушка, на 4 года старше его. Разговор о любви здесь не шёл, это отец ему сказал, мол, уходишь в армию, а работать кто будет? Женись, приведи в дом помощницу, и тогда можешь спокойно идти служить. Мама просила, а отец попросту «дал команду». Такая вот сугубо крестьянская трудовая (или матримониальная?) этика. В русской крестьянской среде это было нормально. Тётя Лиля считает, что девушка попросту ждала ребёнка, и оставить её в таком положении да в своём собственном селе – означало бы опозорить родителей, ему-то и горя нет, ушёл в армию и ушёл, им же жить там. Поэтому отец жёстко настоял.

Женщинам дед всегда нравился, на гитаре играл, пел, у него был превосходный бархатный баритон. Уже в 1984 году, когда тётя Лиля ездила в отпуск и заезжала навестить сестёр (тех, от первого брака), говорит, мол, затрагивали в разговоре с Галиной (племянницей) этот вопрос и сошлись: гулёна папа был, и когда на Украину приезжал, и у себя на Дальнем Востоке!

Ну, а бабуся уехала в Александровск к сестре. Ничего сообщать Максиму она не собиралась, да потому, собственно, и уехала из Благовещенска, где рядом братья Витя и Серёжа, подружки, «Синяя блуза», где она пела, к чёрту на кулички, на Сахалин. Мало кто знал, где он вообще находится – Сахалин. Гордость. У неё ведь в Благовещенске было достаточно «кавалеров», «приличных молодых людей» (цитирую тётю Лилю), и из бывших купеческих семей в том числе, для 1930-х годов бабуся и одевалась хорошо, были отличные контрабандные вещи из-за речки – какое-никакое золото у отца ещё оставалось, да и братья её не забывали. И вдруг она «в интересном положении», да ещё и «автор» этого «положения» невесть кто.

10 октября 1933 года родилась моя тётка Тамара. Сообщать бабуся, повторюсь, никому ничего не собиралась. Тогда в игру вступила сестра Шура, она сама написала деду, но что именно – никто не знает, и он даже ответил ей, что-то вроде «если хочет – пусть приезжает». И Шура – бабуся ей потом долго не могла простить этого пассажа, – купила ей билет на пароход и чуть не силком «выдворила» сестру с месячным ребёнком на руках на материк. А пароход был последний в этом году, навигация закрывалась, шли уже во льдах.

В 1934 году после окончания Благовещенского агропедагогического института (историко-географический факультет) Максим Александрович взял распределение на Сахалин, в село Арково. Симпатичное местечко (по мне так!) в 18 км от Александровска, это даже не один, а целых три посёлка: собственно посёлок Арково, Арково-шахта и Арково-берег, – директором

любят, как нормальные дочери) они всегда к ней только *справедливы*, в чём-то по отношению к ним она права была, в чём-то, по их мнению, нет, но заговорив об отце, все четверо помнят только, что *он их любил*, и каждая убеждена, что она-то и была отцовской любимицей – факт!

школы. Ехал он целенаправленно на должность директора школы, работы ни одного дня не искал. Вместе с женой, так и не закончившей своего техникума и годовалой дочкой.

И потом всегда в документах в графе «образование» бабуся писала «неполное среднее». Но это она, бабуся, с 7-летним школьным образованием, научила меня писать письма, привила вкус к письму, к выражению своих мыслей на бумаге, терпеливо прививала мне интерес к языку, к книге – я вносил в специально разграфленную тетрадь название и автора каждой прочитанной книги, основных действующих лиц и, главное, кратко свои впечатления. Она постоянно возилась со мной, занимаясь моим «просвещением» – мы вместе выбирали из выписывавшегося ею журнала «Огонёк» – раньше он был в два раза большего формата, чем сейчас, и на его огромных разворотах печатали цветные репродукции, – картины, представленные в Третьяковской галерее, клеивали их в специальный альбом, у меня их получилось два! По крайней мере, «передвижники» у меня перед глазами с детства. Конечно, она не знала ни волшебной Зинаиды Серебряковой, ни очаровательно-декадентских Льва Бакста и Александра Бенуа, про Кандинского с Кончаловским и речи нет, да откуда бы ей и знать их в *то* время? Но то, что я знаю и ценю их работы – только её заслуга, моей бабуся. А Кузьма Петров-Водкин мой любимейший художник именно с того времени, с первых появившихся в тех наших альбомах его натюрмортов «Селёдка», «Скрипка», «Розовый натюрморт» 1918 года, – с удивления вдруг пережитым ощущением объёмности, высшей разумности мира, мгновения парения в беспредельном воздушном океане, где смерти – нет, только бесконечная, удивительная, очень значительная и какая-то влажная, что-ли, будто только что сотворённая, жизнь!

Дед, к слову, институт свой закончил, но тётя Лиля говорит, что диплом он, почему-то не получил, хотя в анкетах писал всегда, тем не менее «образование высшее».

В 1936-ом Максима Александровича перевели в Александровск заведующим горно и, в качестве партийной нагрузки (как член ВКП (б)), он выполнял функции главного цензора. Это значило, что в Александровске – столице Сахалинской области (ты знаешь, что с 1905 по 1945-ый годы половина Сахалина южнее 50-ой параллели принадлежала Японии) ни областная газета «Советский Сахалин», ни одна радиопередача не могли выйти без его визы. Денег за эту работу он не получал – партийная нагрузка, никого нельзя было найти на эту должность, страх – скольких цензоров до него сняли и арестовали. И вопрос был даже не столько в том, чтобы не допустить каких-то анти-советских (да откуда бы им и взяться было в 1937 году!) материалов, сколько в том, что кто-то может по малограмотности или злему умыслу, – а мало ли обиженных, завидующих, трусов, – *не так понять*. Каждый день до 3 – 4 часов ночи дед сидел за рабочим столом, вычитывал газетные вёрстки.

Бабуся работала учителем младших классов и заведовала школьной библиотекой. Потом, позже, и после войны, она уже никогда не преподавала.

Сахалин находился в подчинении непосредственно Москвы, и оттуда присылали нужных специалистов, она же так до конца жизни и осталась со своим 7-летним школьным образованием.

В 1937-ом, когда начались массовые «чистки», репрессии, она должна была оперативно уничтожать книги с «врагами народа». Сейчас, пожалуй, невозможно себе представить такое: библиотекарь с несколькими помощниками-учениками целыми днями сидели и вырезали ножницами изо всех книг и учебников, имеющихся в библиотеке, портреты «разоблачённых врагов народа», по списку. Полагалось вымарывать чернилами из текста даже упоминание этих имён. А на завтра приходили новые списки «врагов», и работа начиналась заново.

Александровск тоже захлестнула волна «чисток», каждое утро недосчитывались друзей и знакомых. Жили в страхе.

Девушку, секретаршу гороно, арестовали «за связь с заграницей»: при обыске у неё нашли коробочку пудры «Астра», и написано-то было по-русски, но вычурно, с вензелями, – и малограмотный оперативник НКВД принял надпись за иностранную.

На Сахалине у народа было много заграничных вещей, дело в том, что часть угольных шахт, основы тогдашней сахалинской экономики, была советской, а часть – концессионной, с участием иностранного капитала и с иностранной администрацией. На концессионных предприятиях рабочим платили более высокую зарплату, чем на советских, да ещё и часть её выдавали в «бонах» на которые в специальном магазине можно было приобретать превосходные импортные товары.

В одну ночь бабуся сожгла в печке всё, что дома хоть отдалённо напоминало иностранную вещь. И очень вовремя – забрали и Максима Александровича, а бабуся, беременную, привезли на допрос в УНКВД. На всю жизнь она запомнила этот ужас, липкий, растворяющий всё внутри тебя – за мужа: одно неосторожно произнесённое слово, и он обречён на пытки и бессудную, безвестную смерть, за себя, за своего нерождённого ребёнка. Ведь запросто из-за этого стола можно встать уже не человеком, а зэком, лагерной пылью, и этим уже вечером закрыть глаза не дома в своей постели, а на смрадных досках нар тюремной камеры. И на беременность никто смотреть не будет. А следователь кричал на неё, требовал «признаться» и давать показания о том, что отец её будущего ребёнка – шпион и диверсант. Он достал из кобуры наган, положил его перед нею на стол и время от времени в течение допроса, многозначительно так глядя в глаза, постукивал им по столу: признавайся! Ох, как впечатался ей в память этот наган...

Страшен сон, да милостив Бог, Анюта. Вот и есть на этом свете мы с тобой.

Бабуся отпустили – «Пока вы свободны!..», – сказал следователь. Через несколько дней отпустили деда. Это был уже не первый его арест, в первый раз его взяли в Арково в 1935-ом. От него требовали дать показания на

директора арковской шахты – они были друзьями. Потом дед говорил, что если б дал показания на него, то и сам пошёл бы следом.

Рожать бабуся решила поехать к родителям, в Канск. 26 июня 1937 года родился сын Славик, а вот первый её сын – Эрнест, Эрик в то самое время простыл, заболел и умер. По совету отца, Павла Федотовича, бабуся дала телеграмму мужу – приезжай! И дед потом всегда признавал, что она и на этот раз спасла его – шёл самый разгар «чисток». Родился сын, время летнее, поэтому отпуск удалось взять без особого труда, а когда спустя 4 месяца они вернулись в Александровск – волна арестов уже спала.

Интересна история с именами. Эрик – Эрнест – это просто, однозначно в честь вождя немецких коммунистов Эрнста Тельмана. А вот почему этнический украинец Волошин назвал сына польским именем Владислав мне было непонятно. Оказывается, по словам тёти Лили, её отец (до того назвавший первого сына в честь Тельмана), второму собирался дать имя в честь председателя Совета Народных Комиссаров СССР Вячеслава Молотова.

Бабуся, беременная Славиком, с дедом ехали в отпуск на Украину. Но бабуся неважно себя чувствовала – путешествовали-то тогда не самолётами – поездами, и на Украину не поехала, осталась у родителей в Канске, дед же отправился дальше на родину один. И здесь на сцену выходит бывший купец II гильдии, отбывший срок за грехи против рабоче-крестьянской власти в лагере, ссыльнопоселенец Павел Федотович Романов. Он сказал дочери: «Лёля, ты меня извини – я всё понимаю, но мой внук не будет носить имя этого упыря». Когда родился Слава он пошёл в ЗАГС и выправил свидетельство о рождении на имя *Владислава* Волошина. Отцу же, Максиму Александровичу, когда тот вернулся из отпуска, он объяснил, что, мол, по серости и безо всякой задней мысли записал ребёнка не Вячеславом, а Владиславом – какая разница – Слава же и есть Слава!

В Александровске они прожили ровно до войны.

Мы переехали жить в Александровск в 1983 году, и, видимо, он к тому времени уже сильно изменился – сколько мы с бабусей ни выясняли, я так и не смог понять, где находился старый обком, школа, где они жили. От тех времён сохранился только стоявший на центральной площади напротив РДК кинотеатр «Спутник» (в 1930-х, говорят, это была конюшня пограничного отряда), пробитый каторжанами ещё в XIX веке в скальном массиве мыса Жонкьер тоннель (циклопическое, подавляющее своей бессмысленностью сооружение) и инфекционное отделение александровской ЦРБ – низкое, по самые окна вросшее в землю деревянное здание, выкрашенное в зелёный цвет. Маман говорила, что это одно из административных зданий александровской каторжной тюрьмы – единственное сохранившееся до наших дней. Сейчас его, конечно, уже нет, как нет и нашего кинотеатра, куда мы так любили ходить – сгорел в конце 1990-х.

А бабуся с дедом тем временем собрались съездить в отпуск на Украину, шёл 1940 год. Бабуся потом говорила, что, мол, ещё раз спасла мужа – дед планировал поездку на родину, на Украину на июнь 1941-го. В Вин. Ста-

вах, его родном селе Винные Ставы, жили родители, бывшая жена, две дочери. Бабуся еле уговорила ехать сейчас, в 1940-м... Где они оказались бы через год, соберись ехать в 1941-ом? Дед, офицер, старший лейтенант, тут же, на месте был бы мобилизован, а она осталась бы посреди обвала беспорядочного нашего отступления, немецких танковых прорывов и непрерывных, бомбёжек, одна с детьми на руках.

Украина ей не понравилась: бедно(!) после отцовского дома показалось! Голая степь, мазанные, соломой крытые хатки с земляными полами (тётя Лиля говорит, что ей и в 1984 году показывали-хвалялись, что, мол, у бабушки в горнице пол деревянный, только на кухне земляной!), ни забора, ни кустика нигде – дерево дорого, всё, что может гореть: кизяки, даже солома и сухие стебли подсолнухов аккуратно собираются и идут на топку, в печь. Деревья только фруктовые – лето, жара, единственная радость выйти посидеть в саду в теньке.

Тётя Лиля в 1984 году ездила на Украину в гости к сёстрам, ну и между делом как-то задала вопрос, как им жилось при немцах? Татьяна, первая дочь деда, ей и отвечала: «*А що ж немци? Чи вони нэ люды?* Они нашим детям *цукерки шоколадни* давали! *Тильки сад вони нам попортылы...*». В начале войны немцы «добрые» были, а как фронт стал приближаться – попиливали все деревья в округе: танки укрывали. А потом и наши, когда брали Украину, проутюжили всё танковыми корпусами.

Речки нет (для неё-то, выросшей на судоходной Зее!), но на задворках каждой хаты выкопан собственный водоём – ставок (так бабуся говорила, хотя украинское *ставок* означает «садок», «садик», да даже название села – Вин. Ставы – Сады – говорит за себя; но я оставляю её слова) примерно метр на метр, и там, говорит, и воду на приготовление пищи берут, и стирают, и купаются! Что ей совершенно показалось дико – отсутствие туалетов, – степь! Специально к её приезду дед организовал постройку! Он очень стеснялся перед ней этой бедности родного края.

Свекровь она плохо запомнила, только что выпить любила бабушка Оксана, что клуня у неё вся была увешана связками сушёных трав – она и сама лечилась только травами и односельчан всех лечила. И ещё один разговор с ней: они сидели вдвоём где-то в поле, говорили о чём-то и вдруг – глазам своим не верят: через дорогу переползают широкой, в несколько метров, лентой, лягушки. Они молчат, слышен только шелест движения, шуршание лап по пыли дороги. Женщины оцепенели – глядят на невиданное зрелище и бабушка Оксана медленно, глухо как-то произнесла: «Это к войне... Война будет... С запада идут...»

Погостив, бабуся с дедом засобирались домой, на Сахалин. По пути заглянули в Канск, к бабусиным родителям Павлу Федотовичу и Агриппине Ивановне, те упросили оставить у них погостить внука Славика (а тётя Тома утверждает, что в 1940-ом в Канске оставили Лилю), подкормить его – на Сахалине-то с молоком и молочными продуктами трудно было, а здесь – Си-

бирь всё-таки, да и огород у Павла Федотовича был немалый, всё росло. Так и сделали.

А ровно через год, как началась война, бабуся чудом только успела уехать с Сахалина на материк, на последнем пароходе, 23 июня он ушёл. Далее пассажирское сообщение было прервано – в проливе видели японские боевые корабли.

Как-то вдруг, сразу ввели режим светомаскировки: нигде ни огонька, мрачно, неуютно, страшно. Сразу с продуктами плохо стало, появились продовольственные карточки. Военком предупредил, что жёны комсостава и советских работников будут эвакуированы, чтобы были готовы каждый час, вещей разрешили взять по минимуму, только узелок с детской одеждой.

Пароход уходил в страшной спешке. Неудобный, каменистый Дуйский залив, открытый всем ветрам александровский рейд... Пароход штормовал на рейде, с берега людей и грузы доставляли кунгасами, и в море, на волне, перегружали на судно: кунгас то взлетал вровень с бортом корабля, то проваливался на десяток метров, – но выбора у бабуся не было: война и у неё ребёнок остался хоть и у дедушки с бабушкой, но за тысячи километров, в Сибири.

Переход до Николаевска был тяжёлый. Штормило, судно сильно перегружено, его жутко бьёт, мотает на волне, все пассажиры и половина команды – в лёжку; неотвязный, муторный страх перед японскими миноносцами, серые, мглистые, неприветливые берега без единого огня – режим светомаскировки: теоретически Александровск находился в зоне действия японской штурмовой авиации со своих стационарных аэродромов. Только последним приветом, запомнилось бабуся, выдавая обжитость берега, их провожал избитый, полуразрушенный морем остов в незапамятные времена севшего на камни в александровском порту парохода, сохранивший буквы по корме: «МИХАИЛЬ».

Близость войны чувствовали все и уже давно, особенно заметна стала её неотвратимая насущность весной 1941-го, когда их школьный военрук, средних лет мужчина со что называется «пивным» брюшком вдруг вернулся с военных полевых сборов загорелым и неожиданно подтянутым. Он прокомментировал это коротко: «Условности сняли...».

В Красной Армии тогда существовал такой порядок, что командиры, видимо, не желая перегружать красноармейцев явно бессмысленной работой по строительству блиндажей, укрытий, отрытию окопов полного профиля во время обыденных полевых учений, учебных стрельб, ограничивались формальными отметками в отчётах: «условно поразили», «условно отрыли». А теперь, видимо в результате «работы над ошибками» по итогам Финской кампании «условности» - то и сняли!

О начале войны бабуся узнала одной из первых на Сахалине.

Домашние телефоны тогда были редкостью, они устанавливались только на предприятиях, редко-редко у кого дома, разве у руководства из горкома, обкома партии, облисполкома. Максиму Александровичу телефон был

положен, но и у него была не отдельная линия, а так называемый «спаренный» телефон, то есть на одной линии находились два абонента, когда линию занимал один абонент, у второго аппарат не работал.

И вот вечером воскресенья 22 июня 1941 года дома раздался телефонный звонок. Дед взял трубку и тут же понял, что звонят не ему, а в горком, но на станции произошёл какой-то сбой и он мог слышать разговор. Только услышав первые слова, он уже не положил трубки... Бабуся так описывала эту минуту: «Я гляжу на него и ничего не могу понять – он застыл, смотрит на меня не отрываясь, и его лысина у меня на глазах испариной покрывается». Он дослушал разговор, положил трубку и произнёс: «Это война...»¹.

Потом были лихорадочные сборы и – последний пароход на материк. С собой взять она успела только самое необходимое, то, что одето было.

До Канска добралась без приключений. Сын её встретил поздравившим, откормили его бабушка с дедушкой! Бабуся тут же, немедля, пошла на базар, продала то своё знаменитое пальто с воротником и купила корову. Благодаря этой корове настоящий голод в войну их не коснулся. Имея к корове ещё и огород, они могли питаться и даже продавать на рынке остатки молока приобретать необходимые продукты – муку, крупы, сахар.

Некоторое время бабуся проработала статистиком в конторе «Заготзерно». На территорию их базы эшелонами из Монголии к ним привозили овец, их разгружали в большие загоны под открытым небом и несколько дней перед отправкой на бойни их кормили капустными листьями, они были навалены слоем по земле, овцы ходили прямо по ним и питались только ими – очищали желудки.

Во время войны существовал такой порядок, что военкоматы брали на себя трудоустройство жён политработников Красной Армии, имеющих детей. Бабусе предложили место диетсестры в эвакуогоспитале, но военком сразу предупредил, что должность практически номинальная, придётся делать всё: и стирать – раненых снимали с поезда в чём они попали в санбат с пере-

¹ Про «испарину на лысине» надо всё же пояснить, это не трусость. Максим Александрович 1906 года рождения. Ему было всего 11 лет, когда в феврале 1917 года произошла катастрофа планетного масштаба – крушение Российской Империи. И в последующие несколько лет по их патриархальному веками неизменному укладу последовательно прокатились: развал на 4-ом году войны русско-германского фронта, массовые дикие расправы солдат над своими офицерами, массовое дезертирство армии и всегда сопутствующие этому процессу бандитизм и насилие в отношении безоружного местного населения, затем режим гетмана Скоропадского, опирающийся на штыки оккупационной кайзеровской германской армии, после революции в Германии в ноябре 1918 немцы сразу ушли, вместе со Скоропадским и Киев заняли войска украинского националистического правительства Семёна Петлюры. Это только начало, а потом будет белая Добровольческая армия Деникина, Красная Армия, будут ещё полсотни банд никому не подчиняющихся «батек», вроде Махно, Григорьева (и «Грициана Таврического» из «Свадьбы в Малиновке»). Потом придёт новорождённая польская армия, её выбьют красные и дойдут, как известно, почти до Варшавы. Одни только красные брали Киев 4 раза. И всем, независимо от «цвета», нации, веры, в бесспорном и безотлагательном порядке нужен от крестьянина хлеб, сало, самогон, сено (фураж для коней – армии-то конные все), и самих лошадей тоже вместе с телегой, топливо, помещения для постоя войск, в противном случае – бессудный стрел на месте. Нужны новобранцы – парни, которых можно поставить под ружьё в своё войско. При том, что каждая новая власть, вошедшая в село, начинает с того, что вешает (как вариант – расстреливает) – если не трогать темы зверств и издевательств, - «активистов» предыдущей власти. И так почти 5 лет. К тому же не надо забывать, что с приходом большевиков жизнь сильно проще не стала. Было, было деду от чего испариной покрываться.

довой, – и шить, и чинить одежду. Совсем негодные вещи, пробитые пулями, осколками, рваные, заскорузлые от крови, ей, зная о её детях, позволяли забирать: тётя Лиля говорила, что у них у всех на ногах были чуни из солдатских шинелей, у Славика – стёганая солдатская телогрейка...

Павел Федотович работал там же водовозом, у него была лошадь, повозка с деревянной бочкой, и он возил воду с реки в госпиталь. Работы ему хватало, очередь была, бабушка ругалась: «Себе ничего не успевает, а людям делает!..», прадед был великолепным жестянщиком и руки у него были золотые. И приработок был для семьи с тремя детьми совсем не лишний – рассчитывались с ним за работу «натурой»: кто круг мороженого молока принесёт, кто муки, кто бутылку водки – продукт в военное время стратегический, универсальная валюта. Потом он приспособился даже мыло варить, на рынке оно стоило страшно дорого, – он договорился – ему отдали тушу дохлой коровы, он её разрубил, сложил куски в чан, несколько дней переваривал их с каустической содой на костре во дворе, затем полученную бурю железобразную массу выложил на специальные железные противни, и когда масса застыла, её осталось только разрезать на куски. Мыло получилось, разумеется, не туалетное, хозяйственное, но для стирки оно годилось в самый раз, и на базаре его покупали!

Максима Александровича к тому времени перевели с аэродрома Зональное на Сахалине, где он служил с самого начала войны в Хабаровск, в политотдел штаба тыла Дальневосточного фронта, он перевёз семью из Канска к себе в Хабаровск. Там, на Казачьей горе, они прожили до конца войны.

Потом начались обычные скитания семьи военного: Южно-Сахалинск, Западная Украина – Сарны, Восточная Германия – Франкфурт-на-Одере и снова Сахалин.

В 1962 году после смерти мужа бабуся уехала на материк, купила домик с огородом и небольшим садиком в посёлке Хор под Хабаровском и жили там втроём с дочерьми Ниной и Раей, моей мамой. Две её старшие дочери – Тамара и Лиля были уже замужем и жили своими семьями, отдельно.

В 1972 году уже родился я, маме надо было оканчивать последний курс мединститута и бабуся забрала меня к себе, весь первый год моей жизни я провёл у неё на Хору. Мама с папой приезжали только на выходные.

Мне потом частенько приходилось жить у неё, уже в Хабаровске, в её квартире в Саратовском переулке. Утром, перед школой, я просыпался не по будильнику, а от невероятно вкусного даже сквозь сон запаха яичницы с луком и жареной колбасой. Бабуся готовила (она говорила – «стряпала»!) просто на редкость вкусно. Став постарше, я выпытывал у неё рецепты её блюд, простых, бесхитростных, но таких вкусных, выспрашивал с пристрастием, сколько и чего она кладёт, да как именно варит и жарит, стараясь ухватить секрет, и каждый раз ставил её в тупик – она честно отвечала, что стряпает из того, что есть сегодня в холодильнике.

Когда я приходил к ней в гости, первым делом она усаживала меня за стол и кормила внука, Кутьку – она меня в детстве Кутькой называла.

На кухне у неё, в углу, стояла тахта, вплотную к ней у окна – обеденный стол, мне выдавалась персональная, только моя, расписная, красно-золотая деревянная ложка и ставилась глиняная глазурованная миска дымящегося, огненного цвета борща со сметаной и порезанным зелёным луком. Мы с бабусей называли этот борщ «генеральский». Лук буйно произрастал тут же – в банках на подоконнике грелись на солнышке здоровенные луковицы, они были как дойные коровы, не успевали отрастать, а их уже подстригали к очередному обеду. И настолько был вкусен этот бабусин борщ, что я умудрялся съесть по 5 – 8 (!) тарелок, уже некуда было есть, живот раздувался как барабан, но остановиться было невозможно! Этот аттракцион неслыханной жадности прекращался, когда я уже не только не мог встать из-за стола, в буквальном смысле, а даже разогнуться. Как находился, в сидячем положении, я осторожно боком валился на тахту и блаженствовал, минут через 15 – 20 уже получалось выпрямиться и вытянуть ноги. А ещё минут через 20 я просил ещё одну, небольшую – последнюю! – «контрольную» тарелочку борща!

Потом мы с ней пили чай, она с молоком, я с сахаром, – бабуся рассказывала, а я слушал её повести об отце, о брате Серёже, о своём детстве в отцовском доме, о муже – моём деде, умершем за 10 лет до моего появления на свет, обо мне маленьком, Кутьке, как я у неё на Хору жил... И хоть в бесчётный раз, а всё равно интересно.

Каждую неделю бабуся обязательно стряпала, пекла что-нибудь: калачики, рогалики, шанежки, пирожки с мясом, капустой, рыбой или мои любимые (в её исполнении!) с картошкой, свои знаменитые пироги с солёной горбушей на целый противень – «лист» она говорила. Она умела делать творог – в городской квартире, из обычного магазинного молока! Он выходил непривычно жёлтым, и совсем не кислым, как в магазине (а я так и думал всегда, что творог должен быть кислым!), самым настоящим творогом!

На ночь она заводила тесто, да ещё пару раз вставала, что-то там делала с ним, и рано утром начинала стряпать. Укладывала на стол специальное приспособление для стряпни – большой лист фанеры с бортиками, просеивала муку через сито и начинала вымешивать, мять, раскатывать тесто. Изредка она отщипывала кусочек, пробовала на вкус – я тоже! Я всегда садился напротив неё за стол и смотрел – никогда не было скучно наблюдать за её работой. Тесто, обычное сырое дрожжевое тесто было тоже очень вкусным, и я то и дело крал, выхватывал у неё из-под рук кусочки. Она смеялась, шлёпала меня по рукам и кричала: «Женька, что ты делаешь? Не воруй тесто, скоро уже калачики испекутся!» Но я всё равно цинично продолжал своё занятие...

Ко второй половине дня всё обычно бывало уже закончено, – на кухне, на моей тахте стояли два – три накрытых чистым полотенцем тазика с горкой бабусиных изделий – калачиков, рогаликов...

Все её дочки знали об этом и к вечеру собирались гости с детьми, моими двоюродными сёстрами: тётя Лиля с дядей Витей и Анюткой, тётя Нина с

дядей Колей, Ольгой, Ларисой и Алёнкой. Хватало всем, два дня мы ели, практически, только еёстряпню.

Когда мы уезжали на Сахалин, бабуся иногда даже в посылках присылала нам свои калачики – и они всё равно были вкусны, даже по прошествии двух недель, пока шла посылка. Бабуся называла это «гостинцы». «Послать гостинца» – какое хорошее русское слово, в её речи иногда встречались замечательные русские словечки, уже забытые и неиспользуемые, что-то от того старого, чистого, неиспорченного *русского* языка.

Бабуся умерла в шестом часу вечера в пятницу 18 апреля 2003 года, не дожив 9 дней до Светлого Христова Воскресения и месяца до своего 91-ого дня рождения¹.

Это был как раз девятый день по смерти дяди Вити, все собрались у Шипицыных дома на поминки, тётя Тома тоже пошла, а когда вернулась, около 3-х часов всего прошло, – бабуся уже умерла.

Я даже могу немного заглянуть в эти три часа её последнего одиночества. Потому, что она не была одна. Для неё в комнате был выгорожен уголок, там стояли только её кровать и тумбочка с настольной лампой, от комнаты её отделяла огромная глухая стена трёхстворчатого шифоньера. После смерти своей младшей дочери – моей мамы, она проводила там, не выходя, практически всё время. А я частенько заходил к ней в гости и приносил посмотреть свои свежие фотографии – бабусе нравились мои фотографии, *мой взгляд*. Это потому, что я не профессионал, а любитель: я просто люблю это дело, и снимаю только то, что я *люблю*, и так, как мне нравится. И вот мне пришла в голову мысль сделать несколько особенно понравившихся бабусе кадров крупным форматом и разместить их на той самой задней стене платяного шкафа, чтоб фотографии эти всегда были перед глазами. Очень скоро вся огромная, в 2 – 3 кв. м, поверхность была плотно заклеена фотокарточками. Самыми различными, хотя их все тематически можно было поделить на три группы. Бабусины родители (я переснял её старые фотографии и сделал их большими – она меня очень благодарила за отца с мамой); природа – крупным планом древесные листья, полевой цветок, птицы за своими делами, море, Сахалин, осень, весна, зима, *живая* природа, как память о её Создателе, и – ты.

Она мне сама говорила, как хорошо всё получилось. Ночью сна нет и читать нельзя – глаза быстро болеть начинают, а я лампу включу, на стену направлю, и смотрю – рассматриваю твои картины. И настроение сразу появится, время незаметно проходит!

В общем, я хотел сказать, последним, что она видела, была эта моя, сделанная специально для неё, галерея. И значит, не одна она была.

Врачи ставили ей церебральный склероз. За день до смерти брали кровь на анализ, – это тётя Лиля отметила: гемоглобин – 127 г/л. «Да у меня

¹ «Всё пустое. Нехай воюют. Спокон веку воевали и опять будут воевать. И ученье это ни к чему. А вот помереть Великим постом, особливо на Страстной, либо всего лучше в Светлый день – вот это, господа, не всякому Бог даёт такую радость...» И.А. Бунин «Последняя весна».

сейчас 110, а у неё за день – 127!»! И артериальное давление, тогда же – 110/70.

Мне Лёшка позвонил только на следующий день, в субботу, мне передали, чтобы я ждал звонка из Хабаровска в углегорской музыкальной школе. В воскресенье я прилетел в Хабаровск.

На кладбище я снял свой нательный крест и положил бабусе под голову. И теперь мой кипарисовый киевский нательный крест – мама мне привезла из Киево-Печерской лавры, – лежит с бабусей в гробу. Мой последний подарок.

А через 4 дня после смерти бабуси, во вторник 22 апреля, я получил последнее её письмо. Мы с тётёй Томой, тётёй Лилей и тётёй Ниной только вернулись с кладбища.

Я старался, чтобы раз в две, ну, в три недели обязательно написать ей письмо, тем более, что знал, как она их ждала. Мне тётя Лиля рассказывала, что бабуся часто просила кого-нибудь из них перечитать ей эти письма вслух. На последние мои три или четыре письма ответа я не получил, ей уже тяжело, наверное, писать было.

Но вот, разбирая её бумаги, я нашёл ответ, последнее в её жизни письмо. Письмо – мне. Всего четыре строчки.

Здравствуй, Женя!

*Спасибо тебе за письмо и поздравление
с Новым Годом. Мне, дорожке твоего письма,
ничего не надо.*

Волошины

Мой дед Максим Александрович Волошин родился 2 февраля 1906 года на Украине в селе Вин. Ставы (Вінницькі Стави) Васильковского района Киевской области в крестьянской семье.

А почему Волошины – бабуся говорила, что *волошки* – это васильки по-украински! И район их называется – Васильковский!

Я раньше почему-то думал, что и глаза у Волошиных синие должны быть – нет. Глаза у деда были серо-зелёные (у тётя Лили такие). Вот у Агриппины Ивановны, бабусиной мамы были голубые глаза! А у бабуси – мои любимые: серые, как и у тебя! Ну а мы с Лёшкой и маман в Павла Федотовича удались – кареглазые.

Семья не считалась бедной – был и хороший земельный надел, фруктовый сад (не зря же село Вин. Ставы – Сады) и даже кузница, приданое какого-то дедова прадеда-цыгана, настолько пленённого красотой местных украинских девушек, что не задумался оставить свой табор, привольную кочевую жизнь: женился и осел здесь.

Про девушек сказать не могу, но вот украинские песни – может, это кровь во мне говорит, – ничего в мире нет прекрасней протяжных, печальных украинских песен...

Но, возвращаясь к деду. Несмотря на определённый достаток семьи, всё равно ему приходилось с 12 лет наниматься батрачить.

Детей в семье было шестеро: два брата – Степан (старше его лет на десять; его сын подорвётся на немецкой мине в собственном огороде в 1944 году) и мой дед Максим (по-украински его имя смешно звучит – Максым) и четыре сестры – Мария, Ганна (Анна), Оксана и Кася (Катя, Катерина).

Муж одной из сестёр Мирон во время оккупации служил в немецкой вспомогательной полиции, и это всё, что мне известно. В советское время говорить о подобных вещах было не принято – сотрудничество с врагом, да ещё в такой форме – с оружием в руках, вызывало у окружающих только презрение и ненависть.

Немцы себя здорово показали и на Украине, и в Белоруссии, оставили память по себе. В одной только Белоруссии 628 сёл разделили судьбу Хатыни – немцы их сожгли вместе с жителями¹. Можно, конечно, говорить, что среди любого народа есть подобные выродки, нежить, что это эсэсовцы, «зондеры», но и в вермахте уже летом 1941 года действовал приказ, согласно которому военнослужащие германских вооружённых сил *не несли уголовной ответственности за преступления, совершённые в отношении мирного населения*. Разбор жалоб и наказание солдат за убийства, грабежи, насилия над местным населением были отнесены *на усмотрение непосредственных воинских начальников этих солдат*, и наложить они могли лишь дисциплинарное (!) взыскание.

И вот, как это ни удивительно, но после освобождения Украины Красной Армией Мирон никуда с немцами не ушёл, остался в своём селе и спокойно продолжал жить. Его не арестовывали, никак не репрессировали, он не проходил никаких фильтрационных лагерей. Может, и в самом деле, как мама мне говорила, что Мирон, будучи полицаем, работал с партизанами против немцев? Я вполне допускаю, что Мирон был просто вынужден пойти на службу к немцам: достоверно известно, что первая жена деда, брошенная им, донесла в немецкую комендатуру на бывшую свекровь, что её сын, комиссар, служит в Красной Армии. Банальная женская ревность. А немцы семьи командного состава Красной Армии, оказавшиеся в их руках на оккупированной территории, расстреливали. Такие вот семейные коллизии.

Вот и оказалось, в семье один командир Красной Армии, политработник, член ВКП (б), а другой, его зять, служит у немцев! Если б я увидел такое в кино, не поверил бы – явная натяжка, *литературищина*. А вот было ведь. И деду, а он занимал весьма ответственные посты: замполит отдельного дорожного батальона в Южно-Сахалинске (они на Сахалине никому не подчинялись, только непосредственно штабу округа), начальник партийной школы в Сарнах, замполит Дома офицеров во Франкфурте, – никто никогда не

¹ К слову будет сказать, что в операции по уничтожению жителей белорусского села Хатынь самое непосредственное участие, наряду с немецкой «зондеркомандой», принимал отряд украинской вспомогательной полиции. В советское время этот факт, понятно, замалчивался.

вспомнил ему и не попрекнул его поведением семьи в оккупации. Удивительно. Если б я не знал, что это было, сказал бы, что так не бывает.

Я уже говорил, что у деда был красивый голос, баритон, а в детстве, когда он с родителями ходил к службам в свою сельскую церковь его дискант служил украшением хора. Став постарше, он как-то забросил это дело – работа, вечерки, девушки, – и их приходский священник уговаривал дедова отца, чтоб Максим приходил в церковь петь. Он даже обещал справиться Максиму хромовые сапоги, только бы он пел у него в церковном хоре. Отец, Александр Степанович, разумеется, настоял: ещё бы – новые хромовые сапоги – безумная роскошь! Сами бы они не смогли купить их сыну – дорого. Максим стал ходить петь на клиросе, а батюшка – он сдержал своё слово.

Хромовые сапоги для этих бедных людей, крестьян, были мечтой. Богата украинская земля, да только когда и где жилось и живётся хорошо на этой земле человеку, обрабатывающему её? От призыва в армию тогда никто не уклонялся по той простой причине, что там тебе мало что дадут профессию в руки, а – *тебя оденут и обуют*, в те самые сапоги, которых до армии у тебя никогда и не было! Тётя Лиля рассказывает, как они ходили в школу на Украине – семья в конце 1940-х годов жила в г. Сарны на Западной Украине: и в 1949 году ещё только она с подругой, тоже дочкой офицера, ходили в школу в ботиночках – мальчиковых, самых дешёвых, парусиновых, крашеных чернилами, – а местные все до ноября месяца босиком бегали. Перед зданием школы в луже мыли ноги и одевали принесённые с собой тапочки.

Дальше ты знаешь: рабфак после срочной службы в армии, Благовещенский агропединститут, Арково, Александровск, война. Войну он начал старшим лейтенантом (фотография в «будённовке» 23 ноября 1939 года, в петлице 3 кубика: старший лейтенант) на военном аэродроме Зональное (посёлочек в 5 км от моего детства – Ясного, – сколько я в детстве летал через этот аэропорт – и не сосчитать!) на самой границе с Японией. Японии, союзнице гитлеровской Германии, участнице Тройственного пакта – «оси Берлин – Рим – Токио», тогда принадлежала половина Сахалина южнее 50-й параллели.

Закончил он войну в Хабаровске капитаном-инструктором Политотдела тыла 2-го Дальневосточного фронта, бабуся говорила – я специально уточнял у неё этот вопрос, – дед был в Маньчжурии в августе 1945-го – сам бегал с автоматом по Китаю, не отсиделся в своём штабе в Хабаровске.

Вот его наградной лист от 28 августа 1945 года: «Тов. ВОЛОШИН – пропагандист. Политически подготовлен, с массами связан, выступает с докладами и раз’яснением решений партии и правительства. Пользуется авторитетом, дисциплинированный товарищ. В дни войны с Японией обеспечил бесперебойное снабжение газетами, сводками информбюро и организовал культобслуживание тыловых частей.

ВЫВОД: Тов. ВОЛОШИН своей пропагандистской работой по раз’яснению решений нашей партии и правительства личному составу частей

тыла мобилизовал личный состав на повышение боеготовности и достоин награждения медалью «ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ».

Складывается такое ощущение, что тыловой вояка при штабе сделал себе медаль, да ещё и за *боевые* заслуги, – сразу хочу расставить точки. Мой дед не скрывался от войны в тайге или подполье и не писал рапортов, обосновывающих его нужность и незаменимость в тылу. Война прошла мимо нашего Дальнего Востока, но можно ли это ставить в вину тем солдатам, офицерам, что все 4 года провели под дамокловым мечом Квантунской армии? Ведь на другом берегу Уссури от Хабаровска находилась полностью отмобилизованная, боеспособная, *более чем миллионная* японская группировка, только и ждущая благоприятного момента для начала открытой вооружённой агрессии против Советского Союза? Сейчас мы знаем, что Япония отказалась от нападения на советский Дальний Восток только в 1943 году, после Сталинграда, а тогда? Ведь соотношение сил здесь тогда было таково, что вступив в войну Япония, ОКДВО был бы полностью уничтожен за несколько дней.

И войска Забайкальского, Дальневосточного военных округов (они были развёрнуты во фронты), хоть и не воевали, но с минуты на минуту ожидали, что придётся вступить в неравный бой и погибнуть – всем.

Дважды герой Советского Союза, маршал Советского Союза В.И. Чуйков пишет: «Неужели ... вам неизвестно, что Дальневосточной армии, которую вы называете «бездействующей», после гражданской войны и интервенции пришлось трижды отбивать нападение врагов, которые штыками прощупывали мощь нашей Красной Армии и всего Советского Союза? Неужели вы забыли бои на Дальневосточных границах в 1929, 1938 и 1939 годах? ...

Я знаю, что в 1941 и 1942 годах Квантунская армия два раза развёртывалась у наших Дальневосточных границ в полной готовности для нападения.

Первый раз Квантунская армия сосредоточилась и развернулась для нападения осенью 1941 года в период битвы под Москвой. Разгром гитлеровцев под стенами нашей столицы охладил воинственный пыл самураев. Они вынуждены были вернуть свои войска с границы на зимние квартиры.

Второй раз эта же, но более усиленная, армия приготовилась к нападению осенью 1942 года, когда шла битва на Волге, у стен Сталинграда. Квантунская армия ждала сигнала для нападения. Сигналом должно было стать падение Сталинграда.

И в этом случае Сталинград выстоял, и японская военщина, имея перед собой нашу Дальневосточную армию и наученная горьким опытом Хасана и Халхин-Гола, не посмела напасть на нас и тем самым открыть против нас второй фронт на Востоке».

Не отсиживался от войны мой дед в Хабаровске.

И про политических работников. Ни одна армия не может победить, если она не знает, за что сражается, и цели войны не видятся ей справедливыми и благородными. Вспомнить сейчас первую чеченскую войну, когда вся Российская, бывшая Советская (!) Армия не могла раздавить маленькую

Чечню, и как закономерный результат – позорнейший и унижительнейший Хасавюртовский мир. В 1918 году великий вождь В.И. Ульянов-Ленин назвал Брестский мир, к которому он же последовательно Россию и привёл, *похабным*. Но тогда Россия подписала мир с Германской империей. А перед кем Россия капитулировала 31 августа 1996 года?!

Чечены знали, за что умирали – за родину. Мы – не знали. Сражаться за демократию, неолиберальные ценности (едва ли не первым изменением в Уголовном Кодексе демократической России была отмена в 1993 году статьи за педерастию!) и свободу для Ходорковского, Березовского, Смоленского, Гусинского, Фридмана, Виноградова, Потанина (великая семёрка, «семибанкирщина», «выбравшая» нам – «голосуй сердцем!») – в 1996 году президентом человека с рейтингом 2%), в доле с великим приватизатором Чубайсом, грабить Россию, – желающие в очередь не выстраивались. Плохой, очень плохой народ достался Ельцину, не вдохновляли его такие милые и приятные лозунги!

Так вот, антирусский и антихристианский Октябрьский переворот 1917 года отнял у русского народа символ и залог его исторических побед – православную веру. Совсем не случайно антихристианский и вызывающе инородческий большевистский режим с первых дней, наряду с русской национальной интеллигенцией и русским же офицерским корпусом, физически уничтожал и русское православное духовенство. Кому могли стать поперёк дороги священнослужители, которым уже даже самый сан их прямо запрещает брать в руки оружие? Значит, стали. И ещё как стали, судя по беспрецедентным масштабам и зверским способам их уничтожения.

Что получилось – Рабоче-Крестьянская Красная Армия в 1941–1942 году отступала от немцев аж до Волги. Русская императорская армия такого позора не видела, даже в тяжелейший 1915 год, когда Германия сосредоточила на русском фронте до 80% своей артиллерии и заставляла нас отступать силой одного артиллерийского огня, и тогда русская армия не допустила ни одного окружения, и не отдала ни метра собственно русской земли. Ригу, Киев и Минск немцам подарила революция.

А возвращаясь к 1942 году, надо констатировать, что старые лозунги интернационализма и пролетарской солидарности более не работали и никого не убеждали. Мы смогли найти новую «идентичность», свой образ веры в победу, он выразился в известном «За Родину, за Сталина!»¹ – и с ним мы сломали и немцев, и японцев, и американцев бы сломали, если б потребовалось. И именно политработники Красной Армии – и мой дед в том числе, своей работой создавали и поддерживали этот образ, образ Сталина не как человека, а как символ надежды и веры народа в высшую справедливость,

¹В перестроечное время, когда нас уже успели «просветить» о «культе личности», выписываемый бабусей журнал «Огонёк», как и почти все остальные, из номера в номер был заполнен разоблачениями преступлений Сталина. И бабуся читала их достаточно сочувственно, признаю. Но на мой неоднократный вопрос плакала ли она, когда сообщили о смерти Сталина, она всегда отвечала: «Конечно, плакала. И все вокруг плакали». Понимаешь – плакали, настоящими слезами. Не проклинали и не желали гореть в аду, как Ельцину, а – плакали.

нашу правоту, нашу победу. Своими газетами, политинформациями и заботой о культурном обслуживании советского солдата.

И не его вина, что всю войну он провёл за 10 тысяч километров от войны, в штабе. Я совершенно убеждён, если бы довелось воевать, мой дед – капитан Красной Армии Максим Александрович Волошин ни на секунду бы не задумался, и бил бы немцев так же доблестно, как и другой мой дед, гвардии капитан Красной Армии Пётр Гаврилович Конченков, как и моя бабушка гвардии старший лейтенант Красной Армии Валентина Петровна Владыко. Как все русские люди.

День Победы, только-только по радио объявили о нашей Победе, об окончании войны, шок, все ещё ошарашенные, ещё не до конца понимающие, что произошло, но все улыбаются, смеются, плачут, все, все без исключения, высыпали на улицы, мне это мои тётки в красках описывали на дне рождения тёти Нины, родившейся через неделю после дня Победы 17 мая 1945 года, и бабуся – бабуся! – нашла красный флаг и на виду всей Казачьей горы – первая! – полезла на крышу своего дома водружать флаг – Победа!

От недолгой послевоенной жизни в Хабаровске запомнилось только зрелище пленных японцев на Казачьей горе. Они то ли кабель прокладывали, то ли траншею рыли, в общем, это была местная достопримечательность – лимоннолицые японские солдаты в странного вида шинелях с рыжими лисьими воротниками. Они были превосходно экипированы для нашего климата, и кормили их неплохо, некоторые из них даже получали посылки из дому. И хотя тётя Лиля вспомнила случай, как домой забежал японский солдат и схватил у них со стола хлеб, кормили японцев всё же лучше, чем питалась их семья: дети советского офицера, офицера армии-победительницы выменивали у военнопленных хлеб. Деду с офицерским пайком выдавали американские галеты, конфеты-«липучки» (как тётя Лиля выразилась «цвета казеинового клея»), японские трофейные конфеты-драже – вот это всё и менялось у японцев на хлеб.

Это потом на Сахалине его офицерского пайка и допайка (там был шоколад, какао, сгущёнка, сливочное масло) хватало на всю большую семью, на бабусину сестру Марию и даже на дедова ординарца. Ординарец его, солдат, Ваня, был практически членом семьи, он даже в солдатскую столовую не ходил. Тётя Лиля говорит, что бабушка, Агриппина Ивановна особенно любила его и всё хлопотала как бы Ванюшу блинами накормить даже вперёд собственного зятя! Солдат этот, отслужив срочную службу вернулся домой в Воронеж и постоянно присылал им посылками воронежские яблоки.

Характерная деталь, верно? Отношения между офицером, зам. комбата и солдатом, его ординарцем. Это не императорская и, тем более, не демократическая Россия. Но такое могло иметь место – и было – только на пространстве моей великой Родины.

В самом начале 1990-х годов я попал на выставку одного японского художника в Художественном музее, он сам из бывших военнопленных, сидел в лагере в Хабаровске. Художественная ценность его работ, на мой непро-

свещённый взгляд, нулевая, – он просто изображал свою лагерную жизнь, как советский конвойный солдат с перекошенным злобой лицом пассатижами вырывает изо рта измождённого японского военнопленного зуб, очевидно, золотой; бегущую толпу японских солдат среди разрывов бомб с парящими над ними краснозвёздными самолётами. Основную мысль его работ можно было сформулировать так: пожалейте несчастных японских солдат, которые числом в один миллион двести тысяч человек, до зубов вооружённые, несколько лет стояли на границе страны, ведущей на противоположной своей границе страшную и кровопролитную войну. Я тогда сразу вспомнил этот бабусин рассказ: мы их, пленных, кормили лучше, чем ели наши дети¹.

В 1946 году дед назначен замполитом отдельного дорожного батальона в Южно-Сахалинске. Японцев только-только выбили, но мало, что практически всё гражданское японское население не было эвакуировано и спокойно проживало в своих домах, так ещё и леса были полны скрывающимися солдатами разбитой и уже несуществующей японской императорской армии, обочины дорог, поля, лесные опушки были нашпигованы минами. Батальон, где служил дед, перекрывал все дороги, ведущие в город, контролировал соблюдение пропускного режима.

Бабуся рассказывала, что Южно-Сахалинск в 1946 – 1949 годах выглядел как классический японский город: маленькие деревянные домики, а окна и двери представляли собой деревянные решётчатые рамы, заклеенные бумагой, такие «чайные домики» в нашем представлении! Печей, как в русских домах, в них не было, и отапливались они открытыми жаровнями с горящими углями. Экзотика, однако сахалинской зимой в них было жутко холодно и неуютно, бабуся с четырьмя детьми вдосталь успели насладиться этим национальным колоритом, пока комбат не приказал построить для них нормальный русский рубленый дом с печкой. И горели японские улицы довольно регулярно – а как по-другому, если отапливаться открытым огнём? М.А. Адиян рассказала, как в 1947 году живя у своей тётки М.П. Романовой в Южно-Сахалинске, на чердаке японского дома по Московской улице, 63, то ночью, неудачно повернувшись, она ногой проткнула внешнюю стену дома. Стена была картонной. Там между слоями даже какой-то японцами спрятанный меч нашёлся.

Ещё любопытная деталь, бабуся, конечно, мне такого бы не рассказала, передаю со слов отца: шагающая по улице японская проститутка в своей национальной одежде и с привязанной к спине и ягодицам поверх одежды циновкой. Она готова приступить к своим профессиональным обязанностям буквально в любую секунду и не сходя с места!

Японцев депортировали только в 1949 году, а до того жили вместе, дружно, у бабуся даже приятельница-японка была, расставались – плакали, она и вещи ей свои оставила, как уезжала. А куда бы она дела их? Депорта-

¹ Японцы ответили нам, сразу за всё: за «Варяга», за Порт-Артур, за Мукден, Ляоян, Шахэ, за позор Цусимы, за интервенцию 1918 – 1921 г.г., за то, что с Северного Сахалина они убрались только в 1925г., ещё за американцами теперь должок остался, за потопленный 12 августа 2000 г. «Курск». Ответят, обязательно ответят. Жестоко ответят.

ция началась как-то вдруг, вещей японцам, видимо, позволили взять с собой только необходимый минимум – чемодан, узелок, а все крупные вещи, вся мебель оставалась. Её вытаскивали прямо на улицу и продавали за бесценок, сколько дадут, всё равно увезти с собой в Японию было нельзя, всё равно придётся бросить. Конечно же, это неприглядное и недостойное дело – наживаться на чужом несчастье, но бабуся видела, как жёны офицеров за копейки машинами скупали вещи у этих несчастных отъезжающих японцев.

К слову пришлось: в 1997 году в Японии в одном из ресторанчиков Асахикавы я познакомился с японцем из Южно-Сахалинска. Он даже чуть-чуть помнил по-русски, получилось немного пообщаться – обменяться мнениями. Мои бабуся с дедом до 1949-го в Южно-Сахалинске жили, и мама там родилась, было интересно, хотя из его слов я понял только, что он работал в Тоёхара (японское наименование Южно-Сахалинска) кондуктором и уехал оттуда – депортировали их – тоже в 1949-ом. Мир тесен.

Там, в Южно-Сахалинске, его комбат деда подарил ему пистолет – трофейный Walter, в генеральском хромированном исполнении, с инкрустированной перламутром рукояткой. При демобилизации дед как-то умудрился «забыть» его сдать. Он так и путешествовал с ним через всю страну, с Украины через Москву на Сахалин, и он был с ним до самой его смерти. Пистолет в конце 1940-х годов на Сахалине был вещью в хозяйстве нелишней.

Сахалин и до революции был каторгой, ну а после войны его просто наводнили лагеря. *Всё*, что там строилось в то время – строили ээки. Танин дядя, Сергей Иванович Паулкин, рассказывал мне, что с детства прекрасно помнит – в районе только Углегорска было, он насчитал, 7 или 8 лагерей. Они были небольшими, конечно, – лагпункты, командировки, но они были всюду, где надо было что-то строить, а строили после войны на освобождённой земле много.

Бабуся рассказывала, что в Ново-Тымовске, куда Максим Александрович был назначен директором школы, ссыльные ходили вовсе без конвоя, причём нормальные, адекватные люди – политические, 58-я статья, никогда не расконвоировывались, а разное отребье, генетический шлак – блатные, бывшие полицаи, власовцы, бандеровцы, вырезавшие на Украине целые семьи, – их сталинский режим не считал опасными для себя. Она запомнила огромного роста полицая, он свободно расхаживал по посёлку в длинном, почти до пят, чёрном кожаном эсэсовском плаще с отворотами и в эсэсовской же чёрной фуражке, только кокарда – череп с костями – была спорота.

А в семье дети, четыре девочки... Эти же существа не боялись ничего и никого. Такой штрих: ноябрь месяц, а в школе температура лишь чуть-чуть выше, чем на улице. Котельная у школы своя, дров хватает, в чём дело? Дед, директор, пошел к кочегарам разбираться. Спустился в котельную, там тепло, трое кочегаров – бывших полицаяев – сидят, пьют. На вопрос, в чём дело и когда они собираются отапливать школу, все трое отвлеклись от своего занятия и с интересом посмотрели на незваного гостя. Один из них не торопясь встал, подошёл к деду и сказал так: «Ну, вот что, начальник. Иди отсюда и

никогда больше сюда не заходи. А хоть слово вякнешь – выйдешь отсюда...», – он кивнул на открытую топку; огонь лениво лизал полуметровые берёзовые поленья. «Двоих уже пристроили. Третьим будешь, начальник! «И никто не узнает, где могилка твоя!..» Нам терять нечего...»

Люди это были отчаянные, руки у всех не по локоть – по самые плечи в крови, и терять им, действительно, было нечего. И дед, так ни слова не сказав больше, вышел от них. Не поворачиваясь к ним спиной.

Впрочем, топить они начали, через час в школе было уже тепло.

Да что Сахалин, в 1946 – 1947 годах, в Хабаровске, столице Дальнего Востока офицеры штаба округа ходили на работу с оружием. Это в центре города, не оккупированного, своего, не видевшего войны города, шла настоящая охота на офицеров, за их оружием – Казачья гора – сейчас это улица Серышева, огромные красного кирпича здания бывшего кадетского корпуса – штаба КДВО! Тётя Лиля рассказала, что нельзя было из дому выйти, чуть начинало смеркаться, улицы города вымирали – пусто, напрочь, ни единого человека, – ночью в городе хозяйничала «Чёрная кошка». Я переспросил два раза, да – «Чёрная кошка», как у Г. и А. Вайнеров в «Эре милосердия»¹! И, по её словам, везде, в любом городе Советского Союза эти послевоенные банды из уголовников, дезертиров и мародёров назывались одинаково: «Чёрная кошка», и ведь «фирменный логотип» у них тоже был один.

Потому-то пистолет и не был предметом роскоши². После смерти деда бабуся избавилась от него, говорит, побоялась оставить. Да и зачем бы он ей понадобился? В семье остались одни женщины, а пистолет – игрушка мужская³. Она утопила его в уборной здания Института усовершенствования учителей, оставшегося от японцев двухэтажного здания через дорогу напротив универмага «Сахалин». Там были уборные с выгребными ямами.

¹ Гораздо более известен фильм С. Говорухина, снятый по этому роману, с В. Высоцким и В. Конкиным в главных ролях. И хотя фильм сильно отличается от романа, тем не менее, он сам по себе превосходен.

² Не нашёл больше, куда поместить, но больно уж интересная, «вкусная» жанровая зарисовка. Был я как-то в гостях у дяди Коли и тёти Нины Власюк, когда они ещё в своём доме жили. Сажу на кухне и вижу, что возле печки валяется самый настоящий самопал. Я глазам не поверил.

Мы в ясновском сахалинском детстве такими баловались: выстругивалась палка – приклад, к ней сверху проволокой прикручивалась металлическая трубка, длиной сантиметров 15 и диаметром до сантиметра, тщательно сплюснутая с одного конца. Это был ствол. В ствол вместо недоступного нам пороха набивалась сера, соскобленная с пары десятков спичек и закатывался подходящий по диаметру шарик от подшипника. Снаружи к специальной дырочке в «казённой части» ствола привязывалась спичка. Когда нужно было проинформировать выстрел, по этой спичке – «запалу» необходимо было чиркнуть боковиной спичечного коробка. Запал через дырочку поджигал заряд серы в стволе и происходил настоящий выстрел. Данила Багров в «Брате-2» один-в-один реализовал эту схему! Оружие небезобидное, оно и взорваться могло, если заряд большой слишком, и было серьёзно, я-то жалел животных, до слёз, а пацаны птиц запросто убивали из такого. Так вот, увидел я такую прекрасную вещь в таком униженном положении, давай канючить: «Дядя Коля, ну, подари племяннику самопал, детство вспомнить!» Не подарил, как раз из опасения за моё здоровье, но при этом он сказал вещь, которую я запомнил навсегда. Дядя Коля родом с Магаданской области, посёлок Ола, а там «градообразующими предприятиями» были лагеря, ничего кроме лагерей. Он сказал мне: «Женя, в 1953-ем, когда бериевская амнистия была, освобождённых уголовников просто выставляли за ворота лагеря, без денег, без еды – добирайтесь до Магадана сами, свободны! И они добирались, а для пропитания, и чтобы достать себе одежду разбивали и грабили всё по пути. Родители наши как раз в отъезде были, и мы со старшим братом – ему 12 лет было – несколько ночей С ТАКИМИ ПИСТОЛЕТАМИ обороняли дом, держали входную дверь, чтобы её не выбили урки. С той стороны дверь ногами выбивают, а с этой мы с братом её держим».

³ Не могла мне сохранить!

Когда я учился в музыкальном училище в Южно-Сахалинске, там, напротив универмага, рядом с кинотеатром «Комсомолец», действительно был институт усовершенствования учителей, у нас там даже проходили репетиции – я пел тогда у Николая Ивановича Чистякова в церковном хоре.

И, закрывая тему, хочу упомянуть об одной истории, рассказанной мне тётёй Лилей – этого нет ни в одной книге и уже никогда не появится. Я всё о блатных. В армиях маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского существовали части, укомплектованные бывшими заключёнными. Представители Рокоссовского ездили по всем лагерям и под его личные гарантии набирали желающих – это были сплошь блатные, политическим заключённым режим не доверял. После первого ранения человек считался «искупившим кровью» свою вину, судимость снималась, и после госпиталя он направлялся доёвывать в обычные боевые части.

Можно представить, что это было за войско – мировоззрение блатных чёрно-белое: свои – чужие, причём, оно классически-мафиозно (а *мафия* – это ведь «семья»!). Свой – блатной, даже будь он последним подонком, остаётся своим, в отношении него действуют все воровские законы. Чужой же, то есть, не принадлежащий к воровскому сообществу, рассматривается только в качестве источника наживы, «кормовой базы»: чужого можно проиграть в карты, как принадлежащую тебе вещь, можно безнаказанно ограбить, убить, слово, данное ему блатным, не обязывает последнего ровным счётом ни к чему, оно является всего лишь «военной хитростью», – и это не считается чем-то дурным, напротив, знаком особой воровской доблести. Авторитетов никаких над собой эти «солдаты удачи», кроме своих «паханов» и лично маршала Рокоссовского, не знали, но воевали, надо отдать должное, здорово. Они, вот такие, пришли к месту, когда надо было не просто побеждать, а ломать Германию, подавлять всякую волю к сопротивлению. И командование до известной степени закрывало глаза на грабежи, насилия в отношении гражданского населения – что поделать: *a la guerre comme a la guerre*, у всех перед глазами ещё стояли зверства немецкой армии в Белоруссии, в России, на Украине – об этом так много сказано, что рассказы эти превратились в общее место. Но вот, спустя более полувека – седьмой десяток пошёл, – я читаю материалы Нюрнбергского процесса, взять хотя бы только в части обращения с советскими военнопленными – там такое написано, что волосы на голове шевелиться начинают, и мне, мирному, совершенно неагрессивному человеку с высшим гуманитарным образованием искренне непонятно, как это мы в 45-ом Германию – всю – не закатали в асфальт. Читая эти документы – непонятно. И вот эту работу – подавление воли к сопротивлению противника (Илья Эренбург тогда в «Правде» призывал «сломить гордость надменного немецкого народа...»), «рокоссовцы» и делали с успехом – да это и была их стихия, их «гражданская специальность».

После победы над Германией «рокоссовцев» перебросили на Дальний Восток – ломать теперь уже Японию. Дядя танин, Сергей Иванович как-то

рассказал мне: он помнит их, видел. Запомнил, потому что у всех у них у пояса висели кинжалы. Не штыки, не финки, а настоящие кавказские кинжалы.

Но война окончилась быстро – месяц, и всё это бластное воинство, «золотую роту» надо было демобилизовывать и отпускать по домам. Пополнять ряды «Чёрной кошки», – «рокоссовцы» мало, что ничего кроме как грабить и убивать не умели, но и не хотели – это была их профессия, сознательно выбранный ими род занятий. Что говорить о профессиональных преступниках, она, война, и простым, нормальным людям как душу поискалечила. Мне тесть, Александр Фёдорович рассказал: его отец, полковник, в ту войну был комендантом какого-то немецкого города. Война уже заканчивалась, немцы не особо горели желанием погибать, когда вот-вот наступит мир и сдавались в плен массово. Группу пленных немецких генералов – что-то около 6 – 7 человек – определили под охрану одного русского солдата – повара на полевой кухне, он их вроде как кормить должен, ну и караулить заодно. Обед, сделанный этим солдатом, генералам почему-то не понравился: то ли каша слишком жирная, то ли борщ недосолен – не знаю, в общем – не стали есть, выплеснули всё из котелков на землю, сидят, недовольные, бурчат что-то, переговариваются между собой – непонятно, по-немецки. И вот этот солдат, не говоря худого слова (а о чём ему было с *ними* говорить? Как в Белоруссии да на Украине в это же самое время люди прошлогоднюю картошку, зимовавшую в поле, выкапывали из раскатанных танками полей, пекли из неё, сладкой, желеобразной, полугнилой, лепёшки и считали лакомством?..), молча, ножом, которым в этот момент чистил картошку, один, запорол всех шестерых.

Но к «рокоссовцам». Тётя Лиля рассказала: где-то в начале 1970-х годов они с дядей Витей – своей дачи у них ещё не было, – были в гостях на даче Павла Леонтьевича Морозова, тогдашнего председателя хабаровского горисполкома (к слову, меня из роддома привезли домой на его служебной чёрной «Волге»! А ещё – сейчас в Хабаровске одна из улиц – продолжение ул. Пионерской – названа его именем: улица П.Л. Морозова). Разговор зашёл о вышедшем недавно издании «Воспоминаний и размышлений» Г.К. Жукова. А сидели по-дружески, разговаривали, мужчины немного выпивали, и Валерий Сергеевич Постников, полковник, адъютант командующего КДВО генерала армии И.М. Третьяка, со слов своего шефа рассказал, как кончилась «эпопея» с «рокоссовцами». Их погрузили на два (я переспросил её) парохода и повезли, как им сообщили, высаживать десант в Японию. А ночью, в открытом море, команды пароходов (очевидно, специально отобранные) открыли кингстоны, спустили на воду шлюпки и тихо ушли. Как получилось, что никто ничего не заподозрил, не знаю: наверное, напоили всех, да ещё и подсыпали чего в водочку. В общем, два океанских парохода с «рокоссовцами» за несколько минут пошли ко дну. И характерный штрих, сразу выдающий режиссёра, гениального режиссёра всех времён и народов – Иосифа Виссарионовича Сталина: командовать уничтожением «рокоссовцев» было поручено самому Константину Константиновичу Рокоссовскому! И он бле-

стяще справился с этим заданием! Он был лично знаком со стилем и методами работы следственного аппарата сталинского НКВД, его самого в начале войны прямо из лагеря в командармы произвели!

Тётя Лиля отметила, что сидевший тут же, участвовавший в застолье Виктор Степанович Пастернак, первый секретарь хабаровского горкома КПСС, моментально пресёк дальнейшее развитие темы.

В 1949 году Максима Александровича перевели на Украину в город Сарны, Закарпатский военный округ, начальником партийной школы артиллерийской бригады. Вернее, назначение ему было во Владимир-Волынский, но кадровик во Львове взглянув окно и увидев сидящих там на скамеечке четырёх девочек спросил только: «Твои»? И потом: «Майор, я не могу тебя с ними *туда* отправить... Давай прикинем по карте, тебе хотя бы 200 – 300 километров от границы». Они искали и нашли Сарны – дальше от границы не было ничего. Там было хоть *относительно* безопасно: существовал негласный договор – бандеровцы не трогали семьи офицеров, госбезопасность не трогала родственников бандитов. Эта «безопасность» действовала только внутри периметра военного городка.

Это была не просто Украина, его родина, это была Западная Украина – бандеровский заповедник. Русским там было жить попросту опасно, да и не только русским. Писателя Ярослава Галана, украинского писателя, убили в собственной квартире во Львове в 1949 году. Постоянные убийства из-за угла своих же, местных, украинских коммунистов, милиционеров, председателей сельсоветов. Все знали, что дважды в год – к годовщине революции на 7 ноября и на 1 мая – бандеровцы обязательно повесят несколько коммунистов или просто сотрудничавших с советской властью, повесят на фонарях в центре города, несмотря ни на какие меры, принимаемые МГБ и МВД.

Когда в 1952 году утонул Славик, то на его могиле даже нельзя было установить красную звезду из опасения осквернения. На еврейском кладбище со звездой нельзя, на православном тоже, на гарнизонном хоронили только погибших при исполнении воинского долга и умерших в госпитале, а «просто» похоронить – бандеровцы и мёртвых не оставляли в покое, – они мёртвых, «советских» – в буквальном смысле – выкапывали и выбрасывали из могил. Ну, а поскольку крест сыну политработника Советской Армии, конечно, ставить нельзя, то наверху обелиска поставили нейтральный, непонятный полированный бронзовый шар. Похоронили Владислава Волошина на уже закрытом к тому времени польском мемориальном кладбище.¹ Это их местный сарненский православный батюшка каким-то образом договорился с ксёндзом из Ровно, чтобы сына советского политработника похоронить на закрытом католическом кладбище. Поверить почти невозможно. При разговоре деда (на кладбище он был – это важно! – в военной форме, гражданского костюма у него просто не было, семья жила бедно – пятеро детей) с ксёндзом

¹ И тётя Тома, и тётя Лиля отметили, уже про украинские реалии 2014 года: Александра Музычко, «Сашка Билого», ровненского бандита, хоронили на том самом кладбище – по ТВ показывали, - они его, кладбище, каждая в отдельности, узнали.

присутствовали монахини из расположенного тут же польского католического монастыря, очевидно, они несли послушание ухода за могилами: деньги, предложенные дедом за уход за могилой, они взяли отказались. И вот тётя Лиля отмечает, что и в 1960-х, когда она посещала могилу брата, и в последний раз в 1988 году могила была ухожена и на ней даже были цветы. Когда же, в 1988 году, специально заехав в Ровно, она зашла в помещение привратницы около кладбищенской часовни, чтобы попросить показать дорогу к могиле брата (36 лет прошло как-никак), то сидевшая там старенькая монахиня «прищурилась и утверждающе спросила: «Лысый майор просил?»» Занавес! 36 лет!

Последних бандеровцев отлавливали на Украине ещё до 1970-х годов.

Жила семья в военном городке, это был тот редкий период, когда бабуся не работала, не было ей работы: местного суржика – варварской смеси великорусского, малороссийского наречия, польского, немецкого, идиш, венгерского – она не знала: для местных она была чужой, несмотря на мать-украинку и мужа-украинца. Семья жила на одну дедову зарплату. На половину зарплаты! Дед платил алименты: 50% от зарплаты в течение пяти лет.

Нет, он всегда высылал первой жене деньги на дочерей, сам, не по суду, и квитанции были, даже довоенные, но они были на Сахалине, в Арково, Александровске – как началась война, разве кто об этих квитанциях думал? Бабуся 23 июня с одним узелком с детскими вещами уже плыла на пароходе в Николаевск, деда тоже немедленно мобилизовали, потом война, Украина под оккупацией – куда деньги посылать? Тут бывшая жена, узнав, что он служит рядом, в чинах – майор, начальник, значит, деньги есть, значит, заставят! – подала в суд на взыскание алиментов. Вот и жили всемером – нищенствовали на половину дедовой зарплаты.

Бабуся и тётя Лиля в разное время рассказывали мне, как в Сарнах Славик летом во время каникул собирал по округе валяющиеся кости сдохших животных – их принимали в конторе «Вторсырьё» и платили какие-то деньги, – только для того, чтобы его младшей сестрёнке Нине купить в школу, в 1-ый класс, на 1 сентября кружевной белый фартучек, чтобы она не чувствовала себя хуже других. Разумеется, платице в школу бабуся ей сошьёт, и белый фартук тоже, но на такую «роскошь», как кружева и красивые ленточки в косички, денег в семье – очень даже просто – не было. И Нина 1 сентября пошла в школу – благодаря брату – нарядная, *как все*.

А дед честно высылал деньги на дочерей, и потом, из Германии, отправлял старшей дочери, Татьяне, посылки с вещами. В побеждённой Германии можно было купить отличную одежду, обувь, конфеты, продукты, а на послевоенной Украине, разграбленной, вытопанной, сожжённой, царила разруха и нищета. С этих отцовских посылок Татьяна сумела поставить в родном селе дом на каменном фундаменте! Максима Александровича упрекнуть не в чем, и лучшей иллюстрацией тому дружеское, тёплое общение всех его дочерей, и бабусяных и «украинских».

Долго я сомневался – стоит ли затрагивать этот вопрос, учитывая современные «толерантные реалии», но решил, что из песни слова не выкинешь, да и в принципе неправильно редактировать песни с позиций злобы дня сего. Это *мой* дед – и более тут не о чем говорить!

Как минимум трижды на моей памяти я слышал в передаче бабуси его слова, слова майора Советской Армии, политработника, начальника партшколы, преподавателя истории, директора школы-интерната – это я всё к тому, что он отнюдь не был маргиналом, мой дед: «Гитлер, – говорил он, – конечно же чудовище, но за одно я благодарен ему: за то, что он уничтожил столько евреев».

Как сказано! А я добавлю от себя, что у меня, как у человека русского, есть серьёзные неснимаемые претензии к этому племени, к пассажирам тех самых «пломбированных вагонов», за уничтожение моего, русского национального государства – Российской империи, за зверства ЧК, за разрушенные и осквернённые русские церкви, за геноцид моего народа – это всем понятно и никому не интересно¹. Но Максим Александрович Волошин ведь был коммунистом! Да только кроме того он был русским человеком (какая ещё земля может быть *более русской*, чем родная его Киевщина?), а уж исторические претензии украинцев Правобережной Украины к себе *богоизбранный* народ не оспаривает и сам². Для нас здесь интересно другое – почувствовать нешу-

¹ Литература для понимания темы:

Солоухин В.А. Последняя ступень (Исповедь вашего современника); Цветаева М.И. Вольный проезд; Шафаревич И. «Русофобия»; Даль В.И. «Записка о ритуальных убийствах»; Шульгин В.В. «1920», «1921»; Платонов О.А. «Загадка Сионских протоколов».

² Помнишь эпизод из «Тараса Бульбы», непосредственно предшествовавший походу козаков на Польшу? «В это время большой паром начал причаливать к берегу. Стоящая на нём толпа людей ещё издали махала руками. Это были казаки в оборванных свитках. Беспорядочный наряд – у многих ничего не было, кроме рубашки и коротенькой трубки в зубах, - показывал, что они ... только что избегли ... беды. Из среды их отделился и стал впереди приземистый, плечистый козак, лет пятидесяти...

- А вы разве ничего не слышали о том, что делается на гетьманщине?

- А что? – произнёс один из куренных атаманов...

- Такая пора теперь завелась, что уже церкви святые теперь не наши.

- Как не наши?

- Теперь у жидов они на аренде. Если жида вперёд не заплатишь, то и обедни нельзя править.

- Что ты толкуешь?

- И если рассобачий жид не положит значка нечистою своею рукою на святой пасхе, то и святить пасхи нельзя.

- Врёт он, паны-браты. не может быть того, чтобы нечистый жид клал значок на святой пасхе!

- Слушайте!.. ещё не то расскажу: и ксендзы ездят теперь по всей Украине в таратайках. Да не то беда, что в таратайках, а то беда, что запрягают уже не коней, а просто православных христиан. Слушайте! ещё не то расскажу: уже говорят, жидовки шьют себе юбки из поповских риз. Вот такие дела водятся на Украине, панове!..» Жуткие вещи, они кажутся художественным авторским преувеличением, но дело в том, что Гоголь устами этого козака говорит чистую правду. Не только пасху освятить нельзя было, не заплатив еврею-арендатору, так и пасху саму нельзя было самостоятельно приготовить, её надо было купить уже готовой у того же еврея-арендатора, более того, ты обязан выкупить установленное им количество пасх и куличей по его цене. Обязан! Не заплатив еврею-арендатору нельзя было окрестить новорождённого, похоронить мёртвого, а вот это для средневекового православного русского человека было страшнее смерти, они верили, что и умерший некрещёный младенец, и без покаяния и исповеди умерший человек, их родной человек, шли напрямик в ад. Да без отпевания человека на кладбище хоронить никто бы не позволил, только за оградой, как собаку. Дело было поставлено так, что не только земля крестьянину не принадлежала, но ещё и за все долги еврей-арендатор переписывал на себя сельскохозяйственный инвентарь крестьянина, его хату, скот, домашнюю утварь, посуду и даже одежду: рубаха и портки, которые были на крестьянине Правобережной Украины, принадлежали не ему, а тому самому еврею, и крестьянин за пользование своим домом, своей ко-

точный градус этой исторической ненависти столетиями многократно обобранных и духовно униженных украинских крестьян к евреям. Русские, точнее, великороссы, – другое дело. У моего прадеда, Гаврила Ивановича Конченкова, была такая присказка: «Да много ли надо бедному еврею? Всего-навсего кусочек хлеба ... и вагон масла». Но он родом из великорусской губернии – Пензенской – Пенза же находится далеко от черты постоянной еврейской оседлости, существовавшей в Российской империи с 1791 по 1917 годы, – то есть никаких экзистенциальных переживаний на тему сосуществования с евреями иметь Гаврил Иванович объективно не мог. Только личные наблюдения, сделанные в сознательном возрасте. И здесь отличие «русского антисемитизма» – юмористического, снисходительно-брезгливого, – но вот рук марасть русский не станет, – от антисемитизма польского, украинского и казачьего. У всех этих народов в крови, в генах отпечатаны все прелести существования с «богоизбранным народом».

Так, возвращаясь к деду, – сказать такое в 1950 – 1960-е годы в Советском Союзе... Офицер Красной Армии благодарен Гитлеру! Это всё, конец – всему конец! Как-то в разговоре с тётёй Лилей я привёл эту фразу её отца. Она *очень* удивилась: «Он так сказал?!» Незачем ему было посвящать их, своих дочерей, нормальных советских детей, комсомолок, в эти метафизические подвалы. Бабуся рассказала только мне, и повторяю, что слышал я от неё эту фразу *неоднократно*, в первый раз ещё где-то в начале – середине 1980-х.

И ещё советский анекдот военного времени на животрепещущую ныне тему «холокоста», передаю исключительно социологического интереса ради, бабуся рассказала. Анекдот злой и эмоционально исключительно точный. Для современного человека он совершенно непонятен, впрочем, в этом-то залог его аутентичности. Для понимания анекдота нужно иметь представление о фразеологии военных сводок «Совинформбюро», внутренне услышать неподражаемый голос его диктора Юрия Левитана и знать, что после физического уничтожения ЧК–ОГПУ в 1920-х годах основной массы русской национальной творческой и технической интеллигенции, её место плотно заняли представители как раз той национальной общности, о которой мы ведём речь. И с самого начала войны вся эта публика в полном составе активно, организованно, с вещами, уезжала из Москвы и европейской части России, находящейся под угрозой прорыва немецких танковых групп, «в эвакуацию» в тихую, тёплую, за тысячи километров от ужаса войны находящуюся Среднюю Азию.

Анекдот! Совсем коротенький.

Сводка «Совинформбюро», медленный, торжественный, ликующий бас Левитана: «Сегодня на рассвете ... после продолжительных изнурительных

ровой, конём, домашней птицей, сбруей, лопатами, вилами, граблями, горшками, кувшинами и носимой его семьёй одеждой был должен платить.

А какого отношения от украинских крестьян ждали евреи?

боёв ... группа еврейских патриотов!.. штурмом!!.. овладела городами!!!: Ташкент!, Алма-Ата!, Самарканд!, Душанбе!..»

С удостаиванием героев высокой правительственной награды медали «Не допустим фашистского гада до ворот Ашхабада».

Из песни слова не выкинешь.

К месту будет сказать и про дедово «украинство». Бабуся как-то на Сахалине посетовала ему, что надо было после демобилизации остаться на Украине: тепло, всё растёт, тем более, что предлагали и Львов, и Сарны, и даже Крым, на что дед – этнический украинец! – тётя Нина запомнила эту сцену, – с неожиданной страстностью выдал бабусе: «Да эти хохлы!.. Ты их просто плохо знаешь! За деньги – они хоть мать родную продадут!..»

Русским, русским человеком был дедушка Максим Александрович!

В 1954 году деда переводят в ГСВГ (Группа Советских Войск в Германии) в г. Франкфурт-на-Одере замполитом Дома офицеров. Должность эта была в большой степени представительская, этот Дом офицеров рассматривался как «витрина» Советской Армии в Германии, не банальной оккупационной армии, а дружественной к побеждённым армии-освободительницы. В Доме офицеров действовало Общество советско-немецкой дружбы, постоянно принимались различные делегации, из Советского Союза регулярно приезжали с гастролями художественные коллективы и самые популярные артисты.

В материальном плане жизнь в ГДР, особенно после Сарн, была сказочной, как это ни было странно и дико им, приехавшим из победившей страны в страну побеждённую. Девчонки оккупировали кондитерский магазин, расположенный рядом – отъедались конфетами, их было много, разных и их немецких названий, разумеется, никто не понимал. Бабуся рассказывала, как однажды вся семья наелась вкусными, но как оказалось, глистогонными конфетами... А бабуся купила себе мечту всех русских хозяек, которую они лелеяли на протяжении последнего столетия: ножную швейную машинку Singer! Только называлась она уже не Singer, а Textima. Но немецкая техника и есть немецкая техника, уже полвека работает эта машина – семья большая, одежды на всех не накупаешься, бабуся всё шила сама, и потом, когда мне нужно было подрубить джинсы или вшить «молнию», я тоже шёл к бабусе. И Textima её одинаково легко работала и по шёлку, и по коже.

Мне запомнился один бабусин этюд о европейских нравах. Человек, идя по улице, спрашивает у встречного курящего позволения прикурить сигарету, и прикурив, он даёт тому монетку в один пфенниг! Стандартная форма благодарности. Но не для русского глаза! Я сам курил в течение 15 лет, и в советское время и в «демократическое», так вот когда у тебя нормальный человек просит – не спичку, нет! – сигарету – уважительных (внутренне, для себя, как бы ни жаль тебе было дорогих и дефицитных сигарет) причин отказать ему практически не существует. И если бы мне предложили монетку взамен, я счёл бы это обидным для себя. В школе ещё, в 8 классе, когда

начинали курить, а «злые» тёточки-продавщицы в магазине сигареты нам, по молодости лет, естественно, продавать не хотели, то мы вставали у входа в магазин и просили первого же входящего мужчину купить нам пачку. Как правило, они спокойно покупали – нормальная мужская солидарность! Разве не оскорбительно (для русского человека) предлагать за это деньги?

Сохранилось несколько детских маминых фотографий из ГДР.

И ещё одно, берлинское приключение деда. Они с бабусей приехали посмотреть Берлин. Гуляют, глазают по сторонам – интересно, огромный европейский город, архитектура, памятники, конечно же, и магазины. Весна, все просыпается, погода отличная, на улицах многолюдно, чисто, пьяных нет, – ну, Европа, одним словом, есть на что посмотреть, что в России потом рассказать. Идёт по Берлину под ручку с женой офицер армии – победительницы, в новеньком парадном мундире, золотые погоны, ордена, сапоги как зеркало – дед всегда женщинам нравился – встречные немки глазки строят и сами собой в штабеля укладываются! Гуляют... Бабуся так рассказывала: «Внезапно я замечаю, что окружающие как-то странно смотрят на нас, обходить начали за несколько метров... Я ничего не могу понять (а дед в это время как ни в чём ни бывало продолжает важно вышагивать, олицетворяя собой советскую военную мощь! – Е.К.), озираюсь по сторонам. Вдруг к нам подошёл человек, немец, с совершенно белым лицом: «Что вы делаете? Немедленно возвращайтесь, вы же зашли в американскую зону...»».

Тут уже настала очередь деда бледнеть.

Краткий экскурс в историю вопроса. После победы над Германией Берлин был разделён на оккупационные зоны: советскую, английскую и американскую. Британия и Соединённые Штаты из своих зон выделили зону оккупации для Франции. Английская, американская и французская зоны составили так называемый Западный Берлин. «Берлинскую стену» возведут только в 1961-ом, а пока на границах восточного и западного секторов города стояли контрольно-пропускные пункты. Но город-то огромный, все улицы заборами не перегородишь!

Началом «холодной войны» считается знаменитая речь британского премьер-министра Черчилля в Фултоне 5 марта 1946 года. Не прошло ещё и года со дня Победы, когда СССР, США и Великобритания были союзниками, а Черчилль уже призвал к «крестовому походу против коммунизма», против Советского Союза, олицетворявшего в его глазах столь ненавидимый им коммунизм. В 1948 – 1949 годах разразился так называемый «первый берлинский кризис», мир тогда стоял на грани военного конфликта Советского Союза с одной стороны и «западных демократий» с другой¹.

¹ Поводом его стало создание, в нарушение всех договорённостей в зоне контроля «союзников», путём слияния подконтрольных им территорий на западе Германии, сперва Бизонии (конец 1947), а потом и Тризонии (начало 1948) и попытка провести в ней денежную реформу. Опасаясь притока на восток отменённых денег, советские власти закрыли границу, а заодно и прекратили поставку электроэнергии. С 1 апреля 1948 года ввели проход только по пропускам, а с 24 июня прекратили и вообще всякие контакты. Западный Берлин выручили США, организовавшие авиамост, хотя изначально план советской стороны предусматривал введение ограничений и на полёты, только несколько позже, чем операции на земле. Западный Берлин с населением в 2,2 млн. человек пришлось снабжать по воздуху, и за 321 день совместными усилиями ВВС «со-

И вот майор Советской Армии в 1954 году оказывается в американской оккупационной зоне! Ему есть от чего побледнеть с лица! Его арестует первый же представитель американской военной администрации. Это плен – а в Союзе ещё не отменены законы, рассматривающие сдавшихся в плен как изменников Родины. При возвращении они, как известно, попадали в фильтрационный лагерь, члены их семей также подвергались репрессиям. Потом, это сразу «конвейер» ЦРУ, где будут мотать-вытягивать информацию, склонять к измене Родине, к переходу на их сторону, это провокации, запугивания, предложения купить свободу выступлением по радио о добровольном переходе на Запад и «разоблачением» «звериного оскала социализма». Это конец – больше не увидеть ни жены, ни детей, ни Родины.

К счастью, бабусе с дедом тогда удалось выбраться – потихонечку, скромненько, – выйти в советский сектор.

В декабре 1956 года началась так называемая «хрущёвская демобилизация» – сокращение армии на миллион двести тысяч. Поскольку дед не был кадровым офицером, она касалась и его. Демобилизовываться он поехал в штаб Закарпатского военного округа во Львов. Там ему сразу же предложили должность преподавателя истории партии во Львовском политехническом институте. Хоть Максим Александрович и был природным украинцем, на *рідної мови* размовлял (не то слово: он по-русски правильно писать так и не научился, всё мягкие знаки на конце глаголов, в частности, вставлял норвил), но отказался, – тётя Лиля говорит, за семью опасался – Западная Украина, бандеровцы по лесам гуляют, полицаи бывшие, а у него жена и четыре девочки.

Решил возвращаться на Сахалин, откуда был мобилизован: военная пенсия ему была не положена, он получал только 900 рублей за офицерское звание, а в случае возвращения к последнему месту работы служба в армии засчиталась бы ему в общий рабочий стаж, в педстаж.

Возвращались через Москву, с ходу получил предложение занять пост директора вспомогательной школы, квартира при школе, через 3 года московская прописка и отдельная квартира в Москве, – отказался! Тётя Лиля говорит, мол, «побоялся» того, что школа «вспомогательная», – не знаю. Уехал на Сахалин, в Шебунино, директором школы.

Летом 1958 года в Ново-Тымовске открывалась первая в Сахалинской области школа-интернат. Максима Александровича, как одного из самых опытных директоров, назначили её директором. Большая квартира при школе – 100 кв. метров.

Жанровая сценка. Место действия: Сахалин, 1950-е годы. Действующие лица: дед, бабуся и Агриппина Ивановна, её мама.

Кулеш – блюдо украинской кухни, представляет из себя пшённый суп, сдобренный луком, шкварками – жареным салом, – говорят, вкусная вещь.

Факт тот, что дед любил кулеш, объяснил бабуся, как он готовится и время от времени она этот кулеш ему варила.

Время ужина, на плите стоит только что сваренный кулеш, бабуся с мамой ждут деда, за стол не садятся. Он задерживается. Наконец, Агриппина Ивановна устала ждать – неизвестно, когда он вернётся, может, в гороно вызвали. Просит дочь покормить её. Бабуся берёт тарелку, наливает... Агриппина Ивановна искренне удивлённым голосом:

– А ты что это мне положила, Елена?..

– Кулеш, мама. Я же при тебе варила.

– Да ты что, Елена? Да кто бы когда у нас его ел? Вон же у тебя борщ стоит...

На плите пристроилась кастрюля с остатками вчерашнего борща. Бабуся спокойно забирает у неё тарелку с кулешом, и наливает тарелку борща. Мама с аппетитом ужинает. Тут, наконец, с работы возвращается дед.

– Ну, бабуся царство! За стол уже сели, без меня начали?

Чувствует густой, сытный запах кулеша на печи и замечает, что тёща (он её мамой звал, а она его – Митенькой) кушает борщ, мгновенно оценивает ситуацию и начинает играть – садится к столу, выпивает свою стопочку перед ужином и вдруг удивляется:

– Лёля, а что это ты маме борща-то налила? Ты разве не знаешь, что мы с мамой ждём-не дождёмся, когда ты нам кулеш сварить?

Агриппина Ивановна встрепелась и тут же тоже вступает в разговор:

– Да, что это ты, Елена, ты же знаешь – мы с Митенькой кулеш любим!..

Зная за тещей такую черту – по любому поводу безоговорочно поддакивать зятю, дед частенько заводил различные разговоры, начинает глубоко-мысленно рассуждать:

– Вот раньше как хорошо было – муж жену побьёт, – вожжами там её поучит, ремнём, так она сразу становилась шёлковая, ласковая, мужу в рот заглядывает. И никаких тебе семейных скандалов, всё тихо и мирно... Семьи не разваливались, дети сиротами не росли... Как вы считаете, мама?

Агриппина Ивановна и рада угодить любимому зятю:

– Да, да, Митенька, конечно, как же не поучить-то жену? Вот и меня Павел Федотович, бывало – косу на кулак наматает и головой об стену, – и ведь ни в чём не виновата была: он гулял-гулял, а я детей пошлю за ним, к любовнице-то его, домой его звать... Так на то он и муж, чтоб учить жену-то... А как же иначе, Митенька?

Дед продолжает дальше издеваться:

– Так, значит, и Лелю тоже хорошо бы иногда «поучить», как вы считаете, мама?

В ответ, вместо обычной бабушкиной словоохотливости молчание, минуты на полторы-две...

– Мама, что-то вы отстаёте. Так, получается, и Лёлю тоже надо бы побить, для порядка?

– Ну, наверное... Конечно, Митенька... Что же делать, наверное, надо побить... Но только, Митенька, не шибко, не шибко!..

Тут не выдерживает хлопочущая по хозяйству и молча слушающая «беседы» мамы с мужем бабуся:

– Мама, ну как ты можешь так говорить? Я ведь твоя дочь, ты живешь у меня в доме, я кормлю тебя, обихаживаю?..

– Елена, так я же и говорю, что только не шибко, не шибко!..

Из-за своего острого языка дед и демобилизовался майором, несколько представлений на подполковника заворачивал начальник окружного политуправления ГСВГ Петров, дед ему сказал что-то вроде «да я больше забыл, чем ты знаешь», начальник был без высшего образования, но с фронтовыми связями в министерстве. Через Мамчура, начальника Дома офицеров, замполитом которого был Максим Александрович, Петров требовал формальных извинений от майора Волошина, он даже не настаивал на публичных извинениях, тем не менее дед отказался наотрез.

Он все больше хмелел. Я за ним по пятам.
Только в самом конце разговора
Я обидел его, я сказал: «Капитан!
Никогда ты не будешь майором!»

В июне 2008 года я поехал в отпуск на Сахалин, и начал своё «путешествие в детство» с севера: Зональное, Ясное, Тымовск (последний раз до того я там был в 1991 году!), Александровск, затем намеревался в Тымовске сесть в поезд на юг, доехать до Взморья, там попытаться поймать проходящий рейсовый автобус Южно-Сахалинск – Углегорск: 200 км по грунтовой дороге сидя на ступеньках автобуса. Но ещё за год до того, продумывая будущий маршрут, до Взморья я решил выйти в Восточном: я хотел найти могилу деда.

В Восточном я никогда не был, никого там не знал, и совершенно серьёзно рассчитывал, что жить те несколько дней, что я буду исследовать старое кладбище и расспрашивать стариков, мне придётся где-нибудь на морском берегу, или на сопке в лесу – думаю там, в полуразрушенном триумфальным приходом демократии посёлке и власти-то никакой нет, не то, что гостиницы. Меня эта перспектива не пугала, хотя я и на собственном опыте знал, какие бывают температуры ночью на восточном побережье Сахалина – даже и в августе месяце, но в двух свитерах, камуфляже, с костром, где-нибудь в укромном от ветра уголке я намеревался приятно провести время. Да это же просто – приключение!

И как-то вскользь в разговоре я похвастался этим тёте Томе Михайловой, маминой ясновской подружке, у которой я коротал день до отправления поезда. Она вдруг развернулась ко мне и произнесла странную фразу: «А ты что, *ничего не знаешь?*»

Перед отъездом в Хабаровске я подробно расспрашивал маминих сестёр о Восточном, пытаюсь максимально облегчить себе будущие поиски.

Мне представилась такая картина: в 1991 или 1992 перед отъездом с Сахалина маман специально ездила в Восточный, нашла могилу отца, поправила памятник, покрасила ограду, договорилась с людьми об уходе за могилой, оставила им на эти цели деньги. А тут тётя Тома Михайлова: «А ты что, *ничего не знаешь?*» И рассказала: «Мы же вместе с ней туда ездили, она меня попросила, не хотела одна ехать. В сильное наводнение (в 1981-ом. – Е.К.) старое кладбище с могилой Максима Александровича затопило море. Всё смыло. Мы пришли на это место и просто положили цветы на берег – *там нет ничего*».

В Восточном я выходить не стал.

Мама никому ничего не сказала. Не захотела – или не смогла сказать сёстрам, что могилы их отца не существует на земле.

А я ему завидую. Я люблю Сахалин. Люблю, как любят родину, хотя родился я в Хабаровске.

Мама

Очень трудно оказалось что-то написать о маме, вот уже почти три месяца я не могу добавить ни слова. Банальность – может ли кто сказать, что *любит* части своего тела: руки, ноги... А если лишиться хотя бы одной из них?

В общем, я попросил тётю Лилию написать несколько слов о её младшей сестре и вот её воспоминания, я ничего не редактировал.

* * *

Рая родилась 5 сентября 1948 года в г. Южно-Сахалинске. В то время папа служил в отдельном пограничном автотрономном батальоне замполитом.

Возможно, даже вполне вероятно, что Рая не была долгожданным ребёнком для родителей, нас уже было четверо (имею в виду детей), но после рождения она стала самым любимым ребёнком, так как разница в возрасте между детьми была большая: Тома старше на 15 лет, Слава – на 11 лет, я – на 10 лет. Разница в возрасте между Ниной и Раей – 3 года, поэтому сразу же после рождения Раи Нина стала «старшим ребёнком». Если Нина шла на улицу, то обязательно за ручку с Раей и ни на шаг не могла отойти от малышки, – фактически, сама ещё ребёнок, Нина стала нянькой, как только Рая научилась ходить.

Родители своеобразно готовили нас, старших детей, к появлению малыша – нам предложили придумать имя и для девочки, и для мальчика, поскольку раньше пол ребёнка определялся лишь при рождении. Понятно, что для нас, детей, это было важно – найти такое красивое имя, чтобы понравилось и маме, и папе.

Но с рождением девочки дебатов по вопросу её имени не было: папа твёрдо сказал, что назовём её Рая, Раечка, в честь врача автобата – капитана медслужбы Раисы Ивановны Чибисовой, которая очень много доброго сделала для нашей семьи: выявила туберкулёз у 3-х летней Нины и источник за-

ражения – мамину сестру тётю Марусю, жившую вместе с нами – она была одинокая. Но не только выявила, а и вылечила Нину, и помогала лечиться тётю Марусе. Кроме того, (думаю, это главный мотив в выборе имени), перед беременностью у мамы был сильный нервный срыв, она лечилась, и именно Раиса Ивановна советовала родить дитя, когда узнала, что мама беременна.

Как бы то ни было, а дитя назвали Раей, а вернее, очень долго она была для всех нас Раечка. Звали именно так – Раечка, кстати, не только мы, но и в военном городке в Южно-Сахалинске, в Сарнах, в Германии – словом, везде, где мы жили, окружающие слышали имя только Раечка и так же её звали.

Моё личное мнение, что счастливое детство Раечки закончилось со смертью папы – 27 июня 1962 года.

Дальше детство продолжалось уже не такое счастливое, вседозволенное.

Но возвращаюсь к самым ранним годам.

Раечка, конечно, была игрушкой нам, старшим. Всем хотелось подержать на руках, поносить её, поиграть с ней. Славик каким-то образом определил, что Раечке нравится, когда играет патефон. Пластинки были чудесные: русские народные песни (в том числе и Русланова, пластинки которой тогда уже не продавали), народные мелодии. Ребёнку очень нравилась «Барыня» – не помню точное название. Славик часто заводил эту пластинку, а Раечка аж подпрыгивала в наших руках. И произошёл такой случай: однажды ночью, может, в час, может, в два, Раечка просыпается, плачет, просится на руки. Её около часа носят на руках, поят водичкой – слёзы не прекращаются. При этом ребёнок (а было ей месяцев 9 – 10) тянется к тумбочке с патефоном. Вся наша большая семья не спит, все в страхе – заболела Раечка. Что-то подтолкнуло Славика, не знаю, но он говорит, что Раечка хочет послушать патефон. Конечно, и мама и папа тут же отвергли эту идею, но когда Раечку унесли в другую комнату, Слава включил, вернее – завёл патефон, играли «Барыню».

У Раи высохли слёзы, вся преобразилась, потянулась ручками в комнату, где играл патефон, и стала подпрыгивать на руках у папы.

«Барыню» ей заводили 2 – 3 раза, после чего ребёнка уложили спать, спала она крепко.¹

¹ Похожий случай с Лёшкой. Зимой 1978 года маман с нами уехала на Сахалин, в Ясное. Первое время в ожидании обещанной квартиры мы жили в двух больших палатах в пустующем, жутко холодном крыле больницы – родильном отделении. И вот как-то ночью – Лёшка спать не желает, орёт, рыдает, стоит в своей кровати и раскачивает её так, что она чуть не опрокидывается, – короче, активно выражает своё несогласие со существующим положением вещей. С его «слов» – плача – понятно было только, что человек требует предоставить ему некий «дак-дак». Но что это – мы не имели никакого представления. В течение часа мы с маман совали ему в руки всё, что только было в наличии в комнате, искательно заглядывая в глаза этому малолетнему полуночному террористу – тщетно, Лёшка всё тут же выбрасывал за борт кровати, не переставая орать: «Дак-дак, дак-дак, дак-дак!..» Закончилось всё тем, что мне надоело терпеть издевательства над собой, я просто включил проигрыватель, чтоб не слышать крика. А Лёшка – он сразу преобразился, расцвёл, в ладоши захолопал: «Дак-дак! Дак-дак!» Тут наступил наш с маман черёд смеяться: человек просил, чтоб ему поставили песню «Вологда» в исполнении ВИА «Песняры»:

Вот потому-то мила мне всегда
Вологда-гда-гда-гда, Вологда-гда –
Город, где судьба меня ждёт!

Понятно, что нам было сделано серьёзное внушение – пластинки заводить только до 15 – 16 часов, а неделю после этой ночной «пляски» вообще не трогать патефон.

Этот эпизод самый запоминающийся из южно-сахалинской жизни.

В августе 1949 года папу перевели на Украину, в г. Сарны.

В г. Сарны Ровенской области мы жили в военном городке на окраине города. Вся забота о раиных прогулках легла на Нину. Причём Раечка быстро поняла, что она «пуп земли» и командовала Ниной как хотела. Нина носила за ней игрушки (в основном это были формочки кустарные для песка – военный городок располагался в песчаных дюнах с одной стороны и сосняком с другой). Дети целыми днями валялись в чистом бело-жёлтом песке, строили «дома», «пещеры», «зámки» ... Если 5 – 6 летнюю Нину звали поиграть подружки, она могла пойти только с Раей, то есть не Рая была нининым «хвостиком», а наоборот – куда Рая, туда и Нина. Доходило до смешного: в конце военного городка расположены туалеты, дорожка к ним чистая, выложена булыжником. Раньше было не принято, чтобы дети, где играют, там и нужду справляли. Малыши прекрасно понимали, что для этого есть туалет. Если Раечка хотела в туалет «по большим делам», то она буквально «вопила» на весь огромный двор лишь два слова: «Нина, бумагу!» – и рысью бежала к туалету (это 3 – 4 летний ребёнок!), а Нина бегом домой и тоже «вопила»: «Скорей бумагу! Раечка в туалете!» Затем бежала и относила требуемое.

Надо отметить, что весь двор наблюдал эту сцену почти ежедневно, добродушно улыбаясь. Думаю, все любовались этой «неразлучной парой»: беленькая, с льняным волосом, голубо-сероглазая толстушка Ниночка (пока не стала подкрашивать волосы, она была льняной) и медноволосая с чёрными смоляными бровями толстушка Раечка. Обе они были плотненькие в детстве. Когда офицеры шли домой на обед или вечером с работы, редко кто не заговаривал с этими «куклами». Тем более, что почти поголовно офицеры имели жён с войны (контуженных, простуженных и т.д.), которые не всегда могли родить ребёнка, да если и были дети, то эта ухоженная, забавная парочка всё равно вызывала добрые чувства.

Нина и Рая – совершенно разные по характеру, по темпераменту и, естественно, по поведению.

Нина – медлительная, заботливая (постоянная ответственность за Раю наложила отпечаток на её характер в дальнейшем), рассудительная и очень, очень спокойная, уравновешенная.

Раечка – взрывная, очень шустрая, подвижная, уверенная в том, что она главный человек в доме.

Мама, как и многие русскоговорящие женщины в военном городке, не работала, семья жила трудно, на одну зарплату. Летом Славик собирал макулатуру, тряпки, кости старьёвщику и на вырученные копейки покупал девочкам подарочки – ленточки в косички, незатейливые игрушки.

В июле 1952 года Славик утонул. Жизнь стала очень трудной. Мама около полугода лежала дома, почти не вставая, а если и вставала, то её ничто

не интересовало, а папа лежал в Ровно в военном госпитале, у него отнималась левая рука. Соседи как могли, помогали (офицер со 2-го этажа, подполковник помогал мне носить из подвала уголь – 4 – 5 ведер в день, дрова, так как надо топить 3 печки), носили воду. Тома в это время училась в Киеве в университете.

Внимание и к Раечке, и к Нине со стороны родителей резко ослабло, так как эта трагедия их подкосила. В 1952 году Нина пошла в 1-ый класс, значит «няньки» у Раи не стало. Раю пытались отдать в детский сад, и некоторое время она ходила, но сама я этот период помню очень смутно. Смутно потому, что я и сама сильно заболела. Во-первых, очень серьёзные физические перегрузки на «тщедушный» 13-летний организм: дважды в неделю мыть огромную квартиру, носить воду, выстаивать по 1,5 – 2 часа в очереди за хлебом (обычным, чёрным), бегать на базар за 3 км за продуктами, хорошо учиться (естественно, без «троек») и т.д.

Кроме того, почему-то, занятые своими переживаниями родители не брали в расчёт переживания мои, славиной сестры, которая дружно жила с ним в одной небольшой комнате целых 4 года. Всё это и многое другое привело к срыву – у меня сдало сердце, – вызывали врача на дом по 3 – 4 раза в неделю. Пока военврач подполковник медицинской службы Абиев (армянин) не сказал папе: «Если срочно не принять мер, вы можете потерять и этого ребёнка». История долгая – меня возили по военным госпиталям – Львов, Ровно. Важно то, что и папа, и мама встряхнулись от славиной смерти и это более или менее способствовало налаживанию нашей семейной жизни.

Где-то в мае, или ещё ранее, 1954 года папу перевели в ГДР, в г. Франкфурт-на-Одере (на границе с Польшей). Это был подарок судьбы и в материальном (в первую очередь!) и в моральном плане. Следует помнить, что жили мы на территории Западной Украины, которая многократно переходила из рук в руки – то есть, то власть Польши, то русских, то немцев, то опять русских. Строить никто давно уж ничего не строил, хотя со времён польской власти были отличные дороги, дома, особняки, костёл с прекрасным органом. Что уцелело от бомбёжек, то и было. Но общая разруха, нищета страшная. В школу ходили босые, около школы мыли ноги или просто вытирали пыль и одевали тапочки. Правда, нас это не касалось – дети советских работников, огромного отряда милиции и военного городка всегда ходили в обуви, хотя и в дешёвой, резиновой, но всё же обуви. А вот с едой было хуже. Пайки военные не получали, за хлебом (чёрным) очередь в магазине на 1,5 – 2 часа, но может и не хватить хлеба.

Картошка растёт в этом районе плохо, поэтому мешок картошки стоит дороже 2-х мешков яблок.

Поскольку наша семья была многодетная, 4 ребёнка, одному из которых посылались ещё и деньги на учёбу в Киеве, то ясно, что жили мы беднее всех в военном городке.

После отъезда в ГДР папа несколько раз присылал нам посылки с одеждой и продуктами (сахар, крупа, мука, конфеты, консервы), а затем, в

конце августа 1954 года забрал нас к себе, во Франкфурт – он получил там хорошую благоустроенную, отлично меблированную квартиру: две комнаты и огромная, где-то 40 м² кухня. Кухня как в хорошем кино – огромный старинный буфет с красивой посудой, большой кожаный диван, огромный овальный дубовый стол посередине и стулья с резными спинками, газовая плита, вода. Одним словом, рай.

После приезда мы с Ниной пошли в школу, мама на работу библиотекарём здесь же, в Доме офицеров (где мы и жили), но этажом ниже, папа здесь же работал замполитом. Дом офицеров – красивое, благоустроенное здание, с кинозалом, концертным залом, огромным, хорошо оборудованным спортзалом и множеством так называемых «комнат отдыха» – где всё в коврах, красивой мебели, везде пианино. Подразумевалось, что коль это Дом офицеров франкфуртского гарнизона, то здесь отдыхают в свободное время офицеры и их семьи. Сюда же приглашались и немецкие товарищи на вечера дружбы, на концерты артистов, приехавших из Союза. За год с небольшим жизни в этом раю мы очень многое повидали: и ансамбль «Берёзка» (который и в Союзе-то не часто выступал), и ансамбль Моисеева, ансамбль песни и пляски Александрова, а уж артистов – почти всех знаменитостей.

Рае жилось здесь особенно вольготно. Она ещё не ходила в школу, но и не ходила в детский сад (за отсутствием такового). С соседским мальчиком она носилась по всем этажам, обследуя каждый уголок. Часами могла прыгать в шикарном спортзале (всё прекрасно оборудовано, оснащено, ведь немецкие товарищи смотрели, как отдыхают советские воины!) Без усталости крутилась на турниках, разновысоких брусьях, как чертёнок карабкалась вверх на подвешенный к потолку зала шест. Точно так же была оборудована и спортплощадка на улице, во дворе Дома офицеров. В тёплое время года Рая резвилась на улице, во дворе. Выйти за пределы территории Дома офицеров было невозможно, она была окружена красивым, ажурным, чугунолитым забором, метра 3 высотой, а на проходной стояли часовые охраны. С Раей очень любили играть солдаты из взвода охраны. Отмечу, что это были солдаты в 1954 году, то есть очень порядочные ребята, пережившие в Союзе и голод до- и послевоенный, и войну. На службу за границу, тем более в спецчасти, такие, как наш Дом офицеров, отбирали ребят из хороших семей, с образованием не ниже среднего, так как они постоянно общались с немецкими товарищами. Ребята воспитанные, выдержанные, Рая им была как напоминание о доме, о младших братьях и сёстрах. Где-то даже было фото – Рая сфотографирована с солдатами у входа в здание (разумеется, на руках у ребят). Фотографировали её и на турнике на улице (висит вниз головой на высоком солдатском турнике).

Если Рая, переев мороженого, заболела и не выходила из квартиры, то кто-нибудь из ребят обязательно спрашивал у папы или у мамы, почему Раечка не выходит. Часто угощали её конфетами, пока мама просто-напросто не запретила им это делать – после сладкого Рая не хотела есть дома.

В декабре 1955 года папа был демобилизован («хрущёвское» сокращение армии – в первую очередь не имеющих военного образования). При оформлении демобилизации во Львове (Закарпатский военный округ) ему предложили место преподавателя истории партии во Львовском политехническом институте (квартиру предоставляли), но он отказался. В Москве, в Министерстве просвещения предложили должность директора вспомогательной школы (квартира при школе, прописка), но он, видимо, испугался слова «вспомогательной». Отказался. Уехал на Сахалин, откуда и призывался на службу в начале войны.

Поскольку я училась в выпускном, 10-м классе, мы остались в Сарнах до окончания мной школы.

Как жилось Рае, Нине это время, до отъезда на Сахалин, почти не помню, так как мама забрала у Томи Лену, в возрасте 1 месяца, и, понятно, всё внимание перешло на Лену, тем более – искусственное кормление в то время, когда не было никаких «баночек».

Те полтора года, что Рая прожила вольно, всеобщей любимицей у взвода охраны в ГДР, видимо (моё личное мнение), наложили отпечаток на её характер. Она в дальнейшем росла своевольной, несколько даже упрямой, но простой, бесхитростной девочкой. Говорила всегда, что думала, не заботясь, нравится человеку или нет. Думаю, что и какой-то налёт грубоватости от общения с солдатами всё же отложился, потеснив природное чувство нежности, всегда присущего девочке, которая любит играть с куклами, заботиться о них, разговаривать с ними языком «любящей мамы». Обычно, в дальнейшем это чувство переносится на общение с молодым человеком, мужем, детьми. Не просто заботы материнской о них, а именно – нежность, ласковость.

Жизнь на Сахалине. Поскольку я уже не жила в семье, только изредка приезжала на каникулы, то и мало что могу вспомнить. Но знаю точно, что до папиной смерти Рая была главным действующим лицом в семье. Папа никогда не играл с нами, старшими детьми, но любил играть с Раей. Он научил её играть в шахматы, иногда даже играли в карты («в дурака»). Если папа проигрывал, то катал вокруг стола на четвереньках Раю. Это было и смешно, и удивляло.

Помню интересный случай. В 1960 году я была на практике в школе п. Восточный (на Сахалине), папа там был директор школы, семья жила в школе.

Папа пошёл на урок русского языка к преподавателю Нине Ивановне (не помню фамилию). Тема урока, видимо, была «безударные гласные». Учитель говорил, что есть слова, в которых гласную нельзя, то есть, невозможно поставить под ударение, но следует запомнить, как правильно пишется слово. Например: кровать, горох, ковёр... И вдруг с раиной парты раздаётся: «С чего вы взяли, что в слове «ковёр» безударная гласная? А «кóврик»?» При гробовой тишине в классе учителю стало плохо. Ещё бы! На уроке присутствует директор и такой конфуз!

Надо отметить, что училась Рая очень легко по всем предметам, русский язык, математика вообще шли отлично.

В этом же, 1960 году Рая «познакомилась» (если так условно можно сказать) заочно, по телефону с Виктором Шипицыным. Я была на практике, и он мне звонил по нескольку раз в неделю. Но, так как папа был против этой моей дружбы (ещё бы – Виктор был ранее женат и имел ребёнка!), то и разговаривать, отвечать на его звонки был запрет. Напомню, что это было полвека почти тому назад, мы были относительно послушные дети. Но я встречалась уже почти год, и папа знал об этом.

Звонки от Виктора обычно «караулила» Рая или Нина и тут же звали меня. Виктор сумел по телефону расположить к себе моих сестёр, особенно Раю, и у них в дальнейшем, на всю жизнь, сложились очень хорошие, добрые отношения, которые Виктор перенёс и на раиных детей.

27 июня 1962 года умер папа. Виктор забрал маму с детьми к нам в Южно-Сахалинск, мы жили около 2-х месяцев в жутких условиях: комната 14 м² и нас 4 человека (Нина получила место в общежитии и готовилась там к экзаменам). Я ждала рождения ребёнка. Мама жила у нас пока оформляла документы на наследство (деньги на сберкнижке папы). Затем она уехала на Хор, там жили тётя Шура и тётя Маруся. Позже, примерно через месяц, Виктор приехал на Хор и помог ей купить дом, в котором она и жила до переезда в Хабаровск.

Вот здесь раину жизнь назвать счастливой никак нельзя. Мама долго болела, Рая предоставлена самой себе, к маме переехала бабушка, совсем слепая, за которой тоже нужен уход. Нина бросила институт и тоже уехала на Хор. Через год-два туда приехала Тома, оставила маме Лену, которая ходила где-то во 2-й или 3-й класс. Так что забот и хлопот прибавилось.

Сказать, что в это время Рая была предоставлена самой себе, будет не совсем верно. Мама после смерти папы сильно болела (за год похудела на 20 кг – до 44-го размера – стресс), ей не удалось, скажем прямо, взять себя в руки и уделить внимание младшим дочерям – Рае и Нине. Рая быстро влилась в хорскую школьную компанию, назвать компанию плохой нельзя – учились, в основном, все хорошо, но здесь Рая «освоила» местный жаргон, море слов-паразитов, несколько стала грубее, вернее – черствее душой. Пропускала уроки (попросту прогуливала), но на успеваемости сильно не сказывалось – способности к учёбе у неё действительно были очень хорошие. Особенно хорошо шла математика, физика. Однако, стала меньше читать литературы – у здешних школьников это было «не в моде». Если не увлекаться чтением литературы, это, к сожалению, чаще всего обедняет духовный мир человека. В какой-то степени на Хору это происходило.

Нина влиять на Раю не могла – Рая с Ниной никогда не считалась, так было изначально определено ещё в раннем детстве: Нина лишь раин «придаток», «хвостик», но не старшая сестра (разница 3 года), которую нужно слушать.

Мама требовала к себе внимания, привыкнув, в основном (кроме военных лет) жить «за папиной спиной», хотя отношения их нельзя назвать хорошими. Видимо, для мамы имело значение, что все хлопоты хозяйственно-бытовые и материальные (квартира, дрова, уголь, заготовки на зиму - картофель, капуста, мясо и т.д.), текущее обеспечение продуктами – всё лежало на папе. Мамина «растерянность», я считаю, не в лучшую сторону отразилась на характере (да и на здоровье!) Раи.

Имело значение ещё и то, что где-то году в 1964-ом на Хор переехала Тома с Лёней (а Лена и так уже жила у мамы). Мама несколько встрепенулась, ожила, но всё внимание пошло Томе и её семье. Понятно, что и Нина, и Рая это ощутили, поняли, насколько Тома важна маме. Именно в эти годы, до окончания Раей школы, на Хору регулярно происходят ссоры между Раей и Томой (и, как следствие, между Раей и мамой!) и между Ниной и Томой. Да что там ссоры, элементарные скандалы. Нина и Рая во многом были правы: у Томы своя семья и мама не должна им помогать в ущерб младшим детям, тем более, что Тома была достаточно обеспечена. Но ни Тома, ни мама так не считали.

Я в эти отношения не влазила – мой голос для мамы ничего не значил никогда. Но... когда тебе в детстве везёт с подругой и её родителями (кстати, Анна названа в честь мамы моей подруги), то из-за отсутствия материнской любви я не страдала, вернее – даже не особо замечала. Тем более что с папой были наилучшие отношения. Папа был настолько мудрым в отношениях с дочерьми (но, к сожалению, не с сыном), что каждая из нас, по-моему, была уверена, что является любимицей у папы!

Как бы там ни было, но маме я помогала всегда, как и Рае и Нине.

В начале 1960-х годов было очень плохо с продуктами, а Виктор – директор госпромхоза! – каждую зиму он отвозил маме на Хор мешок муки, мешок сахара, рыбу и мясо – само собой бесперебойно, грибы.

Нина была уже невеста, сама работала, но деньги все отдавала маме, а потом просила то на туфли, то на капрон. Понятно, чтобы не было скандалов (да и жаль Нину), я иногда подкидывала ей то платице, то денег на костюм, то мех на воротник. Но это мелочи жизни.

Рая окончила школу в 1966 году, поступала в медицинский, но прогуляла с подругами в Хабаровске и не поступила. Дома – дым коромыслом, с мамой скандалы почти ежедневно, Тома, видимо, не смогла найти общий язык с Раей и успокоить маму.

Тома хотела, чтобы мы убедили Раю поступить в медучилище, либо на курсы медсестёр, коль ей так интересна медицина. Однако, Рая лично мне сказала, что хочет быть только врачом, поэтому я не стала вести речь ни о курсах, ни о медучилище. Помня и то, что папа очень хотел, чтобы все девочки имели высшее образование, что делало бы их независимыми в случае невезения в личной жизни. И он оказался бесконечно прав!

Рая позвонила мне в Бичевую, сообщила. Что уезжает из дому во Владивосток, там будет работать, потом поступать. Возможно это решение

(именно во Владивосток!) было связано с тем, что туда в университет поступил её друг – Павел Нелезин.

Мне стало ясно лишь одно – Раиса уезжает из дома! С её взрывным характером это был не лучший вариант. Мы поговорили с Виктором, и он был «командирован» на Хор. Лучше, чем Виктор, я бы не смогла уговорить Раю. Короче говоря, Рая приехала к нам в Бичевую и всю зиму, до следующего поступления, жила у нас.

Ей было поставлено условие – учить химию, физику, литературу. Нужен был медицинский стаж санитаркой, чтоб можно было поступить в мединститут. Я договорилась в нашей сельской больнице с главврачом, Раю приняли санитаркой, но сразу же договорились, что запись в трудовой «санитарка», а работать будет в регистратуре.

Всё шло нормально – работа, учёба. Виктор брал Раю на глухариную охоту («на зорьку») – я не могла найти в себе силы не спать ночь из-за глухарей, а Рае это было в охотку.

В период жизни Раи в Бичевой были забавные случаи: Сын школьного учителя спрашивает свою маму, почему это Лилия Максимовна работает и в школе учителем, и в больнице, в регистратуре. Мама вначале ему говорила, что Лилия Максимовна не работает в больнице, но, видимо, он так её допёк постоянным выяснением, что она, наконец, сказала ему: значит, подрабатывает.

В конце учебного года учителя школы проходили профосмотр в больнице. И дальше уже со слов Раи: «Заглядывает ко мне в окно регистратуры ваша учительница, на вопрос – к какому врачу пойдёте? – она вдруг разразилась хохотом на весь коридор. Смотрит на меня и смеётся!» Рая ничего не могла понять, пока учительница не успокоилась и не рассказала про надоедливые вопросы сына.

В возрасте от 17 до 30 лет нас, сестёр, довольно часто путали, несмотря на разницу в возрасте, во внешнем виде. Видимо, имело значение, что все мы были одной комплекции (размер одежды 44 – 46), наследственно моложавы, общительны.

На Хору с Раей произошёл такой случай: после окончания школы Рая с одноклассниками поехала на Медовую сопку за полевыми цветами на «последний звонок». В автобусе к ней подошла учительница, погладила Раю по животу и говорит: «Уже родила? Поздравляю!» В автобусе сумасшедший хохот! Имелась в виду, конечно же, Нина!

Ну а то, что половина села с Раей здоровалась: «Здравствуйте, Лилия Максимовна!» – само собой разумеется. И я, и Виктор просили Раю не обижать людей и здороваться. Если же останавливались и начинали решать свои вопросы (о детях!), Раиса всегда говорила: «Я не то, что вы думаете. Я – сестра!»

Как бы то ни было, Рая поработала, подготовилась, сдала отлично и поступила в мединститут.

Мама окончила Хабаровский государственный медицинский институт, педиатрический факультет, потом, в начале 1980-х несколько раз ездила в Казань в Институт усовершенствования врачей, получила квалификацию детского невропатолога. Здесь, в Хабаровске, в 1982 – 1983-ем, до нашего второго переезда на Сахалин, в Тымовск, она работала невропатологом в детской поликлинике на улице Л. Толстого. В Александровске её назначили главврачом специализированного Дома ребёнка, а в 1992-ом, когда мы все опять вернулись в Хабаровск, то первое время, до департамента соц. защиты краевой администрации, она была заведующей детской поликлиникой № 17 на «68-ой школе».

Её считали отличным диагностом. С улыбкой рассказала мне как-то: ни с того, ни с сего, вдруг просят срочно приехать в мединститут. Приезжает, оказывается, какой-то профессор (они с ним до того были совершенно незнакомы), что-то слышал о её умении диагностировать непонятные случаи и пригласил на консилиум. Она осмотрела ребёнка, высказала своё мнение – заспорили, никто с ней не согласился, ну и остались каждый при своём.

Через несколько дней у неё в кабинете в поликлинике раздаётся телефонный звонок – давешний профессор: «Раиса Максимовна, приношу Вам свои извинения, Ваш диагноз полностью подтвердился!» Маман говорила, что он время от времени подкидывал ей непонятные случаи, с которыми к нему обращались.

Я к чему про диагностику-то вспомнил, я тоже как-то склонен был за просто доверять маминой интуиции, и когда я ей сообщил, что Таня беременна (я выразился не просто: «Ты знаешь, по-моему, у Антона скоро будет племянник...»), она лежала, уже давно не вставала, дело было всего за 3 месяца до её смерти, а тут она вдруг очень обрадовалась: «Да? Будет?!», тут же захлопотала, заставила меня лезть на антресоли, достать запасённые ею когда-то впрок пелёнки, распашонки, и т.п.), она очень спокойно и уверенно сказала, что родится мальчик. И как-то настолько сама собою разумеющейся была эта мысль, что меня даже совесть мучила: я ведь договорился с Таней, что если родится мальчик – имя ему придумаваю я, а если девочка – то она. Понятно, что договорённость нечестная – я же знаю, что мальчик будет. Ну, а с другой стороны я был очень доволен собой – формальности всё же соблюдены, договор дороже денег, всё по-честному!

Ночью 10 июля я отвёз Таню в роддом, выспался (наконец-то!), и с утра пошёл узнать, как там у неё дела. На подоконнике приёмного покоя лежал листок бумаги: четыре строчки в столбик (фамилии и цифры, разумеется, условные)

1. Иванова	5:35	мал-к	3,850
2. Петрова	6:10	мал-к	2,700
3. Новикова	8:00	мал-к	3,350
4. Козлова	8:25	д-ка	3,180

Читаю всё подряд: фамилия, время, мальчик, вес, фамилия, время, мальчик, вес, фамилия, время, мальчик, вес... Козлова! уже родила! Так быстро! Только что за непонятное примечание – д-ка? Ни у кого не написано, а у меня, почему-то, написано? И что, трудно было написать, что мальчик родился? Всем написали, а тут медсестра, конечно, поленилась, четыре буквы вывести ей трудно, видите ли, было. Переработалась, ... Да ещё и д-ка какой-то, была бы мама жива, позвонил бы, спросил, может, это термин какой-то медицинский.

Съезжу, думаю, на работу, получу зарплату (10 число, день-в-день!), накуплю чего-нибудь вкусного да отнесу Тане, и не буду забивать себе голову, само собой всё прояснится. И уже метров на 50 отошёл от роддома – и тут только до меня доходит: д-ка – это же девочка! У меня дочка родилась! Сумасшедшее ощущение!

С этим роддомом, впрочем, у меня давние счёты. Маман мне рассказала, что меня там вообще потеряли на двое суток! Я же первенец у неё, да и сама девчонка ещё – 24 года только. Рассказывает, мол, родила, всё нормально, но почему-то кормить ребенка мне не несут. Всем в палате давно уже принесли, и не по одному разу, а мне всё не приносят. Но я молчу. А в Союзе раньше детей не сразу матерям отдавали для кормления, через сутки только, точно я не понял, почему так, видимо, пока анализы все, обследования, процедуры ребёнок проходил, он находился отдельно от матери, а кормили их в это время молочными смесями специальные роддомовские медсёстры. Но вот сутки ей не приносят ребёнка, вторые, наконец, не выдержав, она скромно спрашивает у медсестры, в очередной раз разносившей новорождённых по мамочкам:

– А мне когда ребёнка принесут?..

Та аж опешила:

– Какого ребёнка? Я последнего принесла, там больше нет...

Дальнейшие события описывать, думаю, нужды нет, да у меня и не получится! В общем, нашли меня на другом этаже и вернули, бесхозного, законной родительнице только через несколько часов.

Я в первый класс ходил, мы жили уже на первом этаже двухэтажного деревянного барака на углу Советской и Лесной. Лёшка, мама и я. Лёшке вообще тогда 3 года было. Диван у нас в зале совсем разболтался, боковины держались, наверное, на последних витках болтов. Я вернулся со школы, смотрю – мама сидит на полу и гаечным ключом пытается подтянуть эти болты. Ключ срывается, проворачивается, ничего не выходит, – она села там же, за диваном, на пол с этим ключом в руке и расплакалась. *С синим игрушечным пластмассовым гаечным ключом от моего конструктора.* До сих пор вижу эту сцену.

Других слесарных инструментов у нас дома не было. Потом маман молоток купила, – ведь должен же быть в доме молоток? Я его ещё недавно где-

то у Лёшки видел. Только женщине могла прийти в голову фантазия приобрести *такой* молоток.

Ручная колонка для воды тогда находилась у нас прямо дома, в коридоре, очень удобно. А вот дрова колоть и складывать их в поленницу мне в 1 классе уже приходилось, и я не видел в том ничего необычного: лес привозили сухой, и колоть дрова было, в общем, одно удовольствие, тем более что у меня это получалось, почему-то, лучше, чем у мамы. А, впрочем, это почему же «почему-то лучше»? Просто в доме был мужчина.

Она работала врачом-педиатром в ясновской больнице и брала ночные дежурства. Это было в порядке вещей, когда ночью в дверь нашей квартиры стучали, мама даже свет в прихожей никогда не тушила. Она вставала, шла открывать, я сквозь сон (моя персональная комната-«нулёвка» – персональная это потому, что даже со своей отдельной печкой, – располагалась как раз напротив входной двери) слышал приглушённый, сбивчивый голос очередного ночного «гостя». Мама собиралась и отправлялась с этим человеком – на вызов. Редко кто был на машине, чаще на мотоцикле, а обычно – пешком. Через несколько часов она возвращалась. Иногда случалось так, что до утра ей ещё раз приходилось уезжать на вызов.

Это было благословенное время – конец 1970-х, самое лучшее, спокойное, безоблачное время за всю историю России.

Никто не боялся за детей, их спокойно отпускали гулять, или, уходя, просили соседей «посматривать». Соседей с другой стороны дома-пятистенки, или даже соседей через дорогу. Дом мы, уходя, закрывали на замок, но ключ от замка вешали на гвоздик рядом. А когда жили уже в двухэтажке, позже, то, приходя из школы, я преспокойно доставал ключ от квартиры из-под коврика в подъезде, куда мама его положила утром – это было нормально.

Если мама с утра не успела приготовить обеда (она всегда готовила утром, специально очень рано вставала), то я брал с телевизора полтинник – оставленную ею для меня монетку в 50 копеек, и шёл обедать в столовую. Она располагалась рядом, через дом от нас, там заведующей была мамина подруга тётя Валя Арсеньева.

У меня было завидное детство, самое лучшее в мире детство. Мама постоянно на работе, и я был предоставлен самому себе – посёлок, лес, речка, – всё моё, со всем я знакомился, всё исследовал самостоятельно. У нас был огород, помимо обязательной картошки там росли огурцы, лук, репа, редис (когда у меня появился товарищ – соседский пацан, мы с ним из этой редиски делали «шашлык» – пекли её на костре из старого рубероида – это не чёрный юмор! – прямо в огороде), в парнике зрели помидоры, за огородом была плантация клубники. Клубнику, кстати, здорово с хлебом есть – берёшь с собой полбулки чёрного (за 8 копеек!) и вперёд, в огород. Во дворе слева стояли несколько сараев, забитых разным хламом, я как мог, расчистил себе место в одном из них, нашёл какие-то инструменты: молоток, маленький тупой топорик, старую ржавую ножовку, пару убитых стамесок, насобирал прямо

на полу гвоздей, – помню, даже меч себе сделал, в «войнушку» играть. А ведь меня никто никогда этому не учил, – это моя русская крестьянская кровь! Мама приходила смотреть, как я устроился, даже инструменты у меня просила иногда, по хозяйству что-нибудь сделать.

А в холодной веранде справа от дверей было выгорожено помещение, размером с хорошую комнату – кладовая для продуктов. В ней было окно, выходящее в огород, а на стену, до потолка, были набиты широкие полки, – не меньше метра в глубину, на них можно было спокойно сидеть или лежать. Разумеется, я всё тщательнейшим образом исследовал и на верхней полке, под самым потолком обнаружил кучу книг, старых журналов, оставшихся от прежних хозяев. Книги в основном детские, да ещё и про войну, с картинками, а я в школу не ходил и читать не умел – как же мне было досадно!¹ Я часами лежал там, под потолком, развалившись среди книг, как на диване – рассматривал эти картинки, а то и дорисовывал по своему разумению танки разные, разрывы снарядов. Через год, уже читая самостоятельно эти книжки, любопытно было смотреть собственные иллюстрации к непрочитанным рассказам! Эта кладовая, как и сарай, стали моей неотъемлемой собственностью, мама на них не покушалась.

Вечером, тёплым, тёмным, волшебным ясновским вечером моего детства вдоль всего забора нашего дома загорались светлячки. Самые настоящие светлячки. Это было единственное место на всей на Земле – Ясное, дом №4 по улице Новой, и только летом 1979-го, больше я такого не видел никогда. Реально не видел. Их было много! Невидимые в темноте высокие густые заросли вдоль невидимого забора были усеяны светлячками гуще, чем июньское чёрное небо звёздами. Помню, я пытался набрать их в банку как можно больше, чтобы получился светильник, но у меня ничего не выходило, в банке светлячки не хотели светить. Но на своей ладони в их нездешнем зеленоватом свете я мог увлечённо разглядывать, как какой-то волшебный ландшафт, рисунок собственной кожи².

В 1980-ом мы все вместе, втроем ездили в гости к отцу в Ригу. Видимо, родители мои предпринимали какие-то попытки восстановить семью, не знаю, – я с отцом не разговаривал на эту тему. Это было великое путешествие! Сначала на Ан-24 из Зонального в Хабаровск, затем на Ил-62 до Москвы – аэропорт Домодедово. Переезд на метро в Шереметьево, почему-то в международный аэропорт – после забитого сверх всяких пределов Домодедова, чистые, сверкающие и пустынные шереметьевские залы виделись прохладным оазисом в раскалённой и, притом, перенаселённой пустыне.

¹ Недавно я нашёл название одной из них – это рассказы о гражданской войне: автор Фрейберг Е.Н. «Корабли атакуют с полей».

² У моей любимой Марины Цветаевой в стихотворении 1909 года «Молитва»:

Ты дал мне детство – лучше сказки
И дай мне смерть – в семнадцать лет!

Два своих шереметьевских впечатления помню до сих пор. Одно – это глаза пограничника, досматривавшего наш багаж и обнаружившего в чемодане три трёхлитровых банки красной икры.

Одна из них была початая, – мы ели ночью в аэропортовском кафе: рейс задерживали, кафе уже закрылось, но чай нам налили и любезно позволили воспользоваться их ложками. Оцепеневшие москвичи в полной тишине наблюдали эту сцену: ночью в аэропорту столицы Советского Союза буднично сидят за столом в кружок шесть или семь человек – земляки-дальневосточники с задержанного рейса, – и простыми алюминиевыми ложками меланхолически ужинают красной икрой без хлеба прямо из стоящей посреди стола трёхлитровой банки, запивая свой поздний ужин специфическим общепитовским чаем. Ну, не было в Советском Союзе круглосуточных магазинов и кафе, не было!

Второе шереметьевское впечатление – впервые в жизни увиденный мною негр, самый настоящий, сияющего синего цвета, казалось, что от него во все стороны брызгают солнечные зайчики. Я гулял в одиночестве по пустынным просторам международного терминала, а он, в великолепном сером костюме, двигался мне навстречу. Это явление настолько поразило моё туземное сахалинское воображение, что, маман потом смеялась, я заорал, к её ужасу, на весь аэропорт: «Мама, посмотри, как дядя загорел!..»

А когда мы возвращались домой, в Москве при взлёте в Домодедово наш Ил-62 взорвался. Всё было как обычно (я в детстве часто летал самолётами, бывало по несколько раз в год, маман ещё шутила – не иначе цыгане в роду были! – я ведь за постоянными переездами и ни в одной школе не учился более двух лет подряд), так вот, всё было как обычно – вырулили на полосу, разгон, отрыв от земли, – и сразу же самолёт ощутимо тряхануло: сзади друг за другом отчётливо раздались три взрыва. Это сдетонировали три из четырёх турбин нашего Ил-62. Самолёт рухнул на полосу, благо шасси не успели убрать. В иллюминаторы было видно, как по полосе несутся к нам «скорые» и пожарные машины.

Это был Советский Союз: нас никто не выпустил из самолёта, все 18 часов, пока шёл ремонт, мы просидели в своих креслах, сменилось, по моему, два экипажа, наконец появился третий, по трансляции объявили, что неполадки устранены, самолёт готов к полёту, кто не желает лететь – может покинуть борт.

Ага! При существовавшем жутком дефиците авиабилетов перспектива попасть домой становилась тогда туманной – авиарейсов в Союзе было в несколько раз больше, нежели в великой демократической России, но в сезон даже за месяц до вылета, не имея знакомых или, хотя бы, знакомых знакомых в аэропорту или авиа-агентстве, было практически нереально купить билет. Они брались «с бою» – я сам это проходил, – 5-6 - часовые очереди в битком набитых агентствах «Аэрофлота».

Так вот тогда лететь отказались трое – трое мужчин. Все остальные, в том числе и маман с нами – со мною и Лёшкой, остались!

До Хабаровска наш многострадальный Ил не долетел – сели в Иркутске! И только через сутки, промариновавшись в переполненном иркутском аэропорту, выспавшись на расстеленных прямо на голом полу газетах, мы опять смогли вылететь в Хабаровск.

Мама мне рассказала сон, она уже лежала, не вставала, и как-то мы с ней на пару предались воспоминаниям. Она его рассказала в первый и единственный раз. Это было 6 или 7 ноября 1976 года, в Хабаровске, в нашей квартире на Пушкина. Мы тогда жили в Победе, и квартира стояла пустая.

Они с отцом уже плохо жили, настолько, что она решилась делать аборт – потому она и оказалась в Хабаровске одна.

Она увидела родной дом на Хору, где жила школьницей, был какой-то праздник, семейное застолье. Собрались бабуся, её сёстры, кто-то из друзей, всё, как обычно – разговаривают, смеются, песни поют. И вдруг приходит бабушка, мамина бабушка – Агриппина Ивановна. Мама ей очень обрадовалась. Бабушка тоже сразу заметила её, взяла за руку и повела за собой из дому. Они вышли, спустились с крыльца и двинулись дальше на улицу. Тут подъехал какой-то автобус, вроде ПАЗика, и бабушка входит в заднюю дверь и ведёт маму за собой – в салон. Мама говорила: «Мне вдруг страшно стало, я-то ведь знаю, что она умерла, нельзя мне за ней идти в автобус. Я замерла и руку у неё из ладони выдернула». Двери автобуса тут же с лязгом захлопнулись в нескольких сантиметрах от её лица и автобус быстро уехал.

Она проснулась и, как сама сказала, «поняла, что нельзя ложиться, нельзя аборт делать».

У неё был рак. Сначала – молочной железы, ей сделали операцию, удалили грудь. Метастазов не обнаружили, она после этого вернулась на работу (она тогда была ведущим специалистом отдела помощи семье и детям Департамента социальной защиты Хабаровского края), в Киев съездила – по своим «косметическим» делам (они с подружками биологически-активные добавки фирмы «Vision» распространяли) и к сёстрам (по первому браку отца) заезжала в гости. Сёстры, их мужья, племянники, куча народу на фотографиях.

А сейчас мы с тётёй Лилей пытаемся списаться хоть с кем-то из них – и неудачно, письма не доходят, возвращаются *за нерозішуком адресата*: оказывается, на Украине больше нет Ровенской области, города Ровно, а есть Рівненська, Рівно, так и надо писать, а русский язык украинская почта категорически отказывается понимать. Вот это и называется Западная Украина, *западэнцы*... Кроме того, поменялись и советские почтовые индексы: а в одном только Киево-Святошинском районе Киевской области 6 сёл называются Тарасівка!

Мама мне тогда крестик привезла из Киева, кипарисовый, из Киево-Печерской лавры, как я просил.

Но метастазы пошли. В позвоночник, поясничный отдел. Ещё одну операцию сделали, вставили титановый позвонок взамен разрушенного, я даже не знаю, сколько курсов радио- и химиотерапии она перенесла – не со-

считать. Она умерла последняя из всех, с кем лежала в палате в первый раз, несколько лет назад. У неё остались свои волосы, несмотря на то, что после химиотерапии их теряют практически все: химиотерапия – это когда человек принимает внутрь сильные яды. Они разрушают печень, разрушают его организм, но убивают и раковые клетки. Такова цена лечения.

Анюта, моя двоюродная сестра, твоя японская тётя, предложила маме прислать из Японии любые лекарства для химиотерапии – какие только существуют. Маман позвонила какому-то своему студенческому товарищу, спросила его, и он ответил так: «Пожалуйста, если хочешь, я узнаю, что из импортных лекарств можно тебе посоветовать, но это бессмысленно. Дело в том, что японские противораковые препараты на русских не действуют, а от нашей «химии» японцы умирают сразу».

А мама сколько вынесла курсов? Это и называется *генетическое здоровье*.

Вот посмотри, Анька: что Конченковы, что Волошины, что Романовы, – единственное наследственное заболевание, известное мне – это радикулит, он был у маман и у её отца, моего деда. И всё, понимаешь, всё! А у меня ведь и папа и мама врачи, этот вопрос из сферы их профессиональных интересов! И более того, в плане нравственной природы – ни одного вора, убийцы, сумасшедшего, ни одного, скажем так, адепта прелестей «неолиберальной половой морали» не было в нашем роду.

Мама умерла рано утром 29 февраля 2000 года. Умерла во сне. Я отца потом попросил рассказать, как это было – так получилось, что он не спал, сидел у её изголовья. Она сильно болела, её мучили постоянные боли, всё последнее время она жила на наркотиках. Мама вздохнула во сне и выдохнула, – отец как-то сразу понял, что это – *последний*: «как будто всё выдохнула». И из уголка её правого глаза по щеке скатилась слеза.

Анька

В лето Господне 2000 иуля 10-аго дня в 8ч. 25 м. родилась моя девочка.

19 августа (6 августа ст.ст) 2000 в великий праздник Преображения Господня крещена по православному обряду в старейшей церкви Хабаровска – храме Святителя Иннокентия Иркутского.

31 августа 2000.

Анютка произнесла *агу*, почему-то по-украински.

Начало марта 2003.

Не так давно Анюта, будучи в гостях у бабушки, вдруг засобиралась домой: «Мой *папичка* по мне скучает».

11 марта 2003, вторник, утром.

Щекочу Аньке ножку, она смеётся и всё спрашивает:

– *Зачем меня щекотить?*

Отвечаю ей:

– Это моя ножка, хочу – и щекочу...

Она:

– Это – моя нога!

– Нет, моя!

– Нет, моя! Вот твоя нога, папа, – показывая на меня, терпеливо объясняет мне девушка.

Я:

– Да, это моя нога, но и эта, – указав на её ножку, предмет дискуссии, – тоже моя.

Анюта на несколько секунд задумывается и, отдельно, произносит:

– *Я тебя сейчас буду бить.*

6 апреля 2003.

Панасоник – в анютиной транскрипции – поросёнок.

18 августа 2003.

Интересно, как она себя в магазине ведёт – не просит, не кричит, не плачет, за руку не тащит, подойдёт где-нибудь уже на выходе и тихонько сообщит, только нам двоим слышно: «Папа, смотри, я жвачку увидела, – и пальчиком в стекло покажет, – вот: детский «Orbit». И всё, больше ни слова, ни намёка. Умница, папина девочка.

21 августа 2003.

Ездили сегодня с Анюткой на море – ну, захотелось девушке на автобусе покататься. Повозилась в чистом морском песочке, камешки в волну покидала: волна к ней, а она – от неё убегает и за меня прячется – боится. Вернулись в город, пошли ей «Чупа-чупс» купить в «Берёзку», павильончик деревянный. Там я ей дверью нечаянно ручку прищемил, ладошку. Смотрю, её рядом со мною нет, оглянулся: «Анюта, ты чего не идёшь?» А она молча рукой показывает на другую руку, прищемленную. Я бросился, открыл дверь, смотрю её лицо – а она закатилась, *без звука*. Хватаю её на руки, она мне куда-то в шею сзади уткнулась, вжалась в меня всем телом и замерла... Я ручку ей целую, дую – кровоподтёк: «Анечка, Анюточка...» И *полная* тишина. Она – даже не всхлипнула, даже не простонала, хотя ей было очень больно. Села у меня на руках, я: «Анечка, умница, папина девочка, даже не заплакала, умница...», целую её. А она – уже улыбается! Целую минуту она боролась с болью, сама, одна – это 3 года человечку. Она выдержала, вытерпела, без единого звука – и улыбается! Как мне сказать? Мне её Бог дал. И она сделала мне честь, выбрав меня отцом. Во всех отношениях она луч-

ше меня. Моя щенячья родительская гордость во многих случаях – вот, какая у меня дочка! – лёгкая, добрая, впрочем, зависть. Папина девочка.

12 октября 2003, воскресенье.

С утра фотоохотился, по пути нашёл целое семейство маслят, собрал, принёс Аньке показать – от зайчика.

Анюта, оказывается, поёт оперы (в качестве либретто – «Муха-Цокотуха» и «Доктор Айболит») и сочиняет стихи. Слышал сам:

Ночью молоко
От вас недалеко.

16 октября 2003, четверг.

Гуляли с Анютой, как обычно, на шее. Повстречали коров.

– Смотри, коровы! Они молоко дают, – мне.

– Правильно. А ещё что коровы дают?

– А я не знаю. Ну, что?

– Сметану.

– А ещё?

– Масло сливочное.

– А ещё?

– Кефир, ряженку, варенец...

– А ещё?

Тут я призадумался и, не найдя ничего умнее, брякнул:

– Мясо!

– Ты что, папа, – смеётся, – коровы не дают мяса!

– А кто же его даёт тогда?

– Мясо в магазине берут!

А ведь когда-то она узнает, что прав был всё-таки папа.

20 ноября 2003.

– Анюта, какие у тебя у тебя губки, вкусные-превкусные, дай-ка я откушу, съем.

Видно, что девушке явно не по душе такая перспектива:

– Нет, они невкусные.

– Почему?!

– Просроченные...

11 декабря 2003.

Анюта с деловым видом рассказывает стихотворение:

Ну и Дедушка Мороз
Что за щёки, что за нос...

Мама её перебивает и учит, как надо ручкой показать, провести (эмоция – «Ну и Дедушка-Мороз...»). Анюта:

– Не мешай мне, *я не хочу говорить по-счастливому.*

28 марта 2004.

Анька передвигается по городу исключительно у меня на шее («Сяди меня на шею! Быстро давай!») – это она от застенчивости, не может найти верную интонацию для просьбы), и при этом ещё нахально распевает:

– Битый небитого везёт! Битый небитого везёт!

Тот же день.

Мама с Анютой, ругает её:

– Если не будешь меня слушаться, то будешь летать, как спутник!

– А как же я буду летать, у меня ведь крыльев нет?

– Научишься.

– А ты покажи, пожалуйста, я буду тебя слушаться!

21 апреля 2004.

Вчера забрал Анютку из садика, сидела у меня на оркестре, потом гуляли, дома у меня играли в домино. Отвозил её к бабушке (на шее – отвозил!), она спрашивала, когда я к ней приду, отвечаю – в воскресенье, будет хорошая погода, лужи высохнут, возьмём велосипед и будем на площади кататься. В дверях у бабушки долго меня не отпускала, смотрит снизу (каким, наверное, великаном я ей кажусь: она 102 см, я – 190), глазёнки серьёзные-серьёзные, и: «А ты меня не обманешь, придёшь?»

Мне немного нужно. Аньку на шее катаю, болтаем – и я счастлив. Больше ничего не надо. А когда она ещё изречёт что-нибудь эдакое заковыристое (вроде недавнего «битый небитого везёт») и, сидя на шее, свесится набок – довольно улыбающаяся физиономия заглядывает мне в глаза: как папа оценил её шуточку!..

27 июня 2004, воскресенье

Анюта, по словам А.Ф., позавчера охарактеризовала их с бабушкой как «старые поварёшки». В другой раз девушка выразилась жёстче. Но не менее лапидарно: «серые некормленные волчищи». Однако...

Вчера, на площади, на Дне молодёжи, не слезала у меня с рук несколько часов. Обняла обеими ручками за шею и крепко прижалась щёчкой. К чему слова? Я и сам бы ни за что её не смог отпустить, хоть руки отсохли бы. Отпускал её только на 10 секунд, чтоб выпить (не при ней же) с А.Ф. и Сашей Гончаренко, и она опять обнимала меня. Дедушка говорит ей: «Папа устал, иди ко мне на ручки». Она очень резко: «Нет!» («Нет!»), – и ещё крепче прижмётся. Так её до дому и нёс.

Сегодня утром неожиданно пришёл А.Ф. с Анькой! Это они за хлебом пошли, а Анюта затащила дедушку ко мне, стоило тому только упомянуть такую возможность.

Собираюсь делать ген. уборку, звучит Димитревич. Несколько дней назад куда-то запропастился Бегемот.

3 июля 2004.

Анюта сегодня спросила:

– Папа, а ты помнишь, как *мы жили вместе с мамой*?

– Конечно, помню.

– Я тоже помню.

Я никогда в жизни, честное слово, не слышал более явственной *точки*, как после этой её реплики: всё, диалог окончен, сказать больше – невозможно.

24 ноября 2004, среда.

Шахтёрская школа искусств, мой кабинет – № 26. Веду урок, Анька сидит рядом за столом, ей совсем не скучно – она собирает мозаичную картинку. Напротив неё с инструментом сидит Саша Королёв, в очередной раз перезабывши даже то, что на прошлом занятии выучили с ним вместе, откровенно, что называется, тупит. Тягостные паузы, я скрипучим голосом пытаюсь вытянуть из Саши несколько тактов пьесы, он не менее профессионально затягивает время: каждая выигранная у меня секунда приближает его к концу урока – такой вот у нас «дуэт». Вдруг, Анюта поднимает голову и, прямо посмотрев Саше в глаза, чётко произносит:

– Давай, быстро, пока мой папа ещё добрый!

И опять, потеряв интерес к окружающему, занялась мозаикой.

19 декабря 2004, воскресенье.

Недели две назад забираю Аньку из садика.

– Пойдём к тебе домой, – мечтательно, – Милку мучить...

29 января 2005.

Анюткино признание, дословно:

– Папа, я по тебе очень скучаю, – и, через паузу, – я жить без тебя не могу.

15 февраля 2005, четверг.

Рядом сидит Анютка и смотрит мультфильм по «Культуре». Сегодня посреди какой-то болтовни вдруг остановилась и сказала: «Папа, я очень скучаю по тебе... Если я чуть-чуть больше поскучаю, то я умру».

Тот же день.

Сегодня катались с ней на большой горке, на площади. Саша Островская тут же появилась, и они вдвоём с Анькой развлекались. Метель, ветер

злой, я аж пальцы в перчатках поморозил, а Анютка счастливая, румяная, сияет: «Ещё, ещё, ещё!» фотографировал, кадров 6 – 7. Еле уговорил её домой идти – пальцев уже не чувствовал.

А сейчас девушка сидит на диване рядом со мною, я пишу, она мультики смотрит, иногда смеётся, выкрикивает что-то. Минут через 15 уже «Спокойной ночи, малыши» начнётся. Затем будем укладываться спать, на сон традиционно «Карлсона» читаем, главу, а потом – выключим лампу и в обнимку заснём.

14 марта 2005, понедельник.

□ – Вот в четверг заберу тебя из садика, купим чего-нибудь вкусного, сядем на автобус и съездим посмотреть на море, *до самого конца поедем*, – мы с ней обычно доезжали до конечной остановки автобуса и ещё с километр дальше уходили, – говорю я ей.

– Ты что, папа?! У моря нет конца! Только с одной стороны... Оно нигде не заканчивается!

Пяти лет нет человеку.

□ Сегодня же – гуляем, Анюта увидела знакомого:

– Мишутка, привет!

Обернувшись ко мне, рассудительно:

– Его можно назвать Михаил... Михаил – чуть меня не проглотил!

□ Только что – вернулись домой – по случаю рассказывал Анюте, как она была маленькая, только кушала и спала, и ещё «песни пела», такие: «Ля-а-а, ля-а-а-а».

– А зачем я пела такие песни?

– Ну, не знаю.

И после минутного молчания, я уже и о разговоре забыл:

– Была плохая жизнь.

22 мая 2005.

Вчера Анюта спросила что такое «наука», и я не смог ответить. Чему в институтах учат?

Сентябрь – октябрь 2000. Таня в институте, папа с дочкой сидит дома, когда надо – покормит, – в холодильнике Таня оставила бутылочки с молоком, когда надо – спать уложит. Анюта спокойно спит, я сижу на кухне, читаю. Слышу: плачет девушка. И мне почему-то пришло в голову проверить одну теорию... Здесь придётся сделать отступление.

Гармонию и полифонию в институте у нас вела Валентина Петровна Козловская, зав. кафедрой теории и истории музыки института, великолепный специалист – две консерватории: новосибирская (кажется) и киевская, да ещё и стажировка в ленинградской консерватории, очень требовательный преподаватель и её студенты (понятно!) не особо любили, но к нам, «оркестрантам», она, видимо, питала слабость, так что мы в ней души не

чаяли, тем более, что и стиль её лекций был весьма нестандартный. И вот время от времени она делилась интереснейшей информацией, видимо, собственными исследованиями о воздействии звуков определённой высоты на человеческий организм, особенностях эмоциональной окраски разных тоналностей, о связи тонального плана с процессом мыслительной деятельности.

В частности, она говорила, что женщины, как правило, плачут в ля-миноре («тональность эгоизма, жалости к себе, любви к себе»), в любви они объясняются в соль-миноре («земная женщина, ей надо замуж!»), все же объяснения в любви у мужчин теноровые, в благородной тональности си-бемоль-мажор. «Ля» малой октавы – это вообще тон, частота звучания здорового человеческого сердца, а вот мозг человека резонирует в «соль» малой октавы (тон жизни, радость, – «Отче наш» звучит в соль-мажоре). В промежутке «ре» – «фа-диез» второй октавы звучит тревога, смертельная опасность. А перед смертью, в крайний момент агонии, все живые существа издают тон «фа» второй октавы, и момент смерти – рвутся все жизненные связи, кульминация – «фа-диез» второй октавы.

Ну и вот, сижу я на кухне, читаю книжку, никому не мешаю. В дальней, через зал, комнате, за закрытой дверью, заплакала Анютка, я и думаю: дай, проверю! Мне в Японии подарили отличный хроматический камертон, пробую – и действительно, Анька, как и положено девушке, плачет в «ля»! Я ощутил триумф великого путешественника-естествоиспытателя. Гумбольдт! Ливингстон! Даю звук на полтона ниже – ля-бемоль – Анюта мгновенно перестроилась и продолжила плакать в «ля-бемоле»! Я ещё ниже – «соль» – и она в «соль» плачет, я ещё ниже спускаюсь – Анька моментально перестраивается! В общем, она у меня очень чётко и чистенько «интонировала» в диапазоне квинты – от «фа» первой до «до» второй октавы, дальше уходить я не стал, я же не знаю, как у детей связки работают: вдруг повредить что-то можно.

Таким образом, мы с тобой совершили целую серию научных открытий! Первое: воспроизведённый нами эксперимент подтвердил теорию. Второе: у девушки наличествует музыкальный слух. И третье: плач ребёнка – не утилитарный сигнал о неблагоприятных обстоятельствах, не лампочка на приборной панели, а способ со-общения со внешним миром! Не просто так.

А что плакала, к слову, я и не помню, наверное, для порядка просто. Мы с тобой дружно жили. Мама приходит из института и ужасается: «Как, два кормления пропущено, уже время в третий раз кормить девочку, ребёнок голодный!», а ребёнок и не выражал никаких претензий, мы просто дрыхли с тобой на пару по шесть часов подряд. Нос в нос уткнёмся, я тебя ещё сверху и своим одеялом укрою, – на улице осень, сыро, холодно, а мы, в обнимку, дружно давим щёки!

SMS-ки (с сохранением некоторых особенностей авторской орфографии).

Решил подарить Анюте на день рождения телефон, подарок «два-в-одном» называется: и внимание девушке оказать, и дефицит общения, понимаешь, сократить. Результат превзошёл все ожидания, с девчонкой оказалось очень интересно обмениваться сообщениями – что ни смс-ка – то перл.

11 июля 2007

*Папочка ятебя люблю
Папочка яиграю в игру*

12 июля 2007

Пашли мне ысэмэс

14 июля 2007

*С добрым утром, моя девочка, спишь ещё, наверное?
Сдобрым утром папачка ивапце я ужедавно встала*

Попросила меня загадать ей загадку, я загадал – одну, вторую, третью, пятую, но уже вскоре фантазия моя истощилась, а Анька требует ещё! Вспомнил из своего ясновского сахалинского детства загадку о «багадульем носе» (багадулами у нас называли алкоголиков, – и нигде кроме я больше этого словечка не слыхал): «Зимой и летом одним цветом», – имеется в виду, что сизым цветом, независимо от времени года, да и вообще любых обстоятельств. Через минуту получаю ответ, в нём аж звенит праведное возмущение:

Папа тышто смеешся надамной эта елка

19 июля 2007

Жалуюсь Анютке, что жарко в Хабаровске, на улицу выйти нельзя, то ли дело у вас на Сахалине...

Дачево хорошево кагда сонце нет вадваре то пагулять давольна не-ским да

Пытаюсь возражать, мол, солнце, конечно, здорово, но его слишком много, асфальт даже плавится.

Ишто ягуляла прижаре 37градусаф уничево

Где это ты, спорщица малолетняя, на Сахалине нашла жару аж в «37градусаф» - то?!

Ишто ятебе невру

29 июля 2007

Папа сдраствуй закинь мне деник насотовый пожалуйста

30 июля 2007

Я смогу адгодать только зафтра
Это я ей загадку загадал, как она просила.

2 августа 2007
Я сижу искучаю патибе

12 ноября 2007, понедельник

Утром еду на работу, на Красную речку. СМС-ка пришла – Анюта желает доброго утра. Некоторое время мы обмениваемся сообщениями, выясняется, что у неё сейчас каникулы. Поплакался ей, что у меня на работе вот каникул не бывает. Приходит ответ:

Я тебе очень сажэлю, – посочувствовала папочке!

– Чем – спрашиваю, – занимаешься на каникулах?

Яс дедушкой учю все страны мира

Здорово!

– А Буркина-Фасо знаешь? – решил поумничать папа.

Знаю

– А Лесото?

Лесото столица масеру

Меня задело! Я вот не смог бы навскидку назвать столицу Лесото. Дай, думаю, подловлю девушку, спрошу столицу не просто государства, а какого-нибудь карликового княжества, где название столицы является одновременно названием страны, два-в-одном – Монако там, Андорра, Ватикан ... И пишу:

– А Лихтенштейн?

Ответ моментальный:

Я знаю столица вадуц

– А вот вы и попались, девушка! Лихтенштейн – карликовое княжество, само и является своей столицей!

Через пару минут Анюта очень спокойно и, что называется, корректно, отвечает папочке:

Папа тынеправ четай справачник все страны мира

– Анька, а ты по книжке читаешь или по памяти говоришь?

Попамити

Надо ли упоминать, что я еле дождался конца рабочего дня, доехал до дома, не раздеваясь, прошёл к книжному шкафу, достал энциклопедию:

Лихтенштейн – столица Вадуц!

Без комментариев!

28 января 2009, среда

Анюта загадывает папе «загадку»:

...какие столицы у этих стран хорватия, бангладеш, бутан, бахрейн, бруней, вьетнам.

Я отвечаю, скромно, в том смысле, что навскидку могу ей назвать только столицу Вьетнама – Ханой, и тут же получаю:

Ха ха ха даже я это знаю хорватия – загреб, бангладеш – дакка, бах-рейн – манама, бруней – бондар-сери-бегаван, бутан – тхимпху.

Ответить мне было нечего. Про «бондар-сери-бегаван» я слышал первый раз в жизни.

